БАХТИН

БАХТИН ПОД МАСКОЙ

ЛАБИРИНТ

МАСКА ПЕРВАЯ

В. Н. ВОЛОШИНОВ

ФРЕЙДИЗМ

ISBN 5—87604—013—4

ВОЛОШИНОВ В. Н. (М. М. Бахтин). ФРЕЙДИЗМ. Комментарии В. Махлина. «Лабиринт», 1993 г.

Серия книг «Бахтин под маской» выходит под общей редакцией И. Пешкова.

Художник И. Смирнова.

Редактор Г. Шелогурова.

Михаил Михайлович Бахтин поставил феноменальный культурологический эксперимент (если можно назвать экспериментом всю жизнь и творчество), сравнимый с шекспировской мистификацией: парадоксальное взаимодействие автора и героя, совсем не похожее на то, изучению которого главным образом в художественной литературе (как он хотел нас убедить своими подписанными трудами) Бахтин отдал столько энергии. В классическом гуманитарном текстотворчестве автор изобретает предмет речи (не монологическую вещь, а диалогически живой предмет), в художественной литературе это — герой. А тут год за годом выходят три книги, объемом примерно 200 страниц каждая. Они блестяще открывают свой предмет, оказывая серьезнейшее влияние сразу минимум на три самостоятельные гуманитарные дисциплины (психологию, литературоведение, языкознание — это то, что на поверхности!) и только лет через 35—40 тексты рождают читателям своего автора, который проявляется с такой же чистотой и наглядностью, с какой сам автор являет нам предмет своих исследований. М. М. Бахтин стал автором (окончательно уже после смерти, ведь при жизни он никогда не заявлял о своем авторстве, хотя никогда и не отказывался) по меньшей мере трех больших, давно известных в научном мире работ. Чистый, на глазах у всех, без всякой шекспировской бутафории фокус! Возрождение текстом автора! Неэвклидова гуманитария или четвертое измерение.

А если Бахтин сознательно замедлил и видоизменил действие этих текстов?.. Отправил незапечатанное письмо в будущее?

Так, может быть, пора прочитать послания?

«Лабиринт», 103 045, Москва, Последний пер., д. 23, строение 3, 2 этаж; тел. 207-19-22.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФРЕЙДИЗМ
И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

(Критическая ориентация)

Глава I.

ОСНОВНОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МОТИВ ФРЕЙДИЗМА

1. Фрейдизм и современность. 2. Идеологический мотив фрейдизма. 3. Родственные мативы современной философии. 4. Предварительная оценка фрейдизма.

1. В 1893 г. два венских врача — Фрейд и Брейер — выступили на страницах специального психиатрического журнала с небольшой статьей[1], названной ими «О психическом механизме истерических явлений» (предварительное сообщение) и посвященной новому методу лечения истерии с применением гипноза. Это «предварительное сообщение» и было тем зерном, из которого развился «психоанализ» — одно из наиболее популярных идеологических течений современной Европы.

Появившись на свет в качестве скромного психиатрического метода[2] со слабо развитой теоретической основой, психоанализ уже в течение первого десятилетия своего существования выработал собственную общепсихологическую теорию, по-новому освещающую все стороны душевной жизни человека. Затем началась работа по применению этой психологической теории к объяснению различных областей культурного творчества — искусства, религии и, наконец, явлений социальной и политической жизни. Таким образом, психоанализ разработал собственную философию культуры. Эти общепсихологические и философские построения психоанализа мало-помалу заслонили собой первоначальное, чисто психиатрическое ядро учения[3].

Успех психоанализа в широких кругах европейской интеллигенции начался еще до войны, а в послевоенное время, особенно в самые последние годы, влияние его достигло необычайных размеров во всех странах Европы и в Америке. По широте этого влияния в буржуазных и интеллигентских кругах психоанализ оставил далеко позади себя все современные ему идеологические течения; конкурировать с ним в этом отношении может разве только одна антропософия (штейнерианство). Даже такие модные течения интернационального масштаба, какими были в свое время бергсонианство и ницшеанство, никогда, даже в эпохи наибольшего своего успеха, не располагали таким громадным числом сторонников и «заинтересованных», как фрейдизм.

Сравнительно медленный, а в начале (до десятых годов нашего века) и очень трудный путь, приведший психоанализ к «завоеванию Европы», говорит о том, что это не скоропрохо-

дящая и поверхностная «мода дня», в роде шпенглерианства, а более устойчивое и глубокое выражение каких-то существенных сторон европейской буржуазной действительности. Поэтому всякий, желающий глубже понять духовное лицо современной Европы, не может пройти мимо психоанализа: он стал слишком характерной, неизгладимой чертой современности[4].

Чем же объясняется такой успех психоанализа? Что привлекает к нему европейского буржуа?

Конечно, не специально научная, психиатрическая сторона этого учения. Было бы наивно думать, что все эти массы горячих поклонников психоанализа пришли к нему, интересуясь специальными вопросами психиатрии и следя за специальными органами этой науки. Не на этом пути они встретились с фрейдизмом. В подавляющем большинстве случаев Фрейд был первым и последним психиатром, которого они прочли, а «Internationale Zeitschrift fur Phychoanalyse» — первым и единственным специальным психиатрическим журналом, который они раскрыли. Было бы наивно думать, что Фрейду удалось завоевать внимание широких кругов к специальным вопросам психиатрии. Конечно, и не практический интерес к успехам терапевтического метода привлекает к психоанализу. Нелепо было бы предположить, что все эти массы поклонников Фрейда — жаждущие исцеления пациенты психиатрических клиник. Несомненно, что Фрейд сумел задеть за живое современного буржуа не специально научной и не узко практической стороной своего учения.

Во всяком идеологическом течении, которое не остается достоянием узкого круга специалистов, а захватывает широкие и разнообразные читательские массы, не могущие, конечно, разобраться в специальных деталях и нюансах учения, — всегда может быть выделен один основной мотив, идеологическая доминанта всего построения, определяющая его успех и влияние. Этот основной мотив, убедительный и многоговорящий сам по себе, относительно независим от сложного аппарата своего научного обоснования, недоступного широкой публике. Поэтому его можно выделить в простой и грубой форме, не боясь быть несправедливым.

В настоящей вступительной главе мы, несколько предвосхищая наше дальнейшее изложение, ставим своей задачей выделить этот основной идеологический мотив фрейдизма и дать ему предварительную оценку.

При этом мы руководствуемся следующими соображениями.

Прежде чем вводить читателя в довольно сложный временами увлекательный лабиринт психоаналитического учения, необходимо с самого начала дать ему твердую критическую ориентацию. Мы должны прежде всего показать нашему читателю, в каком философском контексте, т. е. в ряду каких других философских течений, владевших или еще владеющих умами европейской интеллигенции, он должен воспринимать психоанализ, чтобы получить верное представление об идеологической сущности и ценности этого учения. Потому-то и необходимо выделить его основной идеологический мотив. Мы увидим, что этот мотив вовсе не является чем-то абсолютно новым и неожиданным, а вполне укладывается в основное русло всех идеологических устремлений буржуазной философии первой четверти XX века, являясь, быть может, наиболее ярким и смелым их выражением.

В следующей — второй — главе мы, не торопясь с изложением самого учения Фрейда, постараемся дать читателю такую же критическую ориентацию для восприятия чисто психологической стороны этого учения, ознакомив его с борьбою различных направлений в современной психологии. Этим мы определим тот контекст, в которым должно воспринимать и оценивать специально психологические утверждения фрейдизма.

Критически вооружив читателя и подготовив историческую перспективу для восприятия нового явления, мы с третьей главы перейдем к систематическому изложению психоанализа, уже не перебивая этого изложения критическими замечаниями. Вторая часть нашей книги снова вернется к критическим темам, намеченным в первых двух главах.

2. Каков же основной идеологический мотив фрейдизма?

Судьба человека, все содержание его жизни и творчества — следовательно: содержание его искусства, если он художник, его научных теорий, если он ученый, его политических программ и действий, если он политик — всецело определяется судьбами его полового влечения, и только ими одними. Все остальное — лишь обертоны основной, могущественной мелодии сексуальных влечений[5].

Если же сознание человека говорит ему другое о мотивах и движущих силах его жизни и творчества, то оно лжет. Развитию основной темы все время сопутствует у Фрейда критика сознания.

Таким образом, существенно в человеке совсем не то, чем определяется его место и роль в истории — тот класс, та нация, та историческая эпоха, к которой он принадлежит, — существенны только его пол и его возраст; все остальное — лишь надстройка над этим. Со-

знание человека определяется не его историческим бытием, а — биологическим, главной стороной которого является сексуальность.

Таков основной идеологический мотив фрейдизма.

В своей общей форме он и не нов и не оригинален. Но оригинальной и новой является разработка его составных частей — понятий пола и возраста: здесь Фрейду действительно удалось обнаружить громадное богатство и разнообразие новых моментов и оттенков, до него научно совершенно не обследованных, вследствие чудовищного лицемерия официальной науки во всех вопросах, касающихся половой жизни человека. Фрейд настолько расширил и обогатил понятие сексуальности, что те обычные житейские представления, которые мы привыкли связывать с этим понятием, оказываются лишь маленьким уголком его необъятной территории. Это нужно помнить при оценке психоанализа: бросая ему, например, обычный упрек в «пансексуализме», не следует упускать из виду этого нового, чрезвычайно расширенного, смысла слова «сексуальный» у Фрейда.

Далее, много неожиданного обнаружил психоанализ и в вопросе о связи между сексуальностью и возрастом. История сексуального влечения человека начинается с момента его рождения, проходит через длинный ряд своеобразно окрашенных периодов развития и совсем не укладывается в наивную схему: невинный младенец — созревший юноша — невинный старец. Загадка возрастов человека, заданная сфинксом Эдипу, нашла у Фрейда неожиданное и своеобразное разрешение. Насколько оно основательно—вопрос другой, мы им займемся позже. Здесь нам важно лишь отметить, что обе составные части основного идеологического мотива фрейдизма—пол и возраст—обновление и обогащение новым содержанием. Поэтому старый сам по себе мотив зазвучал по-новому.

Мотив стар. Он постоянно повторяется во все те эпохи развития человечества, в которые происходит смена творящих историю социальных групп и классов. Это — лейтмотив кризисов и упадка.

Когда тот или иной социальный класс находится в стадии разложения и принужден покинуть арену истории, его идеология начинает навязчиво повторять и на все лады варьировать тему: человек есть прежде всего животное, — и старается с точки зрения этого «откровения» переоценить все ценности мира и истории по-новому. Вторая часть знаменитой аристотелевской формулы («человек — животное социальное») при этом совершенно игнорируется.

Идеология таких эпох переносит центр тяжести в изолированный биологический организм, а три основных события его общеживотной жизни—рождение, coitus, смерть — начинают по своему идеологическому значению конкурировать с историческими событиями, становятся как бы суррогатом истории.

Не-социальное, не-историческое в человеке абстрактно выделяется и объявляется высшим мерилом и критерием всего социального и исторического. Кажется, словно люди этих эпох хотят уйти из ставшей для них неуютной и холодной атмосферы истории и укрыться в органическую теплоту животной стороны жизни.

Так было в эпоху упадка греческих государств, упадка Римской империи, в эпоху разложения феодально-дворянского строя перед Великой французской революцией.

Мотив всесилия и мудрости природы (и прежде всего природы в человеке — его биологических влечений) и бессилия праздной и ненужной суеты истории — одинаково звучит нам, пусть и с различными нюансами и в разных эмоциональных тонах, в таких явлениях, как эпикурейство, стоицизм, литература римского упадка (например, «Сатирикон» Петрония), скептическая мудрость французских аристократов конца XVII—XVIII века. Боязнь истории, переоценка благ частной, личной жизни, примат в человеке биологического и сексуального — таковы общие черты всех этих идеологических явлений.

3. И вот, с самого конца XIX века в европейской идеологии снова отчетливо зазвучали родственные мотивы. Абстрактный биологический организм опять стал главным героем буржуазной философии XX века.

Философия «чистого познания» (Кант), творческого «я» (Фихте), «идеи и абсолютного духа» (Гегель) — эта достаточно энергичная и по-своему трезвая философия героической эпохи буржуазии (конец XVIII, первая половина XIX века) — была еще полна исторического и буржуазно-организаторского пафоса. Во второй половине века она все больше и больше мельчала и застывала в мертвенных и неподвижных схемах школьной философии эпигонов (неокантианцев, неогегельянцев, неофихтеанцев) и, наконец, в наше время сменяется пассивной и дряблой философией жизни, биологически и психологически окрашенной, спрягающей на все лады и со всеми возможными префиксами и суффиксами глаголы «жить», «переживать», «изживать», «вживаться» и т. п.[6].

Биологические термины различных органических процессов буквально наводнили мировоззрение: ко всему старались подыскать биологическую метафору, приятно оживляющую предмет, застывший в холоде кантианского чистого познания.

Каковы основные черты этой современной нам философии?

Всех, столь разнородных и во многих отношениях несогласных между собой мыслителей современности, какими являются: Бергсон, Зиммель, Гомперц, прагматисты, Шелер, Дриш, Шпенглер, — в основном все же объединяют три мотива:

1) *в центре философского построения находится биологически понятая жизнь.* Изолированное органическое единство объявляется высшей ценностью и критерием философии;

2) *недоверие к сознанию.* Попытка свести к минимуму его роль в культурном творчестве. Отсюда критика кантианства, как философии сознания;

3) *попытка заменить все объективные социально-экономические категории субъективно-психологическими или биологическими.* Стремление понять историю и культуру непосредственно из природы, минуя экономику.

Так, Бергсон, до сих пор остающийся одним из наиболее популярных европейских философов, в центре всего философского построения ставит понятие единого жизненного порыва (elan vital), пытаясь вывести из него все формы культурного творчества. Высшие формы познания (именно философское интуитивное познание) и художественное творчество родственны инстинкту, наиболее полно выражающему единство жизненного потока. К интеллекту, создающему положительные науки, Бергсон относится с пренебрежением, но и его формы он выводит непосредственно из биологической структуры организма[7].

Недавно скончавшийся Георг Зиммель — кантианец в своих первых работах — в XX веке стал одним из наиболее ярких выразителей модных биологических тенденций. Замкнутое органическое единство индивидуальной жизни является для него высшим критерием всех культурных ценностей. Только то, что может приобщиться к этому самодовлеющему единству, получает смысл и значение. В одной из своих основных работ — «Индивидуальный закон» — Зиммель старается понять этический закон, как закон индивидуального развития личности. Полемизируя с Кантом, который требовал для этического закона формы всеобщности (категорический императив), Зиммель и развивает свое понятие индивидуального этического закона, который должен регулировать не отношения людей в обществе, а отношение

сил и влечений внутри замкнутого и самодовлеющего организма[8].

Еще более грубые формы биологический уклон в философии принимает у прагматистов, сторонников недавно умершего американского психолога Джемса, отца прагматического направления, — пытающихся свести все виды культурного творчества к биологическим процессам приспособления, целесообразности и пр.[9]

Своеобразную близость к фрейдизму обнаруживает незаконченная философская система компатриота Фрейда — венского философа Генриха Гомперца — «панэмпиризма». Гомперц пытается все категории мышления — причинности, предмета и др. — свести к чувствам, к эмоциональным реакциям человеческого организма на мир, не без влияния венского сексуолога Отто Вейнингера[10].

Те же мотивы, но в более осложненной форме, мы найдем и у самого влиятельного немецкого философа наших дней, — главного представителя феноменологического направления, Маркса Шелера. Борьба с психологизмом, борьба с примитивным биологизмом, проповедь объективизма связывается у Шелера с глубоким недоверием к сознанию и его формам, с предпочтением интуитивных способов познания. Все положительные эмпирические науки Шелер, примыкая в этом к Бергсону, выводит из форм приспособления биологического организма к миру[11].

Стремление подчинить философию задачам и методам частной науки — биологии — наиболее последовательно выражено в философских работах Ганса Дриша, известного биолога-неовиталиста, одного из основателей экспериментальной морфологии, ныне занявшего кафедру философии. Основное понятие его системы — «энтелехия» (термин Аристотеля, в дословном переводе с греческого значит: «имеющее в себе цель»). Энтелехия — это как бы квинтэссенция органического единства и целесообразности. Она руководит всеми проявлениями организма, как его низшими биологическими функциями, так и его высшей культурной деятельностью[12].

Наконец, упомянем еще о нашумевшей, но уже почти забытой попытке Шпенглера применить биологические категории к пониманию исторического процесса[13].

Мы видим, таким образом, что основной идеологический мотив фрейдизма отнюдь не одинок. Он звучит в унисон со всеми основными мотивами современной буржуазной философии. *Своеобразный страх перед историей, стремление найти мир по ту сторону всего исторического и социального, поиски этого мира именно в глубинах органического — проникают*

собою все построения современной философии, являясь симптомом разложения и упадка буржуазного мира.

«Сексуальное» Фрейда является крайним полюсом модного биологизма, собирая и сгущая в одном сжатом и пряном образе все отдельные моменты современного антиисторизма.

4. Как же мы должны отнестись к основной теме современной философии? Основательна ли попытка непосредственного выведения всего культурного творчества из биологических корней человеческого организма?

Отвлеченной биологической личности, того биологического индивидуума, который стал альфой и омегой современной идеологии, вообще не существует. Человека вне общества и, следовательно, вне объективных социально-экономических условий, не бывает. Это — дурная абстракция. Только как часть социального целого, в классе и через класс, становится человеческая личность исторически реальной и культурно продуктивной. Чтобы войти в историю, мало родиться физически — так рождается животное, но оно в историю не входит. Нужно как бы второе, социальное, рождение. Человек рождается не как абстрактный биологический организм, а как помещик или крестьянин, как буржуа или пролетарий, — это главное. Далее, он рождается или как русский, или как француз, и, наконец, рождается в 1800 или в 1900 г. Только эта социальная и историческая локализация человека делает его реальным и определяет содержание его жизненного и культурного творчества. Все попытки миновать это второе, социальное, рождение и все вывести из биологических предпосылок существования организма — безнадежны и заранее обречены на неудачу: ни один поступок цельного человека, ни одно конкретное идеологическое образование (мысль, художественный образ, даже содержание сновидения) не могут быть объяснены и поняты без привлечения социально-экономических условий. Более того, даже специальные вопросы биологии не найдут исчерпывающего разрешения без полного учета социального места изучаемого человеческого организма. Ведь «сущность человека — это вовсе не абстракт, свойственный отдельному лицу. В своей действительности это есть совокупность всех общественных отношений...»[14]

Примечания:

[1] Эта статья вошла в книгу: Dr. Breuer und Dr. Freud, «Studien über Hysterie». 1. Auflage 1895 (четвертое издание в 1922 г.).

[2] Предложенный Фрейдом и Брейером метод лечения истерии должен был служить только дополнением других практиковавшихся в медицине методов.

[3] С нашим утверждением согласятся не все психоаналитики, но тем не менее оно верно. Две последних книги Фрейда: «Jenseits des Lustprincips» 1920 г. и «Das Ich und das Es» 1923 г. — носят чисто философский характер. На последнем всемирном съезде психоаналитиков в 1922 г. многими участниками съезда были высказаны опасения, что спекулятивная (умозрительная) сторона психоанализа совершенно заслонила его первоначальное терапевтическое назначение. Об этом см. Dr. S. Ferenczi und Dr. O. Rank, «Entwicklungsziele der Psychoanalyse», 1924.

[4] О широте движения фрейдизма можно судить по тому, что в настоящее время существует целая интернациональная организация фрейдистов. В 1924 г. состоялся восьмой конгресс фрейдистов, на котором присутствовали представители местных групп, — из Вены, Будапешта, Берлина, Голландии, Цюриха, Лондона, Нью-Йорка, Калькутты и Москвы. Существует ряд периодических изданий по психоанализу и специальное «Интернациональное психоаналитическое издательство в Будапеште». В 1920 г. в Берлине открыта первая психоаналитическая клиника для неимущих нервнобольных. — *Прим. ред.*

[5] Автор подчеркивает только основной мотив фрейдизма. Из дальнейшего изложения (гл. III) читатель убедится, что учение о наличии бессознательных душевных процессов, о «сопротивлении и выяснении» являются такими же неотъемлемыми элементами фрейдизма (см. ст. Фрейда в Handwörterb. der Sexualwissenschaften 1926, стр. 614). — *Прим. ред.*

[6] См. Г. Риккерт, «Философия жизни» (Academia, 1922 г.). В книге довольно много осведомительного материала, но точка зрения автора — идеалиста-неокантианца — неприемлема.

[7] Важнейший философский труд Бергсона — «Творческая эволюция», русский перевод. М., 1909.

[8] См. Зиммель, «Индивидуальный закон» («Логос» 1914 г.). Эта работа в качестве одной главы вошла в последнюю книгу Зиммеля «Lebensanschauung» (1919 г.). О Зиммеле: небольшая статейка с марксистским подходом проф. Святловского, приложенная к книжке Зиммеля, «Конфликты современной культуры» (Пгр. «Начатки Знаний», 1923 г.).

[9] См. философскую книгу Джемса, «Прагматизм» (руск. пер. изд. «Шиповник»), являющуюся основным трудом этого направления.

[10] Основной труд Гомперца: «Anschauungslehre». Есть русский перевод: «Учение о мировоззрении» изд. «Шиповник». О влиянии на него Вейнингера см. «Учение о мировоззрении», стр. 172-175.

[11] Из трудов М. Шелера назовем: Phenomenologie und Theorie der Sympathiegefühle, Halle 1913 г.; «Vom Ewigen im Menschen» 1920 г. Русских работ о Шелере нет, за исключением статьи Баммеля: «Макс Шелер, католицизм и рабочее движение» («Под знам. маркс.», 7—8, 1926). Шелеру мы посвящаем особую главу в подготовляемой нами к печати книге «Философская мысль современного Запада». В первой из названных книг Шелер уделяет ряд страниц анализу и оценке фрейдизма.

[12] Основной труд Дриша: «Philosophie des Organischen». B. I—II. 1909 г. Есть новое значительно измененное однотомное издание 1921 г., «Ordnungslehre»» (1926) и «Wirklichkeitslehre» (1924). На русском языке имеется книга Дриша «Витализм, его история и система» (М., 1915 г.). Из русских работ о нем см. Н. И. Канаев, «Современный неовитализм», журн. «Человек и Природа», №№ 1—2. 1926. (Ленотгиз).

[13] Его книга «Untergang des Abendlandes», B. I—II. В русском переводе имеется первая часть первого тома: «Причинность и судьба» (Academia, 1924 г.). Марксистская критика Шпенглера: Деборин, «Философия и марксизм» (сб. статей), статья «Гибель Европы, или торжество империализма» (ГИЗ, 1926 г.).

[14] К. Маркс. Из шестого тезиса о Фейербахе. См. Фр. Энгельс, «Людвиг Фейербах»; перевод Г. В. Плеханова. Изд. «Красная Новь». М. 1923, стр. 89.

Глава II.

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

1. Постановка вопроса. 2. Экспериментальная психология. 3. Объективная психология. 4. Словесная реакция. 5. Марксизм и психология. 6. Психологическая проблема фрейдизма. 7. Наука и класс.

1. Мы ознакомились с основным мотивом психоанализа и установили его кровное родство с другими идеологическими течениями европейской современности. Этот мотив проникает снизу доверху все построения психоаналитиков. Свое наиболее ясное, идеологически обнаженное выражение он находит, конечно, и в своеобразной философии культуры. Но и в психологическом учении за специальным частно-научным аппаратом построения мы можем вскрыть все тот же основной мотив, как определяющее начало всех представлений фрейдистов о душевной жизни человека и господствующих в ней силах.

Тем не менее, существует довольно распространенное мнение[1], что при порочности и неприемлемости основного идеологического мотива в психоанализе существует здоровое и ценное научное зерно: это именно его психологическая теория. Защитники этого мнения полагают, что специально-психологическое учение Фрейда вполне совместимо с иным философским мировоззрением, и что оно как раз наиболее отвечает тем требованиям, которые предъявляет марксизм к научной психологии.

Чтобы разобраться в этом вопросе, мы и считаем необходимым до изложения психоанализа ввести читателя в круг основных направлений современной психологии, а также и тех требований, которые марксистская точка зрения может предъявить к методологическим основам этой науки.

В настоящее время в Западной Европе и у нас в СССР происходит оживленная борьба двух направлений в изучении психической жизни человека и животных, — борьба объективной и субъективной психологии.

Каждое из этих направлений, в свою очередь, распадается на ряд отдельных течений. В последующем мы назовем только важнейшие из них, но касаться их различий и особенностей не будем. Нам важно лишь самое основное различие между точками зрения субъективистов и объективистов.

Наиболее серьезной современной разновидностью субъективной психологии является экспериментальная психология (школа Вундта, Джемса и др.; ее крупнейший представитель у нас — проф. Челпанов), а разновидностями объективной психологии — рефлексология (школа Павлова[2], Бехтерев[3] и др.) и так называемая «наука о поведении» (бихэвиоризм), пользующаяся особым развитием в Америке (Ватсон[4], Пармели[5], Дьюи и др.). В СССР в родственном с бихэвиоризмом направлении работают Блонский и Корнилов (реактология)[6].

В чем же существо разногласий между субъективной и объективной психологией?

Психическая жизнь дана человеку двояко:

1) в себе самом человек непосредственно, во внутреннем опыте наблюдает течение различных душевных переживаний — представлений, чувств, желаний;

2) у других людей и у животных человек может наблюдать только внешние выражения психической жизни в различных реакциях чужого организма на раздражения. Во внешнем опыте нет, конечно, ни желаний, ни чувств, ни стремлений — ведь их нельзя ни увидеть, ни услышать, ни нащупать — а есть только определенные материальные процессы, происходящие в реагирующем (т. е. отвечающем на раздражения) организме. Этот внешний материально-телесный язык психической жизни человек может наблюдать, конечно, и на себе самом.

Спрашивается теперь, какой опыт должен быть положен в основу научной психологии: внутренний — субъективный или внешний — объективный, или, может быть, какая-нибудь определенная комбинация из данных и того и другого опыта?

2. Нужно сказать, что серьезных защитников чистого субъективного опыта, как единственной основы психологии без всякой примеси данных опыта внешнего, теперь уже нет. Представители современной разновидности субъективной психологии утверждают следующее: в основу психологии может быть положено только непосредственное наблюдение душевной жизни, т. е. самонаблюдение, но данные его должны восполняться и контролироваться внешним объективным наблюдением. Этой цели и служит эксперимент, т. е. произвольное вызывание психических явлений (переживаний) при определенных, создаваемых самым экспериментатором, внешних условиях.

Состав такого психологического эксперимента при этом неизбежно окажется двояким:

1) одна часть его, именно вся внешняя физическая ситуация, при которой происходит данное исследуемое переживание — обстановка, раздражитель, внешнее — телесное проявление раздражения и реакции, испытуемого,—находится в поле внешнего объективного опыта экспериментатора. Вся эта часть эксперимента поддается методам точного, естественно-научного констатирования, анализа и измерения с помощью специальных приборов;

2) вторая часть эксперимента — самое психическое переживание — не дана во внешнем опыте экспериментатора, более того, она принципиально выходит за пределы всякого внешнего опыта. Эта часть дана только во внутреннем опыте самого испытуемого, который и сообщает результаты своего самонаблюдения экспериментатору. Уже экспериментатор приводит эти непосредственные внутренние данные испытуемого в связь с данными своего внешнего объективного опыта.

Ясно, что центр тяжести всего эксперимента лежит во второй — субъективной части его, т. е. во внутреннем переживании испытуемого; на него и направлена установка экспериментирующего. Это внутреннее переживание и является, собственно, предметом психологии.

Таким образом, последнее слово в экспериментальной психологии принадлежит самонаблюдению. Все же остальное, все те точные измерительные приборы, которыми так гордятся представители этого направления, являются только внешней оправой для самонаблюдения, только объективно-научной рамкой для субъективно-внутренней картины, — не более.

3. Неизбежно возникает вопрос, не разрывает ли «внутреннее переживание» испытуемого единство и непрерывность внешнего опыта экспериментатора? Не вносится ли этой внутренней точкой зрения (ведь именно с внутренней точки зрения сообщал испытуемый о своих переживаниях) нечто несоединимое с данными опыта внешнего, нечто принципиально не поддающееся объективному анализу и измерению?

Так именно и полагают представители объективной психологии. Они утверждают, что при таком пользовании методом самонаблюдения, какой допускают субъективисты, точной объективной науки построить нельзя. При построении научной психологии необходимо выдержать последовательно и до конца точку зрения внешнего объективного опыта. Внесение же данных самонаблюдения разрушает его единство и его непрерывность. Ведь все, что может иметь какое-либо значение в

жизни и в практике, должно быть дано, как внешняя материальная величина, должно выражаться в каком-либо чисто материальном изменении[7].

Такими чисто материальными величинами и являются различные реакции живого организма на раздражения. В своей совокупности эти реакции и образуют то, что мы называем поведением человека или животного.

Это поведение живого организма целиком дано во внешнем объективном опыте, все в нем может быть учтено, измерено и приведено в необходимую причинно-следственную связь с внешними раздражителями и условиями окружающей материальной среды. Только это материально выраженное поведение человека и животных и может быть предметом психологии, желающей быть точной и объективной. Так утверждают объективисты.

Психологический эксперимент — ведь и объективисты должны, конечно, пользоваться экспериментом — должен быть на всем своем протяжении локализован во внешнем мире и все его моменты должны быть доступны экспериментатору. Совершенно недопустимо в одном плане, в одной плоскости материального опыта располагать данные и внешнего и внутреннего наблюдения, как это делает субъективная психология: неизбежно получатся дублетные образования (т. е. одно и то же явление будет дано два раза); произойдет путаница, стройность и единство внешнего материального опыта будут поколеблены. «Внутреннее переживание» испытуемого тоже должно быть как-то переведено на язык внешнего опыта, и только в таком виде оно может быть учтено экспериментатором.

4. Внутреннему переживанию во внешнем опыте соответствуют слова испытуемого, с помощью которых он сообщает об этом переживании. Такое выражение переживаний носит название словесной или вербальной реакции (или «словесного отчета» в терминологии бихэвиористов).

Вербальная реакция — явление в высшей степени сложное. Она слагается из следующих компонентов (т. е. составных частей):

1) физическое явление звучания сказанных слов;

2) физиологические процессы в нервной системе, в органах произношения и восприятия;

3) особая группа явлений и процессов, соответствующих «значению» слова и «пониманию» этого значения другим (или другими). Эта группа не поддается чисто физиологическому истолкованию, так как относящиеся к ней явления выходят за пределы изолированного физиологического организма, предполагая взаимодействие нескольких организмов. Таким образом, этот третий компонент словесной реакции носит социологический характер. Образование словесных значений требует установления связей между зрительными, моторными, слуховыми реакциями в процессе длительного и организованного социального общения между индивидами. Однако, и эта группа вполне объективна: ведь все эти пути и процессы, служащие для образования словесных связей, пролегают во внешнем опыте и принципиально доступны объективным методам, хотя и не чисто физиологическим.

Сложный аппарат вербальных реакций работает в своих основных моментах и тогда, когда испытуемый ничего не говорит вслух о своих переживаниях, а испытывает их «про себя»: ведь если он их сознает, то в нем происходит процесс внутренней («скрытой») речи (ведь мы и мыслим, и чувствуем, и хотим с помощью слов: без внутренней речи мы ничего в себе осознать не можем); этот процесс так же материален, как и внешняя речь[8].

И вот, если мы при психологическом эксперименте вместо «внутреннего переживания» испытуемого вставим его вербальный эквивалент (внутреннюю и внешнюю речь или только внутреннюю), то мы сможем сохранить единство и непрерывность внешнего материального опыта. Так понимают психологический эксперимент объективисты.

5. Таковы два направления современной психологии.

Какое же из этих направлений более соответствует основам диалектического материализма? Конечно, второе, — объективное направление психологии: только оно отвечает требованию материалистического монизма.

Марксизм далек от того, чтобы отрицать реальность субъективно-психического: оно, конечно, существует, но его ни в каком случае нельзя отделять от материальной основы поведения организма. Психическое — только одно из свойств организованной материи, и потому недопустимо противопоставлять его материальному, как особый принцип объяснения. Напротив, необходимо, находясь всецело на почве внешнего материального опыта, показать, при какого рода организации и при какой

степени осложненности материи появляется это новое качество — психическое, это новое свойство материи же. Внутренний субъективный опыт для такой цели ровно ничего дать не может. В этом отношении совершенно права объективная психология.

Однако, еще одно очень важное требование предъявляет диалектический материализм к психологии, требование, которое далеко не всегда сознается и выполняется даже объективистами: психология человека должна быть социологизована.

В самом деле, можно ли понять поведение человека без привлечения объективно-социологической точки зрения? Все основные, существенные в жизни человека поступки вызываются социальными раздражителями в условиях социальной среды. Если мы знаем только физический компонент раздражителя и только отвлеченно физиологический компонент реакции, мы еще очень немного поймем в поступке человека.

Например, словесные реакции, которые играют такую огромную роль в поведении человека — ведь внутренняя речь сопровождает каждый сознательный поступок его, — не поддаются, как мы видели, чисто физиологическим методам изучения, являясь специфически социальным проявлением человеческого организма.

Образование словесных реакций возможно только в условиях социальной среды. Сложный аппарат вербальных связей вырабатывается и осуществляется в процессе длительного, организованного и многостороннего общения между организмами. Обойтись без объективных социологических методов психология, конечно, не может.

Итак, психология должна объективными методами изучать материально выраженное поведение человека в условиях природной и социальной среды. Таковы требования, предъявляемые марксизмом к психологии.

6. Какую же позицию занимает в борьбе современных психологических направлений психоанализ?

Сам Фрейд и фрейдисты смотрят на свое учение как на первую и единственную попытку построения истинно объективной, натуралистической психологии. В русской психологической и философской литературе, как мы уже указывали, появилось несколько работ, доказывающих, что психоанализ прав в этих своих притязаниях и что поэтому в своей основе (конечно, с различными изменениями и дополнениями в частностях) он наиболее отвечает требованиям, предъявляемым

марксизмом к психологии[9]. Другие представители объективной психологии и марксизма смотрят на психоанализ иначе, считая его совершенно неприемлемым с объективно-материалистической точки зрения[10].

Вопрос этот интересен и очень важен.

Объективная психология — молодая наука, она только еще начинает слагаться. Свою точку зрения и свои методы она лучше всего может уяснить путем вдумчивой критики и борьбы с другими направлениями (не говоря, конечно, об ее прямой работе над конкретным материалом поведения): это поможет ей методологически окрепнуть и отчетливей осознать свои позиции.

Объективной психологии угрожает одна серьезная опасность—впасть в наивный механистический материализм. Эта опасность далеко не так страшна в областях естествознания, изучающих неорганическую природу. Она становится уже более серьезной в биологии, — в психологии же упрощенно механистический материализм может сыграть прямо роковую роль. Такой уклон в примитивный материализм и связанное с ним чрезвычайное упрощение задач объективной психологии мы замечаем у американских behaviorist'ов[11] и у русских рефлексологов.

И вот, когда объективная психология станет перед необходимостью занять отчетливую критическую позицию по отношению ко всем тем сложным и чрезвычайно важным вопросам, которые выдвинул психоанализ, — явно обнаружатся недостаточность и грубость упрощенно-физиологических подходов к человеческому поведению. Необходимость применения диалектической и социологической точки зрения в психологии станет совершенно очевидной.

Дело в том, что критический анализ психологической теории Фрейда вплотную подведет нас к вопросу именно о словесных реакциях и значении их в целом человеческого поведения — к этому важнейшему и труднейшему вопросу психологии человека.

Мы увидим, что все те душевные явления и конфликты, с которыми познакомит нас психоанализ, окажутся сложными взаимоотношениями и конфликтами между словесными и не-словесными реакциями человека.

Мы увидим, что и внутри самой словесной (вербализованной) области поведения человека имеют место весьма тяжелые конфликты между внутреннею и внешнею речью и между различными пластами внутренней речи. Мы

увидим, что в некоторых областях жизни (например, в сексуальной области) особенно трудно и медленно происходит образование словесных связей (т. е. установление связей между зрительными, моторными и иными реакциями в процессе общения между индивидами, что необходимо для образования словесных реакций). На языке Фрейда все это — конфликты сознания с бессознательным[12].

Сила Фрейда в том, что он со всею остротою выдвинул эти вопросы и собрал материал для их рассмотрения. Слабость его в том, что он не понял социологической сущности всех этих явлений и попытался их втиснуть в узкие пределы индивидуального организма и его психики.

Процессы по существу социальные он объясняет с точки зрения индивидуальной психологии.

К этому игнорированию социологии присоединяется и другой коренной недостаток Фрейда — субъективность его метода, правда, несколько замаскированная (потому и возможен был спор по этому вопросу). Фрейд не выдерживает последовательно и до конца точку зрения внешнего объективного опыта и освещает конфликты человеческого поведения изнутри, т. е. с точки зрения самонаблюдения (но, повторяем, в несколько замаскированной форме). Таким образом, интерпретация (истолкование) наблюденных им фактов и явлений, как мы надеемся убедить в этом читателя, в корне неприемлема.

Другая проблема, которая с неменьшей остротой встает перед нами при критической оценке фрейдизма, тесно связана с первой — проблемой словесных реакций. Она касается «содержания психики»: содержание мыслей, желаний, сновидений и пр.[13]. Это содержание психики сплошь идеологично: от смутной мысли и неясного, неопределившегося желания до философской системы и сложного политического учреждения мы имеем один непрерывный ряд идеологических, а, следовательно, и социологических явлений. Ни один член этого ряда от первого до последнего не является продуктом только индивидуального органического творчества. Самая смутная мысль, так и оставшаяся невысказанной, и сложное философское движение одинаково предполагают организованное общение между индивидами (правда, разные формы и степени организованности этого общения). Между тем Фрейд весь идеологический ряд с первого до последнего члена заставляет развиваться из простейших элементов индивидуальной психики как бы в социально пустой атмосфере.

Здесь мы, конечно, только предварительно намечаем две важнейших проблемы психологии. Но нам важно, чтобы читатель, следя за последующим изложением психоанализа, все время как бы имел их перед глазами.

7. Теперь, в заключение этой главы, мы должны коснуться еще одного вопроса, бегло затронутого в ее начале.

Уже из наших предварительных ориентировочных замечаний читатель может усмотреть, что психологическая, специально научная сторона фрейдизма отнюдь не является нейтральной по отношении к его общеидеологической классовой позиции, нашедшей столь яркое выражение в его основном философском мотиве.

С этим не все согласны. Многие полагают, что вопросы частных наук могут и должны ставиться совершенно независимо от общего мировоззрения. В современном споре вокруг предмета и методов психологии некоторые ученые выдвинули положение о высшем нейтралитете частных наук, — а, следовательно, и психологии — в вопросах мировоззрения и социальной ориентации.

Мы полагаем, что такой нейтралитет частной науки является совершенно мнимым: он невозможен как по логическим, так и по социологическим соображениям.

В самом деле только не додумав до конца какую-либо научную теорию, мы можем не замечать ее необходимой связи с основными вопросами мировоззрения: последовательно же продуманная нами, эта теория неизбежно выдает общефилософскую ориентацию.

Так, субъективная психология во всех своих направлениях при последовательном развитии методологически неизбежно приводит или к дуализму, т. е. к разрыву бытия на две не соединимые между собой стороны — материальную и духовную, или же к чисто идеалистическому монизму. Тот, по-видимому, совершенно невинный клочок «изнутри пережитого», который, как мы видели, разрывает единство объективно-материального течения эксперимента в лаборатории, — отлично сможет послужить и архимедовой точкой опоры для разложения объективно-материалистической картины мира в ее целом.

Невозможен научный нейтралитет и социологически. Ведь нельзя доверять даже самой безукоризненной субъективной искренности человеческих воззрений. Классовая заинтересованность и предвзятость есть объективно-социологическая категория, которая далеко не всегда осознается индивидуальной психикой. Но именно в этой

классовой заинтересованности заключена сила всякой теории, всякой мысли. Ведь если мысль сильна, уверенна и значительна, то она, очевидно, сумела задеть какие-то существенные стороны жизни данной социальной группы, сумела связать себя с основной позицией этой группы в классовой борьбе, хотя бы и совершенно бессознательно для самого творца этой мысли. Сила действенности, значительности мыслей прямо пропорциональна их классовой обоснованности, их оплодотворенности социально-экономическим бытием данной группы. Вспомним, что словесные реакции являются чисто социальным образованием. Все прочные константные (устойчивые) моменты этих реакций суть моменты именно классового, а не личного самосознания.

Человеческая мысль никогда не отражает только бытие объекта, который она стремится познать, но вместе с ним отражает и бытие познающего субъекта, его конкретное общественное бытие. Мысль — это двойное зеркало, и обе стороны его могут быть и должны быть ясными и незатуманенными. Мы и стараемся понять обе стороны фрейдовской мысли.

* * *

Теперь мы достаточно ориентированы как в основных философских, так и в основных психологических направлениях современности, ознакомились и с марксистским критерием: у нас в руках есть теперь та путеводная нить, с помощью которой мы можем углубиться в лабиринт психоанализа.

Примечания:

[1] Точка зрения Быковского, Залкинда, Фридмана, Лурия и др. Критический анализ марксистских апологий фрейдизма будет дан в заключительной главе.

[2] Ак. И. П. Павлов, «25-летний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных», изд. 1926 г. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Изд, 1927 г.

[3] В. М. Бехтерев, «Общие основы рефлексологии человека». (Пгр. 1923 г.), 3-е изд. 1926 г.

[4] Watson J. B. «Psychology from the standpoint of a behaviorist» (London, 1919), есть русский перевод в издании ГИЗ'а 1926 г.

[5] Parmelee. M., «The science of human behavior» (N. Y. 1921).

[6] Корнилов, «Учение о реакциях человека» (М., 1921 г.), 2-е изд. (ГИЗ, 1927), а также «учебник психологии, изложен-

ной с точки зрения диалектического материализма». (М., 1926 г.).

[7] В интересах точности необходимо отметить, что бихэвиористы, отрицая самонаблюдение как научный метод исследования, все же считают, что при современном состоянии психологии, как науки, самонаблюдение в некоторых случаях должно быть применено, как единственный способ наблюдения, находящийся в нашем непосредственном распоряжении. (См. Уотсон, «Психология как наука о поведении», стр. 38). — Прим. ред.

[8] О словесных реакциях, см. Уотсон, «Психология», гл. IX, статью Л. С. Выготского, «Сознание как проблема психологии поведения» (сб. «Психология и марксизм» под ред. проф. Корнилова. Л. ГИЗ. 1925 г., стр. 175).

[9] А. Б. Залкинд, «Фрейдизм и марксизм» (очерки культуры революционного времени); и статья того же названия в журн. «Красная Новь», 1924 г., № 4. Того же автора: «Жизнь организма и внушение» (ГИЗ. 1927 г.), гл. VII, VIII, XVI. Б. Быховский, «О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда». («Под знаменем марксизма», № 12, 1923 г.); Б. Д. Фридман, «Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма». («Психология и марксизм» под ред. Корнилова); А. Р. Лурия, «Психоанализ как система монистической психологии», (Ibid).

[10] В. Юринец, «Фрейдизм и марксизм» («Под знаменем марксизма», №№ 8-9, 1924 г.), а также наша статья «По ту сторону социального» (журн. «Звезда», Лгд., 1925, кн. 5).

[11] Т. е. представителей науки о поведении человека.

[12] Впрочем, и сам Фрейд знает определение «бессознательного» как «несловесного»; об этом ниже.

[13] Строго говоря, это другая сторона той же проблемы, так как содержание психики осознается нами с помощью внутренней речи,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЗЛОЖЕНИЕ ФРЕЙДИЗМА

Глава III.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ПСИХИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

1. Сознание и бессознательное. 2. Три периода в развитии фрейдизма. 3. Первая концепция бессознательного. 4. Катартический метод. 5. Особенности второго периода. 6. Учение о вытеснении.

1. Человеческая психика распадается, по Фрейду, на три области: сознание, бессознательное и предсознательное. Эти три области или системы психического находятся в состоянии непрерывного взаимодействия, а две первых — и в состоянии напряженной борьбы между собою. К этому взаимодействию и к этой борьбе сводится психическая жизнь человека. Каждый душевный акт и каждый человеческий поступок должно рассматривать как результат состязания и борьбы сознания с бессознательным, как показатель достигнутого в данный момент жизни соотношения сил этих непрерывно борющихся сторон.

Если мы будем слушать только то, что говорит нам о нашей душевной жизни сознание, мы никогда не поймем ее: сознание, находясь в непрерывной борьбе с бессознательным, всегда тенденциозно. Оно дает нам о психической жизни в ее целом и о себе самом заведомо ложные сведения. А между тем психология всегда строила свои положения на основании показаний сознания, а большинство психологов просто отождествляли психическое с сознательным. Те немногие, которые, как Липпс или Шарко и его школа, учитывали бессознательное, совершенно недооценивали его роли в психике. Они представляли его себе как какой-то устойчивый, раз и навсегда готовый придаток душевной жизни. Непрерывная динамика его борьбы с сознанием оставалась для них скрытой. Вследствие этого отождествления психического с сознанием старая психология, по мнению Фрейда, рисовала нам совершенно ложную картину нашей душевной жизни, так как основная масса психического и его основные силовые центры падают именно на область бессознательного.

Пафос фрейдизма — пафос открытия целого мира, нового неизведанного материка по ту сторону культуры и истории, но в то же время — необычайно близкого к нам, каждый миг готового прорваться сквозь покров сознания и отразиться в нашем слове, в какой-нибудь невольной обмолвке, в жесте, в поступке.

Эта близость бессознательного, эта легкость его проникновения в самое прозаическое явление жизни, в самую гущу житейской обыденности — одна из основных особенностей теории Фрейда, отличающая ее от учений таких «философов бессознательного» высокого стиля, как Шопенгауэр и особенно Эдуард Гартман.

2. Эта концепция бессознательного сложилась и определилась у Фрейда не сразу и в дальнейшем подвергалась существенным изменениям.

Мы различаем в истории ее развития три периода.

В первый период (так называемый Фрейд-Брейеровский период) фрейдовская концепция бессознательного была близка к учению знаменитых французских психиатров и психологов — Шарко, Льебо, Бернгейма и Жанэ, от которых она находилась и в прямой генетической зависимости (Фрейд учился у Шарко и у Бернгейма).

Приблизительные хронологические грани первого периода — 1890—1897 годы. Основная и единственная книга этого периода — Freud u. Breuer, «Studien über Hysterie» (исследования об истерии), вышедшая в 1895 г.

Во второй, самый продолжительный и самый важный период развития психоанализа определяются все основные и характерные черты фрейдовского учения о бессознательном. Теперь оно становится уже совершенно оригинальным. Разработка всех вопросов происходит в этот период исключительно в плоскости теоретической и прикладной психологии. Фрейд еще избегает широких философских обобщений, избегает вопросов миросозерцания. Вся концепция носит подчеркнуто позитивистический характер[1]. Стиль работ Фрейда — трезвый и сухой. Приблизительные хронологические грани этого периода — 1897—1914 годы. В этот период вышли все основные психоаналитические труды Фрейда[2].

В третий период концепция бессознательного претерпевает существенное изменение (в особенности в работах учеников и последователей Фрейда) и начинает сближаться с метафизическим учением Шопенгауэра и Гартмана. Общие вопросы мировоззрения начинают преобладать над частными, специальными проблемами. Бессознательное становится воплощением всего низшего и всего высшего в человеке (главным образом у представителей швейцарской школы фрейдистов). Появляется учение об «Идеал-Я». (Ich-ideal).

Чем же объясняются эти перемены в самом духе учения? Отчасти прямым влиянием Шопенгауэра и Гартмана (также

Ницше), которых Фрейд к этому времени начинает тщательно изучать (в течение первого и почти всего второго периода Фрейд, как последовательный позитивист, не признавал философии)[3]. Отчасти в этом сказалось сильное влияние примкнувших к Фрейду новых последователей, с самого начала настроенных на философский и гуманитарный лад и внесших новые тона в обсуждение психоаналитических вопросов (особенно Отто Ранк и Ференчи). Но, вероятно, наибольшую роль в этой перемене играло обратное влияние на Фрейда увлеченных им современников. К этому времени Фрейд стал признанным «властителем дум» в самых широких интеллигентских кругах. Но эти широкие круги уже и в прежних трудах Фрейда старались выудить именно философскую, идеологическую тему. Они ждали и требовали от психоанализа «откровения» в области миросозерцания. И вот мало-помалу Фрейд поддался и подчинился этому требованию и ожиданию. Произошло довольно обычное явление: успех и признание повлекли к приспособлению и к некоторому вырождению учение, выросшее и созревшее в атмосфере вражды и непризнанности.

Приблизительная хронологическая грань, отделяющая этот последний — третий — период от второго, происходит около 1914—1915 года[4]. Основные труды этого периода — две последних книги Фрейда: «Jenseits des Lustprincips (по ту сторону принципа наслаждения) и «Das Ich und das Es» (Я и Оно)[5]. Впрочем, наиболее яркое литературное выражение этого периода психоанализа дал не Фрейд, а его любимый ученик Отто Ранк в своей нашумевшей книге, появившейся три года тому назад, «Травма рождения»[6]. Это — самое характерное выражение того нового духа, который стал господствовать в психоанализе в самое последнее время. Книга — философская от начала и до конца. Написана тоном и стилем мудреца, «вещающего великие и страшные словеса». Местами она похожа на дурную пародию на Ницше периода увлечения Шопенгауэром[7]. Выводы поражают своей крайностью. В трезвой и сухой атмосфере второго, классического периода психоанализа подобная книга была бы совершенно невозможна.

Таковы три периода развития психоанализа. Их различия и особенности нужно все время иметь в виду; их нельзя игнорировать в угоду логическому единству построения. За тридцать три года своего исторического существования психоанализ во многом и существенно менялся. Он теперь уже не тот, каким был еще перед самой войною четырнадцатого года.

3. Что же такое «бессознательное»? Какова была его концепция в первый период развития психоанализа?

Еще в 1889 г., в Нанси, Фрейда — тогда молодого венского врача — поразил опыт знаменитого знатока гипноза Бернгейма: загипнотизированной пациентке было внушено приказание через некоторое время после пробуждения раскрыть стоявший в углу комнаты зонтик. Пробудившись от гипнотического сна, дама в назначенный срок в точности выполнила приказанное: прошла в угол и раскрыла зонтик в комнате. На вопрос о мотивах ее поступка она ответила, что будто бы хотела убедиться — ее ли это зонтик. Этот мотив совершенно не соответствовал действительной причине поступка и, очевидно, был придуман postfactum, но сознанию больной он вполне удовлетворял: она искренно была убеждена, что раскрыла зонтик по собственному желанию, имея целью убедиться, принадлежит ли он ей. Далее, Бернгейм путем настойчивых расспросов и наведений ее мысли заставил, наконец, пациентку вспомнить настоящую причину поступка, т. е. приказание, полученное ею во время гипноза[8].

Из этого эксперимента Фрейд сделал три общих вывода, определивших основы его ранней концепции бессознательного:

1) мотивация сознания при всей ее субъективной искренности не всегда соответствует действительным причинам поступка;

2) поступок иногда может определяться силами, действующими в психике, но не доходящими до сознания;

3) эти психические силы с помощью известных приемов могут быть доведены до сознания.

На основе этих трех положений, проверенных на собственной психиатрической практике, Фрейд выработал совместно со своим старшим коллегой, доктором Брейером, так называемый «катартический метод лечения истерии»[9].

4. Сущность этого метода заключается в следующем: в основе истерии и некоторых других психогенных (вызванных психическим, а не органическим потрясением) нервных заболеваний лежат психические образования, не доходящие до сознания больного: это какие-либо душевные потрясения, чувства или желания, однажды пережитые больным, но намеренно забытые им, так как его сознание, по какимлибо причинам, или боится, или стыдится самого воспоминания о них. Не проникая в сознание, эти забытые переживания не могут быть нормально изжиты и отреагированы (разряжены); они-то и вызывают болезненные симптомы истерии. Врач должен снять амнезию (забвение) с этих переживаний, довести их до сознания больного, вплести в единую ткань этого со-

знания и таким образом дать им возможность свободно разрядиться и изжить себя. Путем такого изживания и уничтожаются болезненные симптомы истерии.

Например, какая-нибудь девушка испытывает такое любовное влечение к близкому человеку, которое с ее точки зрения представляется ей настолько недопустимым, диким и противоестественным, что она даже себе самой не в силах признаться в этом чувстве. Поэтому она не может подвергнуть его трезвому и сознательному обсуждению, хотя бы и наедине сама с собою. Такое непризнанное ею самой переживание окажется в душе девушки в совершенно изолированном состоянии; ни в какую связь с другими переживаниями, мыслями и соображениями оно вступить не сможет. Страх, стыд, возмущение посылают это переживание в тяжелое душевное изгнание. Найти выход из этого изгнания такое изолированное переживание не может: ведь нормальным выходом для него было бы какое-нибудь действие, поступок или хотя бы слова и разумные доводы сознания. Все эти выходы закрыты. Сдавленное со всех сторон (сжатое в тисках, eingeklemmte, по выражению Фрейда), изолированное переживание начинает искать выходов на ненормальных путях, где оно может остаться неузнанным: в онемении какого-нибудь здорового члена тела, в беспричинных приступах страха, в каком-либо бессмысленном действии и т. п. Таким-то путем и образуются симптомы истерии. Задача врача сводится в таком случае к тому, чтобы узнать у больной эту, намеренно забытую и непризнанную ею, причину болезни, заставить ее вспомнить о ней. Для этого Фрейд и Брейер пользовались гипнозом (полным или частичным). Узнав причину болезни, врач должен заставить больную, преодолевая страх и стыд, признать забытое переживание, перестать «прятать» его в симптомы истерии и ввести его в «нормальный обиход» сознания. Здесь, или путем сознательной борьбы с этим переживанием, или иногда путем целесообразной уступки ему, врач дает ему возможность нормально разрядиться. Нашей девушке, может быть, придется перенести тяжелую житейскую невзгоду и неприятности, но, во всяком случае, уже не болезнь. Истерические симптомы станут ненужными и мало-помалу отпадут.

Такое освобождение от страшного и стыдного путем сознательного изживания его Фрейд называет аристотелевским термином «катарсис», что значит очищение. По теории Аристотеля трагедия очищает души зрителей от аффектов страха и сострадания, заставляя и пережить эти чувства в ослабленной форме. Отсюда и название метода Фрейда и Брейера — катартический (очистительный)[10].

Эти забытые переживания, вызывающие симптомы истерии, и являются «бессознательным», как понимал его Фрейд в первый период развития своего учения. «Бессознательное» можно определить, как некое чужеродное тело, проникшее в психику. Оно не связано прочными ассоциативными нитями с другими моментами сознания и потому разрывает его единство. В нормальной жизни к нему близко мечтание, которое тоже более свободно, чем переживания реальной жизни, от тесных ассоциативных связей, пронизывающих наше сознание. Близко к нему и состояние гипноза, вследствие чего Фрейд и Брейер и называют «бессознательное» — гипноидом[11].

Такова первая фрейдовская концепция бессознательного.

Отметим и подчеркнем две ее особенности. Во-первых, Фрейд не дает нам никакой физиологической теории бессознательного и даже не пытается этого сделать, в противоположность Брейеру, который предлагает физиологическое обоснование своего метода[12]; Фрейд же с самого начала повернулся спиной к физиологии. Во-вторых, продукты бессознательного мы можем получить только в переводе на язык сознания; другого, непосредственного подхода к бессознательному помимо сознания самого больного нет и не может быть.

Укажем еще читателю на то громадное значение, какое катартический метод придает словесной реакции. Сам Фрейд отмечает эту черту своей теории: он сравнивает свой метод лечения истерии с католической исповедью. На исповеди верующий действительно получает облегчение и очищение, благодаря тому, что сообщает другому человеку, в данном случае священнику, о таких поступках и мыслях, которые он сам признает греховными, и о которых при других обстоятельствах он ни одному человеку сказать не может. Таким образом он дает словесное выражение и словесный исход тому, что было сдавлено и изолировано в его психике и потому отягощало ее. В этом — очищающая сила слова[13].

5. Теперь мы должны перейти к дальнейшему развитию понятия бессознательного уже во втором, классическом, периоде психоанализа. Здесь оно обогащается целым рядом новых, в высшей степени существенных моментов.

В первый период бессознательное представлялось до известной степени случайным явлением в человеческой психике: это был какой-то болезненный придаток к ней, некоторое чужеродное тело, проникшее в душу склонного к истерии человека под влиянием каких-нибудь случайных жизненных обстоятельств. Нормальный психический аппарат пред-

ставляется в первом периоде чем-то вполне статическим, устойчивым; борьба психических сил совсем не являлась постоянной закономерной формой душевной жизни, а скорее исключительным и ненормальным явлением в ней. Далее, и содержание бессознательного в этом периоде осталось совершенно невыясненным и тоже как бы случайным. В зависимости от индивидуальных особенностей человека и от случайных обстоятельств его жизни, то или иное мучительное или постыдное переживание изолируется, забывается и становится бессознательным; никаких типологических обобщений таких переживаний Фрейд не делает. Исключительное значение сексуального момента тоже еще не выдвинуто. Так обстояло дело в первом периоде.

Во втором периоде бессознательное становится уже необходимою и крайне важною составною частью психического аппарата всякого человека. Самый психический аппарат динамизуется, т. е. приводится в непрестанное движение; борьба сознания с бессознательным объявляется постоянной и закономерной формой психической жизни. Бессознательное становится продуктивным источником психических сил и энергий для всех областей культурного творчества, особенно для искусства. В то же время, при неудачном ходе борьбы с сознанием, бессознательное может стать источником всех нервных заболеваний.

Процесс образования бессознательного, согласно этим новым воззрениям Фрейда, носит закономерный характер и совершается на протяжении всей жизни человека с самого момента его рождения. Этот процесс носит название «вытеснения» (Verdrängung). Вытеснение — одно из важнейших понятий всего психоаналитического учения.

Далее, содержание бессознательного типизуется: это уже не случайные разрозненные переживания, а некоторые типические, в основном общие для всех людей связные группы переживаний (комплексы) определенного характера, преимущественно сексуального. Эти комплексы (связные группы переживаний) вытесняются в бессознательное в строго определенные периоды, повторяющиеся в истории жизни каждого человека.

В настоящей главе мы познакомимся с основным психическим «механизмом» вытеснения и тесно связанным с ним понятием «цензуры». Содержанием бессознательного мы займемся в следующей главе.

Что же такое вытеснение?

6. На первых ступенях развития человеческой личности наша психика не знает различения возможного и невозможного, полезного и вредного, дозволенного и недозволенного. Она управляется только одним принципом; «принципом наслаждения» (Lustprincip)[14]. На заре развития человеческой души в ней свободно и беспрепятственно рождаются такие представления, чувства и желания, которые на следующих ступенях развития привели бы в ужас сознание своей преступностью и порочностью. В детской душе «все позволено», для нее нет безнравственных желаний и чувств, и она, не зная ни стыда, ни страха, широко пользуется этой привилегией для накопления громадного запаса самых порочных образов, чувств и желаний — порочных, конечно, с точки зрения дальнейших ступеней развития. К этому нераздельному господству принципа наслаждения присоединяется на самой первой ступени развития способность к галлюцинаторному удовлетворению желаний: ведь ребенок еще не знает различия действительного и недействительного. Всякое представление — для него уже реальность. Такое галлюцинаторное удовлетворение желаний на всю жизнь сохраняется человеком во сне[15].

На следующих ступенях душевного развития принцип наслаждения теряет свое исключительное господство в психике: начинает действовать рядом с ним, а часто, вопреки ему, новый принцип психической жизни — «принцип реальности». Все психические переживания должны теперь выдержать в душе двойное испытание с точки зрения каждого из этих двух принципов. Ведь желание часто может оказаться неудовлетворенным и потому причиняющим страдание, — или при удовлетворении оно может повлечь за собой неприятные последствия: такие желания должны быть подавлены. Какое-либо представление может связаться тесной ассоциативной связью с чувством страха, или с воспоминанием боли: такие представления не должны возникать в душе.

Таким образом происходит психический отбор, и только то душевное образование, которое выдержит двойное испытание с точки зрения обоих принципов, как бы легализуется, приобретает полноправие и входит в высшую систему психического — в сознание, или только получает возможность войти в нее, т. е. становится предсознательным. Те же переживания, которые не выдержат испытания, — становятся нелегальными и вытесняются в систему бессознательного.

Это вытеснение, работающее на протяжении всей жизни человека, совершается механически, без всякого участия сознания. Сознание получает себя в совершен-

но готовом, очищенном виде, оно не регистрирует вытесненного и может даже совершенно не подозревать ни об его наличности, ни об его составе. Ведает вытеснением особая психическая сила, которую Фрейд образно называет «цензурой». Цензура лежит на границе систем бессознательного и сознательного. Все, что находится в сознании или может войти в него — строго процензуровано[16].

Вся масса «нецензурных» представлений, чувств и желаний, вытесненных в бессознательное, никогда не умирает и не теряет своей силы. Ведь изжить какое-нибудь желание или чувство можно только через сознание и через управляемые им действия и поступки и, прежде всего, через человеческую речь. Бессознательное же — бессловесно, оно боится слова. В бессознательных желаниях мы не можем признаться даже самим себе во внутренней речи, следовательно, им нет никакого выхода вовне, они не могут быть отреагированы и потому со всею полнотой сил и свежести неизменно живут в нашей душе[17].

Так совершается процесс вытеснения.

Бессознательное мы можем определить теперь с точки зрения психической динамики его образования — как вытесненное. Каков характер этого вытесненного, другими словами — каково содержание этого бессознательного, мы выясним в следующей главе.

Примечания:

[1] Фрейд и поныне (1926 г.) продолжает настаивать на строго эмпирическом характере его учения. По его словам, психоанализ не представляет собою философскую систему, исходящую из отдельных строго определенных предпосылок, стремящуюся при помощи их охватить всю целокупность мира и, будучи раз завершенной, не оставляющей больше места для новых исканий и более продуманных взглядов. Психоанализ, наоборот, опирается на факты изучаемой области, стремится разрешить ближайшие, вытекающие из наблюдения проблемы, — всегда не зря, — всегда готов внести исправления в свои теории (Handwörterbuch, стр. 616). — *Прим. ред.*

[2] «Traumdeutung» (Снотолкование) 1900 г. Есть русский перевод (1911 г.); «Psychopatologie des Alltagslebens» (Психопатология обыденной жизни); русск. пер. 1925 г. «Der Witz» (Острота); русск. пер. 1925 г. «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie». (Три очерка по сексуальной теории); русск. пер. «Очерки по психологии сексуальности», ГИЗ (год не указан). Наконец, три основных тома «Kleine Schriften zur

Neurosenlehre» (статьи по теории неврозов) и еще целый ряд других менее важных работ.

[3] См. примечание 1-е. — *Прим. ред.*

[4] Первые ноты, характерные для последнего периода фрейдизма, начинают звучать в таких работах, как «Einführung des Narcismus» и «Trauer und Melancholie».

[5] Эта книга имеется в русском переводе: «Я и Оно» (Academia, 1924 г.).

[6] Trauma der Geburt (1924 г.).

[7] На книгу Ницше «Рождение трагедии», из которой Ранк взял эпиграф для своего труда.

[8] Об этом сам Фрейд: «Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung». (Samml. Kleiner zur Neurosenlehre, 4. Folge).

[9] Для всего последующего см. Dr. Breuer und Dr. Freud, «Studien über Hysterie», I. Auflage, 1895. (IV. Aufl. 1922) или ст. Фрейда в Handwört. d. Sex. Wissensch., стр. 610.

[10] Breuer und Freud, «Studien über Hysterie», стр. 1—14.

[11] Ibid., стр. 188 и далее.

[12] Ibid., стр. 161 и след.

[13] Следует также отметить, что в этот же период Фрейд в своей практике психиатра перестал применять для целей катарсиса методы гипноза, а заменил их методом свободных ассоциаций. Путем наводящих вопросов и долгого наблюдения врач, предварительно подготовив пациента, доискивается до загнанных в бессознательное «стыдных или страшных» переживаний и, приведя их в сознание, дает им естественный разряд. — *Прим. ред.*

[14] Freud, «Über zwei Princip. d. psych. Geschehens» (Kl. Schr. z. Neurosenlehre; 3. F.), стр. 271.

[15] Фрейд, «Снотолкование». Стр. 388—391 и 403—405.

[16] Ibid., стр. 116 и 439 и след., а также «Я и Оно», гл. I и II.

[17] Freud, «Jenseits des Lustprincips», стр. 35—36, и «Kl. Schr. z. Neur.», 4. F.: «Das Unbewusste».

Глава IV.

СОДЕРЖАНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

1. Теория влечений. 2. Сексуальная жизнь ребенка. 3. Эдипов комплекс. 4. Содержание бессознательного во второй период. 5. Теория влечений третьего периода (эрос и смерть). 6. «Идеал-Я».

1. Мы познакомились с процессом вытеснения. Откуда же берется материал для него?

Какие именно чувства, желания и представления оказываются вытесненными в бессознательное?

Чтобы это понять, чтобы разобраться в составе бессознательного, необходимо познакомиться с фрейдовской теорией влечений (Triebe)[1].

Психическая деятельность приводится в движение внешними и внутренними раздражениями организма. Внутренние раздражения имеют соматический (телесный) источник, т. е. рождаются в нашем собственном организме. И вот — психические представительства этих внутренних соматических раздражений Фрейд называет влечениями.

Все влечения Фрейд разделяет по их цели и по соматическому их источнику на две группы:

1) сексуальные влечения, цель которых — продолжение рода хотя бы ценою жизни индивида;

2) личные влечения, или влечения «я» (Ich-triebe); их цель — самосохранение индивида.

Эти две группы влечений не сводимы одна на другую и часто вступают между собой в разнородные конфликты.

Мы остановимся только на сексуальных влечениях, так как они доставляют главную массу материала в систему бессознательного. Группа этих влечений подробно исследована Фрейдом[2]. По мнению некоторых, главные заслуги фрейдизма лежат именно в области сексуальной теории.

2. В предыдущей главе мы говорили, что ребенок на первых ступенях своей психической жизни накопляет громадный запас чувств и желаний, порочных и безнравственных с точки зрения сознания. Незнакомому с фрейдизмом читателю это утверждение показалось, вероятно, очень странным и, может быть, вызвало недоумение. В самом деле, откуда у ребенка безнравственные, порочные желания? Ведь ребенок — это символ невинности и чистоты!

Сексуальное влечение, или, как называет его Фрейд, libido (что значит: половой голод), присуще ребенку с самого начала его жизни; оно рождается вместе с

его телом и ведет непрерывную, только иногда ослабевающую, но никогда не угасающую вовсе, жизнь в его организме и психике. Половое созревание — это только этап — правда, очень важный — в развитии сексуальности, но это совсем не начало ее[3].

На тех первых ступенях развития, на которых еще нераздельно господствует принцип наслаждения с его «все позволено», сексуальное влечение характеризуется следующими основными особенностями:

1) Гениталии (половые органы) еще не стали организующим соматическим центром сексуального влечения; они являются только одною из эрогенных зон (так называет Фрейд сексуально-возбудимые части тела) и с ними успешно конкурируют другие зоны, как то: полость рта (при сосании), anus, или анальная зона (заднепроходное отверстие) при выделении кала; кожа; большой палец руки или ноги и пр.[4]. Можно сказать, что половое влечение, или libido ребенка, не собранное и не сконцентрированное в несозревших еще половых органах, — рассеяно по всему организму его, и любой участок тела может стать соматическим источником полового возбуждения. Этот первый период сексуального развития Фрейд называет догенитальным периодом, так как половые органы (гениталии) еще не стали телесным центром влечения. Следует заметить, что некоторая степень сексуальной возбудимости сохраняется за эрогенными зонами (особенно рот и anus) и на протяжении всей последующей жизни человека[5].

2) Сексуальное влечение ребенка еще не самостоятельно, не отдифференцировано: оно тесно примыкает к другим потребностям организма и процессам их удовлетворения — к процессу питания, сосания груди, к уринированию, дефекации (испражнение) и др., придавая всем этим процессам сексуальную окраску[6].

3) Сексуальное влечение ребенка в первой «оральной» стадии удовлетворяется на собственном теле и не нуждается в объекте (в другом человеке): ребенок автоэротичен[7].

4) Так как примат гениталий (т. е. их преобладание в половой жизни) еще отсутствует, то половая дифференциация влечения еще зыбка. Можно сказать, что на первой стадии своего развития сексуальное влечение бисексуально (т. е. двуполо)[8].

5) Вследствие всех этих особенностей раннего полового влечения ребенок оказывается многообразно извращенным (polymorph pervers); он склонен к мазохизму[9], садизму,

гомосексуализму и к другим извращениям[10]. Ведь его libido рассеяно по всему телу и может соединиться с любым процессом и органическим ощущением, из всего извлекая сексуальное удовольствие. Наименее понятен ребенку именно нормальный половой акт. На половые извращения взрослых людей Фрейд смотрит как на явление заторможенности нормального развития, как на регресс к ранним ступеням инфантильной (детской) сексуальности.

Таковы, по Фрейду, основные черты инфантильной эротики.

Теперь становится ясным, какой громадный запас сексуальных желаний и связанных с ними представлений и чувств может родиться в душе ребенка на почве детского libido и должен подвергнуться затем беспощадному вытеснению в бессознательное.

Мы можем сказать, что вся ранняя эпоха истории нашей души находится за пределами нашего сознания — ведь человек обычно не помнит, что с ним было до четырехлетнего возраста, — но события этой эпохи не утратили своей силы и постоянно живы в бессознательном; это прошлое не умерло, оно сохраняется в настоящем, ибо не было изжито.

3. Самым важным событием этой вытесненой истории детской сексуальной жизни являются половое влечение к матери и связанная с ним ненависть к отцу, так называемый эдипов комплекс[11]. Учение об этом комплексе и его роли в жизни человека является одним из важнейших пунктов фрейдизма. Сущность его сводится к следующему. Первым объектом эротического влечения человека, конечно, в смысле инфантильной эротики, охарактеризованной нами выше, — является его мать. Отношения ребенка к матери с самого начала резко сексуализованы. По мнению известного и авторитетного ученика Фрейда — Отто Ранка, даже пребывание зародыша в материнском чреве носит либидинозный характер и, собственно, с акта рождения — первого и самого тяжелого отделения от матери, разрыва единства с нею — и начинается трагедия Эдипа[12]. Но libido все снова и снова тянется к матери, сексуализуя каждый акт ее ухода и забот: кормление грудью, купание, помощь при дефекации— все это для ребенка — сексуально окрашено. При этом неизбежны прикосновения к различным эрогенным зонам и к гениталиям, пробуждающие в ребенке приятные чувства, а иногда и первую эрекцию. Ребенок тянется в постель к матери, прижимается к ее телу, и смутная память его организма влечет его к uterus'у (матке) матери, к возвращению назад в этот uterus. Таким образом, ребенка органически влечет

к инцесту (кровосмесительству). Рождение инцестуозных желаний, чувств и представлений при этом совершенно неизбежно.

Соперником в этих влечениях маленького Эдипа становится его отец, который навлекает на себя ненависть сына. Ведь отец вмешивается в отношения ребенка к матери, не позволяет брать его в постель, заставляет быть самостоятельным, обходиться без материнской помощи и пр. Отсюда у ребенка является инфантильное желание смерти отца, которая позволила бы ему нераздельно владеть матерью. Так как в душе ребенка в эту эпоху его развития еще нераздельно господствует принцип наслаждения, то нет никакого предела для развития как инцестуозных, так и враждебных стремлений, желаний и связанных с ними разнообразных чувств и образов[13].

Когда принцип реальности получает силу, и голос отца с его запретами начинает мало-помалу перерабатываться в голос собственной совести, — начинается тяжелая, упорная борьба с инцестуозными влечениями, и они вытесняют в бессознательное. Весь эдипов комплекс подвергается полной амнезии (забвению). На месте вытесненных влечений рождаются страх и стыд; их вызывает в душе самая мысль о возможности полового влечения к матери. Цензура прекрасно выполнила свое дело: легальное — так сказать, официальное — сознание человека со всею искренностью протестует против самого намека на возможность эдипова комплекса.

Далеко не всегда, по Фрейду, процесс вытеснения эдипова комплекса проходит безболезненно для ребенка; часто он приводит к нервным заболеваниям, особенно к детским фобиям[14].

Эдипов комплекс, по мнению Фрейда, вполне объясняет, почему так распространены у различных народов мифы о кровосмесительстве, об убийстве отца сыном или, наоборот, об избиении детей отцом и другие родственные сказания. Этим же объясняется и то неотразимое впечатление, которое производит на всех людей знаменитая трагедия Софокла: «Царь Эдип», хотя с точки зрения официального сознания мы должны признать положение Эдипа выдуманным и ни в какой степени не типичным для жизни. Но эта трагедия, по Фрейду, равно как и всякое великое произведение искусства, обращается совсем не к нашему официальному сознанию, а ко всей психике в ее целом и прежде всего к глубинам бессознательного[15].

Эдипов комплекс, это первое доисторическое событие жизни человека, имеет, по учению Фрейда, огромное, прямо реша-

ющее, значение для жизни человека. Эта первая любовь и первая ненависть останутся навсегда самыми цельно органическими чувствами его жизни. По сравнению с ними все последующие эротические отношения, проходящие уже при свете сознания, представляются чем-то поверхностным, головным, не захватывающим самых глубин организма и психики. Ранк и Ференчи прямо считают все последующие любовные отношения человека только суррогатом его первой эдиповой любви, которой предшествовало полное органическое единство с ее объектом — матерью. Будущий coitus (половой акт) человека является только частичной компенсацией потерянного рая внутриутробного состояния. Все события взрослой жизни заимствуют свою психическую силу от этого первого, вытесненного в бессознательное, события — эдипова комплекса. В дальнейшей жизни человек разыгрывает все снова и снова, — сам, конечно, совершенно этого не сознавая, — с новыми участниками жизни это первичное событие эдипова комплекса, перенося на них свои вытесненные, а потому и вечно живые чувства к матери и к отцу. Это основано на так называемом механизме перенесения (Übertragung).

Механизм перенесения — очень важный момент в психоаналитической теории и практике. Под ним Фрейд понимает бессознательное перемещение вытесненных влечений, главным образом сексуальных, со своего прямого объекта на другой — замещающий; так, влечение к матери или вражда к отцу обычно переносится на врача во время психоаналитических сеансов и таким путем частично изживается. В этом — значение механизма перенесения для психотерапевтической практики. Перенесение— один из способов обойти запреты официального сознания и хотя бы частично дать волю и выражение бессознательному.

Фрейд полагает, что любовная жизнь человека во многом зависит от того, насколько ему удастся освободить свое libido от прикрепления к матери. Первый объект юношеской любви обычно бывает похож на мать.

Но образ матери может сыграть и роковую роль в развитии полового влечения: страх инцеста, сделавший для официального сознания любовь к матери нарочито духовной, так называемой любовью-уважением, не совместимой даже с мыслью о чувственности, — этот страх может тесно срастись в душе человека со всяким уважением, со всякой духовностью. Это часто делает невозможным половое общение с духовно любимой и уважаемой женщиной — и приводит к роковому разделению единого сексуального влечения на два потока: на чувственную страсть и духовную привязанность, не соединимых на одном объекте[16].

4. Эдипов комплекс и все с ним связанное составляет главное содержание системы бессознательного; к нему стягиваются меньшие группы вытесненных психических образований, приток которых продолжается на протяжении всей жизни человека. Культура и культурный рост индивида требует все новых и новых вытеснений. Но в общем можно сказать, что главную массу, так сказать, основной фонд бессознательного, составляют инфантильные влечения сексуального характера. Из влечений «я» следует упомянуть только о так называемых агрессивных (враждебных) влечениях. В детской психике с ее «все позволено» эти агрессивные влечения носят свирепый характер: своим врагам ребенок редко желает чего-нибудь меньше смерти. Таких «мысленных убийств» даже самых близких лиц накопляется в первые годы жизни ребенка очень много; все они вытесняются затем в бессознательное. Благодаря господству принципа наслаждения, ребенок во всех отношениях является чистым и последовательным эгоистом. Никаких нравственных и культурных ограничений этого эгоизма не существует. На этой почве также вырабатывается достаточно материала для бессознательного.

Таково в основных чертах содержание бессознательного.

Мы можем выразить его в следующей резюмирующей формуле: в мир бессознательного входит все то, что мог бы сделать организм, если бы он был предоставлен чистому принципу наслаждения, если бы он не был связан принципом реальности и культурой. Сюда входит все, что он откровенно желал и ярко представлял себе (а в ничтожной степени и выполнил) в ранний инфантильный период жизни, когда давление реальности и культуры было еще слабо и когда человек был более свободен в проявлении своего исконного, органического самодовления.

Все приведенные нами выше определения и характеристики основных моментов фрейдовской концепции бессознательного — двух принципов психического свершения, вытеснения, цензуры, теории влечений и, наконец, содержания бессознательного — были выработаны Фрейдом, как мы уже указывали, во втором — положительном периоде развития психоанализа. На работах этого периода мы преимущественно и основывались в своем изложении.

Но мы знаем, что в третий период это учение подверглось довольно существенным изменениям и дополнениям. Мы знаем также, в каком направлении шли эти изменения.

Останавливаться подробно на всем том новом, что принес с собой третий период развития психоанализа, мы не будем.

Ведь кульминационный пункт развития этого периода приходится уже на наши дни. Многое в нем еще не сложилось и не определилось окончательно. Обе характерные для этого периода книги самого Фрейда страдают недосказанностью, местами — неясностью, отличаясь этим от почти классических по прозрачности, точности и завершенности прежних его работ. Поэтому мы ограничимся кратким рассмотрением лишь важнейшего.

5. Теория влечений подверглась существенным изменениям. Вместо прежнего деления влечений на сексуальные (продолжение рода) и влечения «я» (сохранение индивида) появилось новое, двучленное деление:

1) сексуальное влечение, или эрос;

2) влечение к смерти.

Влечение «я» и, прежде всего, инстинкт самосохранения отошли к сексуальным влечениям (эросу), понятие которых, таким образом, чрезвычайно расширилось, охватив оба члена прежнего деления.

Под эросом Фрейд понимает влечение к органической жизни, к сохранению и развитию ее во что бы то ни стало — в форме ли продолжения рода (сексуальность в узком смысле) или сохранения индивида. Задачей влечения к смерти является возврат всех живых организмов в безжизненное состояние неорганической, мертвой материи, стремление прочь от беспокойства жизни и эроса.

Вся жизнь, по Фрейду, является борьбою и компромиссом между указанными двумя стремлениями. В каждой клетке живого организма смешаны оба рода влечений — эрос и смерть: одному соответствует физиологический процесс созидания, другому — распадения живого вещества. Пока клетка жива — преобладает эрос[17].

Когда беспокойный, влекущийся в жизни, эрос удовлетворяется на половом пути, начинает возвышать свой голос влечение к смерти. Отсюда — сходство того состояния, которое следует за полным половым удовлетворением, с умиранием, а у низших животных — совпадение акта оплодотворения со смертью. Они умирают потому, что по успокоении эроса влечение к смерти получает полную свободу и осуществляет свою задачу[18].

Эта новая теория Фрейда в своей биологической стороне отражает сильное влияние знаменитого немецкого биолога, неодарвиниста Вейсмана, а в философской — не менее сильное влияние Шопенгауэра.

6. Второй особенностью третьего периода, на которой мы остановимся, является расширение состава бессознательного, обогащения его качественно новыми и своеобразными моментами.

Для второго периода было характерно динамическое понимание бессознательного, как вытесненного. Преимущественно с ним сталкивался Фрейд в своих психиатрических изысканиях[19]; специальные же психиатрические интересы в этот период были преобладающими. Вытесненное, состоявшее, как мы видели, главным образом из сексуальных влечений, враждебно нашему сознательному «Я». В своей последней книге «Я и Оно» Фрейд предлагает всю эту область психики, не совпадающую с нашим «Я», называть «Оно». «Оно» — это та внутренняя темная стихия вожделений и влечений, которую мы иногда так остро ощущаем в себе, и которая противостоит нашим разумным доводам и доброй воле. «Оно» — это страсти; «Я» — это разум и рассудительность. В «Оно» нераздельно властвует принцип наслаждения; «Я» — носитель принципа реальности. Наконец, «Оно» — бессознательно.

До сих пор, говоря о бессознательном, мы имели дело только с «Оно»: ведь вытесненные влечения принадлежали именно ему. Поэтому все бессознательное представлялось чем-то низшим, темным, аморальным. Все же высшее, моральное, разумное совпадало с сознанием. Этот взгляд неверен. Бессознательно не только «Оно». И в «Я», и притом в его высшей сфере, есть область бессознательного.

В самом деле, ведь бессознателен исходящий из «Я» процесс вытеснения, бессознательна совершающаяся в интересах «Я» работа цензуры. Таким образом, значительная область «Я» также оказывается бессознательной. На этой области и сосредоточивает свое внимание Фрейд в последний период. Она оказывается гораздо шире, глубже и существеннее, чем казалось вначале. Из того, что мы знаем о бессознательном, как вытесненном, можно сделать вывод, что нормальный человек гораздо безнравственнее, чем он сам полагает. Этот вывод верен, но теперь мы должны прибавить, что он и гораздо нравственнее, чем он сам об этом знает[20].

«Природа человека, — говорит Фрейд, — как в отношении добра, так и в отношении зла далеко превосходит то, что он сам предполагает о себе, т. е. то, что известно его «Я» при помощи сознательного восприятия» («Я и Оно», стр. 54).

Высшую бессознательную область в «Я» Фрейд называет («Идеал-Я» — Ichideal).

«Идеал-Я» — это прежде всего тот цензор, веления которого выполняются вытеснением. Затем он («Идеал-Я») обнаруживает себя в целом ряде других, очень важных явлений личной и культурной жизни. Оно проявляется в безотчетном чувстве вины, которая тяготеет над душою некоторых людей. Сознание не признает этой вины, борется с чувством виновности, но не может его преодолеть. Это чувство сыграло большую роль в различных проявлениях религиозного изуверства, связанных с мучительством самого себя (аскеза, самобичевание, самосожжение и пр.). Далее, к проявлению «Идеал-Я» относится так называемое «внезапное пробуждение совести», случаи проявления человеком необычайной к себе самому строгости, презрения к себе, меланхолии и пр. Во всех этих явлениях сознательно «Я» принуждено подчиниться силе, действующей из глубины бессознательного, но в то же время моральной, часто даже «гиперморальной», как называет ее Фрейд.

Как образовалась эта сила в душе человека? Как выработался в ней «Идеал-Я»?

Для понимания этого необходимо познакомиться с особым психическим механизмом — «идентификацией» (отождествлением). Влечение человека к какому-нибудь лицу может пойти в двух направлениях. Можно стремиться овладеть этим лицом; так, ребенок в период эдипова комплекса стремится овладеть матерью. Но можно стремиться отождествить себя с ним, совпасть с ним, стать таким же, как он, впитать его в себя. Именно таково отношение ребенка к отцу: он хочет быть как отец, уподобиться ему. Этот второй род отношений к объекту старее: он связан с самою раннею оральною (ротовою) фазою развития ребенка и всего человеческого рода. В этой фазе ребенок (и доисторический человек) не знает другого подхода к объекту, кроме его поглощения; все, что представляется ему ценным, он стремится тотчас же захватить в свой рот и ввести его таким образом в свой организм. Стремление к подражанию является как бы психическим заместителем более древнего поглощения. В жизни человека идентификация заменяет иногда нормальное стремление к овладению объектом любви. Так, при неудачной любви, при невозможности овладеть ее объектом, человек как бы впитывает в себя характер того, кого он любит, становится похожим на него, отождествляется с ним[21]. Идентификацией (отождествлением) объясняется и возникновение «Идеал-Я» в душе человека.

Наибольшее значение для образования «Идеал-Я» имеет отождествление себя с отцом в период переживания эдипова комплекса. Здесь ребенок впитывает в себя отца с его му-

жеством, с его угрозами, приказаниями, запретами. Отсюда суровые, жестокие тона в «Идеал-Я», в велениях совести, долга, категорического императива и пр. «Ты должен» — впервые звучало в душе человека, как голос отца в эпоху эдипова комплекса; вместе с этим комплексом он вытесняется в бессознательное, откуда продолжает звучать как внутренний авторитет долга, как высшее, независимое «Я», веление совести. К отцовскому голосу в дальнейшем присоединяется авторитет учителей, религии и образования, но эти влияния более поверхностны и сознательны, и поэтому они сами должны заимствовать силу у более ранних самоотождествлений человека с отцом и его волей. «Идеал-Я», — говорит Фрейд, — сохранит характер отца, и чем сильнее был эдипов комплекс, чем стремительнее было его вытеснение..., тем строже впоследствии «Идеал-Я» будет властвовать над «Я», как совесть, а, может быть, и как бессознательное чувство вины».

Таково учение Фрейда об «Идеал-Я».

В заключение настоящей главы укажем, что Фрейд в своей последней книге определяет бессознательное как несловесное; оно превращается в подсознательное (откуда всегда может перейти в сознание) посредством соединения с соответствующими словесными представлениями[22]. Этому определению Фрейд придает здесь большее значение, чем в своих прежних работах, однако и здесь оно все же остается неразвитым.

На этом мы закончим характеристику бессознательного. Мы знаем теперь его происхождение, знаем и его содержание, но мы не знаем еще самого важного: на каком материале и с помощью каких методов, то есть приемов исследования, добыл Фрейд все эти сведения о бессознательном? Ведь только ответ на этот вопрос позволит нам судить о научной основательности и достоверности всех этих сведений. Этому посвящена следующая глава.

Примечания:

[1] Samml. Kl. Schr. z. Neur., 4. F.: «Triebe und Triebschicksale», а также «Я и Оно», гл. IV.

[2] Для всего последующего см. Freud, «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie». 1905. Русск. пер. «Очерки по психологии сексуальности». М., ГИЗ, 1925 г.

[3] «Очерки по псих. секс.», стр. 47—55.

[4] «Очерки по псих. секс.», стр. 43—44, 58, 61.

[5] Развитие сексуального влечения у ребенка проходит, по мнению Фрейда, через следующие ступени: первая догени-

тальная ступень — оральная, при которой главную роль играет рот, соответственно наиболее существенным интересам ребенка; за ней следует анальная ступень и, наконец, — последняя ступень, когда первое место занимает генитальная (половая) зона. Все эти ступени, по мнению Фрейда, ребенок проходит довольно быстро приблизительно на 5—6 году рождения. — *Прим. ред.*

[6] «Очерки по псих. секс.», 55, 75—79.

[7] Ib., 56—58.

[8] Ib., 94—94.

[9] Мазохизм — сладострастие, доставляемое самоистязанием и страданием.

[10] Ib., 66—68.

[11] Об этом см. Фрейд, «Снотолкование», стр. 196—204, а также работы: Jung, «Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen»; O. Rank «Incestmotiv in Dichtung und Sage» и его же «Trauma der Geburt» (1924 г.).

[12] O. Rank, «Trauma der Geburt».

[13] То же самое в обратном отношении приложимо и к девочке.

[14] См. Freud, «Geschichte der Fobie eines 5-jahrigen Knaben» (Kl. Schr. 3. F., стр. 1 дал.).

[15] Такого рода психологические исследования, которые на основе психоанализа стремятся проникнуть в глубины человеческой психики (область бессознательного), получили в психоаналитической литературе новый термин «глубинной психологии» (Tiefenpsychologie). — *Прим. ред.*

[16] Freud, «Zur Psychologie des Liebeslebens» (Kl. Schr. 4. F.).

[17] См. «Я и Оно», стр. 39.

[18] См. «Я и Оно», стр. 47—48.

[19] «Патологические изыскания отвлекли наш интерес исключительно в сторону вытесненного», говорит сам Фрейд (ibid., стр. 14).

[20] См. «Я и Оно», стр. 53—54.

[21] См. Фрейд, «Massenpsychologie und Ich-Analyse», 1921 г., стр. 68—77.

[22] См. «Я и Оно», стр. 15, 16. Здесь же ссылка Фрейда на более раннюю работу, где впервые было дано это определение.

Глава V.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД

1. Компромиссные образования. 2. Метод свободного фантазирования. 3. Снотолкование. 4. Невротический симптом. 5. Психопатология обыденной жизни.

1. Когда мы излагали раннюю фрейдовскую концепцию бессознательного, мы подчеркнули, что Фрейд не нашел к нему прямого непосредственного доступа, а узнавал о нем через сознание самого больного. То же приходится повторить и об его зрелом методе. Вот как говорит об этом сам Фрейд в своей последней книге:

«Все наше знание постоянно связано с сознанием. Даже бессознательное мы можем узнать только путем превращения его в сознательное». («Я и Оно», стр. 14).

Психологический метод Фрейда сводится к интерпретирующему (истолковывающему) анализу некоторых образований сознания особого рода, которые поддаются сведению к своим бессознательным корням.

Что же это за образования?

Бессознательному, как мы уже знаем, закрыт прямой доступ в сознание и в предсознательное, у порога которого работает цензура. Но все вытесненные влечения не лишаются, как мы тоже уже знаем, своей энергии и потому постоянно стремятся пробиться в сознание.

Они могут это сделать только частично путем компромисса и искажения, с помощью которого они обманывают бдительность цензуры. Искажение и маскировка вытесненных влечений совершается, конечно, в области бессознательного, и уже отсюда они, обманув цензуру, проникают в сознание, где остаются не узнанными. Здесь, в сознании, их и находит исследователь и подвергает анализу.

Все эти компромиссные образования можно подразделить на две группы:

1) патологические образования — симптомы истерии, бредовые идеи, фобии, патологические явления обыденной жизни, как то: забвение имен, обмолвки, описки и пр.;

2) нормальные образования — сновидения, мифы, образы художественного творчества, философские, социальные и даже политические идеи, т. е. вся область идеологического творчества человека.

Границы этих двух групп зыбки: часто трудно бывает сказать, где кончается нормальное и начинается патологическое.

Самое основательное исследование Фрейда посвящено сновидениям. Примененные здесь методы истолкования образов сна стали классическими и образцовыми для всего психоанализа.

В сновидении Фрейд различает два момента:

1) явное содержание сна (manifester Inhalt) — это образы сновидения, взятые обычно из безразличных впечатлений ближайшего дня, которые мы легко вспоминаем и охотно рассказываем другим;

2) скрытые мысли сна (latente Traumgedanken), боящиеся света сознания и искусно замаскированные образами явного содержания сна; об их существовании сознание часто и не подозревает[1].

Как проникнуть к этим скрытым мыслям, т. е. как истолковать сновидение?

2. Для этого Фрейд предлагает метод «свободного фантазирования» (freie Einfalle) или свободных ассоциаций (freie Assotiationen) по поводу явных образов разбираемого сна. Надо дать полную свободу своей психике, надо ослабить все задерживающие и критикующие инстанции нашего сознания: пусть приходит в голову все, что угодно, самые нелепые мысли и образы, не имеющие на первый взгляд никакого отношения к разбираемому сновидению; надо сделаться совершенно пасссивным и дать свободный доступ всему, что приходит в сознание, даже если это кажется бессмысленным, лишенным значения или не относящимся к делу; необходимо только стараться улавливать вниманием то, что непроизвольно возникает в психике[2].

Приступая к такой работе, мы сейчас же заметим, что она встречает сильное сопротивление нашего сознания: рождается какой-то внутренний протест против предпринятого истолкования сна. Этот протест принимает различные формы: то нам кажется, что явное содержание сна и без того понятно и не нуждается ни в каких объяснениях, то, наоборот, мы находим наш сон настолько абсурдным и нелепым, что никакого смысла в нем и быть не может; наконец, мы критикуем приходящие нам в голову мысли и образы и подавляем их в моменты возникновения, как случайные и не имеющие отношения к сновидению. Другими словами, мы все время стремимся сохранить и выдержать точку зрения легального сознания, мы ни в чем не хотим отступиться от законов, управляющих этой высшей психической территорией.

Для того, чтобы пробиться к скрытым мыслям сна, необходимо преодолеть это упорное сопротивление. Ведь именно оно и есть та сила, которая в качестве цензуры исказила истинное содержание (скрытые мысли) сна, превратив его в явные образы (в явное содержание) сновидения. Эта сила тормозит и теперь нашу работу; она же — причина легкого и быстрого забвения снов и тех непроизвольных искажений, которым мы подвергаем их при воспоминании. Но наличие сопротивления — очень важный показатель: где оно есть, там бесспорно есть и вытесненное «нецензурное» влечение, стремящееся пробиться в сознание; потому-то и мобилизована сила сопротивления. Компромиссные образования, т. е. явные образы сновидения и замещают это вытесненное влечение в единственно допустимой цензурной форме.

Когда сопротивление во всех его многообразных проявлениях, наконец, преодолено, то проходящие через сознание свободные мысли и образы, по-видимому, случайные и бессвязные, и оказываются звеньями той цепи, по которой можно добраться до вытесненного влечения, т. е. до скрытого содержания сна. Это содержание оказывается замаскированным исполнением желания[3], в большинстве случаев, но не всегда[4], эротического и часто инфантильно-эротического. Образы явного сновидения оказываются замещающими представлениями — символами — объектов желания, или во всяком случае имеют какое-либо отношение к вытесненному влечению.

Законы образования этих символов, замещающих объекты вытесненного влечения, очень сложны. Определяющая их цель сводится к тому, чтобы, с одной стороны, сохранить какую-нибудь, хотя бы отдаленную связь с вытесненным представлением, а с другой — принять вполне легальную, корректную, приемлемую для сознания форму. Это достигается слиянием нескольких образов в один смешанный; введением ряда посредствующих образов-звеньев, связанных как с вытесненным представлением, так и с наличным во сне — явным; введением прямо противоположных по смыслу образов; перенесением эмоций и аффектов с их действительных объектов на другие, безразличные подробности сна, превращением аффектов в свою противоположность и т. п.

Такова техника образования символов сновидения.

Какое же значение имеют эти замещающие образы — символы сна? Чему служат эти компромиссы сознания с бессознательным, дозволенного с недозволенным (но всегда желанным)? Они служат отдушинами для вытесненных влече-

ний, позволяют *частично изживать* бессознательное и этим очищать психику от накопившихся в глубине ее подавленных энергий.

Творчество символов — частичная компенсация за отказ от удовлетворения всех влечений и желаний организма под давлением принципа реальности; это — компромиссное, частичное освобождение от реальности, возврат в инфантильный рай с его «все позволено» и с его галлюцинаторным удовлетворением желаний. Само биологическое состояние организма во время сна есть частичное повторение внутриутробного положения зародыша. Мы, бессознательно, конечно, снова разыгрываем это состояние, разыгрываем возврат в материнское лоно: мы раздеты, мы укутываемся одеялом, поджимаем ноги, сгибаем шею, т. е. воссоздаем положение зародыша; организм замыкается от всех внешних раздражений и влияний; наконец, сновидения, как мы видели, частично восстанавливают власть принципа наслаждения.

3. Поясним все сказанное на примере анализа сна, произведенного самим Фрейдом[5].

Сновидение принадлежит человеку, потерявшему много лет тому назад своего отца. Вот явное содержание (manifester Inhalt) этого сна:

«*Отец умер, но был выкопан и выглядит плохо. После того он продолжает жить, и видевший сон делает все, что в его силах, чтобы покойник не заметил этого*».

Далее сновидение переходит на другие явления, по-видимому, не имеющие ничего общего с этим вопросом.

Отец умер, это мы знаем. Что он *был выкопан*, — не соответствует действительности, которую не приходится принимать во внимание и по отношению ко всему последующему. Но видевший сон рассказывает, что когда он вернулся с похорон отца, у него разболелся зуб. Он хотел поступить с этим зубом по предписанию еврейского религиозного учения: «Если тебя беспокоит зуб, то вырви его», и отправился к зубному врачу. Тот, однако, сказал: «Этот зуб не следует вырывать, нужно только немного потерпеть. Я положу кое-что, чтобы убить нерв, через три дня приходите опять, я выну то, что положил».

«Это вынимание, — сказал вдруг видевший сон, — это и есть выкапывание».

«Неужели он прав? Правда, это не совсем так, а только приблизительно, потому что самый зуб не извлекается, а из него только вынимается что-то, что омертвело. Но подобные неточности можно допустить по отношению к работе сновидений на основании того, что нам известно из других анализов.

В таком случае видевший сон сгустил, слил воедино умершего отца и убитый, но все же сохраненный зуб. И нет ничего удивительного в том, что в явном содержании сна получилось нечто бессмысленное, ибо не может же подходить к отцу все, что можно сказать о зубе. Но в чем состоит это tertium comparationis[6] между зубом и отцом, которое делает возможным сгущение?

«Ответ на это дает сам видевший сон. Он рассказывает, что, как ему известно, если видишь во сне выпадение зуба, то это означает, что кто-нибудь умрет в семье.

«Мы знаем, что это популярное толкование неверно, или, по крайней мере, верно только в шуточном смысле. Тем более поражает нас то обстоятельство, что развивающаяся таким образом тема скрывается и за другими отрывками содержания сновидения.

«Видевший сон без дальнейших расспросов начинает рассказывать о болезни и смерти отца и о своих к нему отношениях. Отец был долго болен, уход и лечение больного стоили ему, сыну, много денег. И, тем не менее, ему ничего не было жалко, он никогда не терял терпения, у него никогда не являлось желание, чтобы все поскорее окончилось. Он хвалится, что проявлял по отношению к отцу истинно еврейский пиэтет и строго выполнял все требования еврейского закона.

«Однако, не бросается ли нам в глаза противоречие в мыслях, относящихся к сновидению? Он отождествил отца с зубом. По отношению к зубу он хотел поступить по еврейскому закону, гласящему, что зуб нужно вырвать, если он причиняет беспокойство и боль. Но и по отношению к отцу он хотел поступить согласно предписанию закона, который, однако, в этом случае требует, чтобы не обращать внимания ни на беспокойство, ни на издержки, всю тяжесть взять на себя и не допускать никаких неприязненных мыслей по отношению к причиняющему боль объекту. Разве сходство не было бы гораздо более несомненным, если бы он действительно проявил по отношению к больному отцу такие же чувства, как по отношению к больному зубу, т. е. желал бы, чтобы скорая смерть положила конец его излишнему страдальческому существованию?

«Я не сомневаюсь, что таким именно и было его отношение к отцу во время длительной болезни и что хвастливые уверения в его богобоязненном пиэтете клонились к тому, чтобы отвлечь внимание от этих воспоминаний. При таких условиях обыкновенно появляется желание смерти по отношению к тому, кто причиняет нам все эти страдания, и это желание скрывается под маской мыслей сострадания, например: это было бы для него только спасением. Но заметьте, что в данном слу-

чае в самых скрытых мыслях сновидения мы перешагнули через какую-то границу. Первая часть их, несомненно, была бессознательна только временно, т. е. только в период образования сновидения. Но враждебные душевные движения против отца, вероятно, накоплялись в «бессознательном» пациента еще с детских лет, а во время болезни отца, замаскировавшись, иной раз робко проскальзывали в сознание. С еще большей уверенностью мы можем утверждать это относительно других скрытых мыслей, которые, несомненно, принимают участие в содержании сновидения. Правда, в сновидении нельзя найти ничего, что говорило бы о враждебных чувствах к отцу. Но если мы проследим до корней подобные враждебные чувства к отцу в детской жизни, то вспомним, что страх перед отцом является потому, что отец уже с самых ранних лет противится сексуальным проявлениям мальчика (эдипов комплекс — *В. В.*). Такое же положение обыкновенно повторяется снова по социальным мотивам в возрасте после наступления половой зрелости. Подобное отношение к отцу имеется и у лица, видевшего данный сон: в его любви к отцу было примешано немало уважения и страха, происходившего от раннего запугивания вследствие сексуальных проявлений.

«Дальнейшие положения явного сновидения объясняются комплексом онанизма (совокупность переживаний, связанных с детским онанизмом —В. В.). «Он плохо выглядит»,— это как будто бы относится к словам зубного врача, что плохо выглядишь, когда теряешь зуб на этом месте. Но в то же время это относится и к плохому виду, благодаря которому молодой человек выдает себя, или опасается, чтобы не обнаружились его половые излишества в период наступления половой зрелости. Видевший сон не без облегчения для самого себя перенес этот плохой вид с себя на отца, — случай довольно частый в работе сновидения[7].

«После того он продолжает жить», — покрывается желанием воскресить отца, как и обещанием зубного врача, что зуб уцелеет. Но особенно ловко составлено предложение: «видевший сон делает все, что в его силах, чтобы он (отец) этого не заметил» — с таким расчетом, чтобы вызвать в нас желание дополнить, что он умер. Но единственно разумное дополнение вытекает из комплекса — онанизма, где само собою разумеется, что юноша делает все, что может, чтобы скрыть от отца проявление своей половой жизни.

«Вы видите теперь, как сложилось это непонятное сновидение. Произошло странное и приводящее в заблуждение сгущение: все образы этого сна исходят из скрытых мыслей и сложились в двусмысленное, замещающее образование»...

Так производится психоаналитическое толкование снов. Метод свободного фантазирования и в данном случае позволил вскрыть все те промежуточные образования — больной зуб и необходимость его удаления — которые соединяют явные образы сновидения — отец выкопан из могилы — с вытесненным бессознательным влечением — инфантильным желанием устранения отца. Скрытые мысли этого сна — вражда к отцу и жажда его устранить — настолько замаскированы в явных образах сновидения, что это последнее вполне удовлетворяет самым строгим моральным требованиям сознания. Вероятно, пациент Фрейда не без труда мог согласиться с подобным толкованием его сна.

Этот сон интересен тем, что его скрытые мысли (т. е. тайные желания) дают выход вражде к отцу, накопившейся в «бессознательном» на протяжении всей жизни пациента. Сон сгущает бессознательные враждебные влечения трех эпох его жизни — эдипова комплекса, периода полового созревания (комплекс онанизма) и, наконец, периода болезни и смерти отца. Во всяком случае, в этом сне зонд анализа проникает до самого его дна — инфантильных влечений эдипова комплекса.

4. Те же методы применяет Фрейд и при анализе других видов компромиссных образований и прежде всего при исследовании патологических симптомов различных нервных заболеваний. Ведь и к толкованию снов Фрейд пришел, исходя из потребностей психиатрии и пытаясь использовать сон как симптом. Если метод был разработан, отшлифован и отточен на анализах снов, то главным материалом для выводов о бессознательном и его содержании послужили, конечно, симптомы нервных заболеваний.

Углубляться хоть сколько-нибудь в эту интересную, но специальную область мы, конечно, не можем. Ограничимся поэтому лишь несколькими словами о психиатрическом применении фрейдовского метода.

На психоаналитическом сеансе больной должен сообщать врачу все то, что приходит ему в голову по поводу симптомов и обстоятельств его болезни. Главная задача при этом, как и при снотолковании, — преодолеть сопротивление, которое оказывает сознание больного. Но это сопротивление в то же время служит для врача важным указанием: где оно особенно бурно прорывается в душе больного, там именно и находится его «больное место», которое должно стать главным участком работы врача. Ведь мы уже знаем: где сопротивление, там и вытеснение. Задача врача — докопаться до вытесненных комплексов в душе больно-

го, так как корень всех нервных заболеваний — в неудачном вытеснении какого-нибудь особенно сильного инфантильного комплекса пациента (чаще всего эдипова). Вскрыв комплекс, нужно дать ему, так сказать, рассосаться в сознании больного. Для этого больной прежде всего должен акцептировать (признать) комплекс, а затем с помощью врача всесторонне изжить его, т. е. превратить неудавшееся стихийное вытеснение (Verdrängung) этого комплекса в сознательное разумное осуждение (Verurteilung) его. Таким путем достигается излечение.

5. Психоаналитический метод применен Фрейдом к целому ряду очень распространенных обыденных жизненных явлений — к обмолвкам, опискам, забвению слов и имен и пр. Все они при анализе оказались компромиссными образованиями такого же типа, как сновидения и патологические симптомы. Этим явлениям посвящена работа Фрейда: «Психопатология обыденной жизни». Остановимся на нескольких примерах из этой области.

Председатель австрийской законодательной палаты однажды открыл заседание словами: «Господа, я признаю наличие законного числа членов и потому объявляю заседание закрытым».

Он должен был сказать, конечно, «открытым». Чем же объясняется такая обмолвка? Это заседание не сулило ему ничего хорошего: он в глубине души желал бы видеть его уже закрытым. И вот это желание, в котором он, разумеется, никогда бы не признался, перебивает — помимо воли и сознания — ход его речи и производит искажение ее[8].

Другой пример:

Один профессор во вступительной речи собирался сказать: «я не в силах (Ich bin nicht geeignet) оценить все заслуги моего уважаемого предшественника», но вместо этого он заявил: «я не склонен (Ich bin nicht geneigt) оценить все заслуги», и т. д. Таким образом, вместо слова «geeignet» (неспособен), он по ошибке употребил очень на него похожее по звуку слово geneigt (не склонен). Смысл получился совсем другой, но как раз выражал бессознательное недоброжелательство профессора к своему предшественнику по кафедре.

Сходные процессы совершаются в случаях забвения каких-нибудь слов или собственных имен. Когда мы пытаемся вспомнить какое-нибудь забытое нами название, в нашем сознании всегда всплывают какие-нибудь другие имена или мысли, имеющие то или иное отношение к забытому названию. Эти непроизвольно всплывающие имена и мысли аналогичны замещающим образам сна. С их помощью мы можем добраться до забытого. В таких случаях всегда оказывается, что

причиною забвения было какое-нибудь неприятное нам воспоминание, по ассоциации связанное с забытым названием. Оно-то и увлекло в «пропасть забвения» это ни в чем не повинное название.

Вот один из таких случаев, приведенный Фрейдом. «Однажды, — рассказывает он, — один незнакомый господин пригласил меня в гостинице выпить с ним стакан итальянского вина. Но оказалось, что он забыл название вина, которое хотел потребовать, — забыл только потому, что оно было для него особенно достопамятным. Из большого числа отдельных «заменяющих» мыслей, которые у него всплыли вместо забытого названия, я мог сделать заключение, что название вина забыто им благодаря какой-то Гедвиге. Он не только подтвердил, что впервые пил это вино в обществе женщины, носившей имя Гедвиги, но благодаря этому воспоминанию сейчас же вспомнил и название вина. В то время, когда это происходило, он был женат и счастлив в браке, а эта Гедвига относилась к поре его холостой жизни, о которой он неохотно вспоминал»[9].

Таким образом, та же знакомая нам психическая динамика борьбы и компромиссов сознания с бессознательным проникает собою, по Фрейду, все эти простейшие явления обыденной жизни.

Дальнейшей областью применения психоаналитического метода являются идеологические образования в собственном узком смысле слова: мифы, искусство, философские идеи и, наконец, социальные и политические явления. О них — в следующей главе.

Примечания:

[1] Фрейд, «Толкование снов», стр. 80 и дал. — Последние иногда называют «остатками дня» (Tagesreste) в силу их отношений к впечатлениям бодрствования.

[2] Ibid., стр. 83—87.

[3] Фрейд, «Толкование снов», стр. 101 и след.

[4] См. Handwörterbuch, стр. 616.

[5] Фрейд, «Лекции по введению в психоанализ». Т. I, стр. 195 и след.

[6] Третье понятие, служащее основой для сравнения двух понятий.

[7] Процесс, при котором скрытые мысли сна переходят в явное содержание сна и вскрытый при помощи толкования Фрейда, называется работой сновидения. — *Прим. ред.*

[8] См. «Психопатология обыденной жизни».

[9] Фрейд, «Лекции по введению в психоанализ», стр. 115.

Глава VI.

ФРЕЙДИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

1. Культура и бессознательное. 2. Миф и религия. 3. Искусство. 4. Формы социальной жизни. 5. Травма рождения.

1. Все идеологическое творчество, согласно учению Фрейда, вырастает из тех же психоорганических корней, что и сновидение и патологический симптом; к этим корням могут быть сведены без остатка как состав, так и форма и содержание его. Каждый момент идеологического построения строго детерминирован биопсихологически. Он — компромиссный продукт борьбы сил внутри организма, показатель достигнутого в этой борьбе равновесия сил или перевеса одной над другой. Подобно невротическому симптому или бредовой идее, идеологическое построение черпает силы из глубин бессознательного, но в отличие от патологических явлений заключает более прочное и устойчивое компромиссное соглашение между сознанием и бессознательным, одинаково выгодное для обеих сторон, а потому и благодетельное для человеческой психики[1].

В фрейдистской философии культуры мы встречаемся со всеми уже хорошо нам знакомыми «психическими механизмами», и потому рассмотрение ее займет немного времени.

2. Создание мифологических образов совершенно аналогично работе сна. Миф — это коллективный сон народа. Образы мифа — замещающие символы вытесненных в бессознательное влечений. Особенно большое значение в мифологии имеют мотивы, связанные с переживанием и вытеснением эдипова комплекса. Известный греческий миф о пожирании Кроносом своих детей, о кастрации и убийстве Кроноса Зевсом, которого мать спасла, спрятав на время в своем чреве (возврат в материнское лоно), — один из типичнейших примеров этого рода. Происхождение всех символов этого мифа из эдипова комплекса совершенно ясно. К той же группе относится распространеннейшее у всех народов сказание о борьбе отца с сыном: борьба Гильдебранда с Гудибрандом в германском эпосе, Рустема и Зораба — в персидском, Ильи Муромца с сыном — в наших былинах — все это вариации одной и той же вечной темы: борьбы за обладание матерью.

Религиозные системы гораздо сложнее. Здесь, рядом с вытесненными комплексами сексуальных влечений очень боль-

шую роль играет бессознательное «Идеал-Я». И для развития религиозных идей и культов питающею почвою является все тот же эдипов комплекс. В зависимости от того, какой именно момент получает преобладание в религиозных переживаниях — тяга ли к матери, или запреты и воля отца («Идеал-Я»), религии подразделяются фрейдизмом на материнские и отцовские. Типичные примеры первых — восточные религии — Астарты, Ваала и др. Наиболее чистым выражением отцовской религии является иудаизм с его запретами, заповедями и, наконец, обрезанием (символ запрета, налагаемого отцом на инцестуозные влечения сына).

Переходим к искусству.

3. Сам Фрейд применил метод толкования снов и симптомов прежде всего к эстетическим явлениям шутки и остроты[2].

Формою острот управляют те же законы, которые созидают формальную структуру образов сна, т. е. законы образования замещающих представлений: тот же механизм обхода легального путем слияния представлений и слов, замены образов, словесной двусмысленности, перенесения значения из одного плана в другой, смещение эмоций и пр.

Тенденция шутки и остроты — обойти реальность, освободить от серьезности жизни и дать выход вытесненным инфантильным влечениям, сексуальным или агрессивным.

Сексуальные остроты родились из непристойности, как ее эстетическая замена. Что такое непристойность? — Суррогат сексуального действия, полового удовлетворения. Непристойность рассчитана на женщину, на ее присутствие, хотя бы воображаемое. Она хочет приобщить женщину к сексуальному возбуждению. Это — прием соблазна. Называние непристойных предметов есть суррогат их видения, показывания или осязания. Облачившись в форму остроты, непристойность еще более маскирует свою тенденцию, делает ее приемлемее для культурного сознания. Хорошая шутка нуждается в слушателе; цель ее — не только обойти запрет, но и подкупить этого слушателя, подкупить смехом, создать в смеющемся союзника и этим как бы социализировать грех.

В агрессивных остротах находит себе выражение, под прикрытием художественной формы, инфантильная вражда ко всякому закону, установлению, государству, браку, на которые переносится бессознательное отношение к отцу и отцовскому авторитету (эдипов комплекс) и, наконец, враждебность ко всякому другому человеку (инфантильное самодовление).

Таким образом и острота только отдушина для подавленных энергий бессознательного, т. е. и она служит в конечном счете этому бессознательному и им управляется. Его нужды создают форму и содержание остроты.

Работ, посвященных специально вопросам искусства, у самого Фрейда больше нет. Дальнейшую разработку этой области производили уже его ученики, главным образом — Отто Ранк.

Всякий художественный образ, по мнению фрейдистов, писавших об искусстве, всегда апеллирует к бессознательному, но в такой форме, что обманывает и успокаивает сознание. Это благодетельный обман: он позволяет изживать общечеловеческие комплексы, не создавая тяжелых конфликтов с сознанием.

Особенно большое значение во всех видах искусства имеют эротические символы. За самым, по-видимому, невинным и привычным художественным образом оказывается, если его расшифровать, какой-нибудь эротический объект. Укажем на один пример, взятый из области русской литературы. Московский профессор Ермаков применил психоаналитический метод к истолкованию знаменитой повести Гоголя «Нос». «Нос» оказывается, по Ермакову, замещающим символом penis'a (мужского полового органа); в основе всей темы потери носа и отдельных мотивов ее разработки лежит так называемый «кастрационный комплекс», тесно связанный с эдиповым комплексом (угрозы отца): страх потери penis'a или половой потенции[3].

Умножать примеры мы считаем излишним.

Но не только из бессознательного «Оно» черпает свои силы искусство, — его источником может стать и бессознательное «Идеал-Я». Так, бессознательное чувство виновности — один из основных мотивов Достоевского; жестокая этическая требовательность к человеку — у Толстого позднего периода — и другие, родственные мотивы из сферы «Идеал-Я» могут питать художественное творчество, хотя наибольшее значение эти мотивы получают не в искусстве, а в философских построениях.

Таким образом, вся содержательная сторона в искусстве выводится из индивидуально-психологических предпосылок; она отражает игру психических сил в индивидуальной душе человека. Для отражения объективного социально-экономического бытия с его силами и конфликтами — не остается места. Там же, где мы в искусстве встречаем образы, заимствованные из мира социальных и экономических отношений, то и эти образы имеют только замещающее зна-

чение: за ними непременно кроется, как и за носом майора Ковалева, какой-нибудь индивидуальный эротический комплекс.

Что же касается вопросов художественной формы и ее техники, то психоаналитики или вовсе обходят их молчанием, или объясняют форму с точки зрения старого принципа — наименьшей затраты сил. Формально художественно то, что требует от созерцающего минимальной траты энергии при максимальном результате. Этот принцип экономии (правда, в более тонкой форме) применен и Фрейдом при анализе техники острот и анекдотов.

4. Теперь необходимо вкратце остановиться на психоаналитической теории происхождения социальных форм. Основам этой теории посвящена одна из поздних книг Фрейда «Massenpsychologie und Ich-Analyse».

В центре всего этого психосоциологического построения находится уже знакомый нам механизм идентификации и бессознательная область «Идеал-Я».

Мы видели, что «Идеал-Я» (совокупность бессознательных требований, велений долга, совести и пр.) образуется в душе человека путем индентификации (самоотождествления) с отцом и другими, недосягаемыми для овладения объектами его ранней любви. Есть важная область проявления «Идеал-Я», о которой нам до сих пор еще не приходилось говорить. Общеизвестно, что влюбленный человек в большинстве случаев склонен наделять любимый им объект всевозможными достоинствами и совершенствами, которыми на самом деле этот объект не обладает. Мы говорим в таких случаях, что человек идеализирует предмет своей любви. Этот процесс идеализации бессознателен: ведь сам любящий совершенно убежден, что все эти достоинства действительно принадлежат самому объекту, и не подозревает о субъективном характере совершающегося только в его душе процесса идеализации. Далее, идеализировать можно не только предмет сексуальной любви в узком смысле слова; мы часто идеализируем нашего учителя, начальника, любимого писателя или художника (переоцениваем его достоинства и не видим его недостатков); можно идеализировать, наконец, даже какое-нибудь учреждение или идею. Одним словом, область возможной идеализации очень широка.

Каков же психический механизм идеализации? Мы можем сказать, что процесс идеализации обратен образованию «Идеал-Я»: там мы вбирали в себя объект, обогащали им свою душу, здесь, наоборот, мы вкладываем в объект часть себя самого, именно свое «Идеал-Я», — мы обогащаем объект, обедняя себя. При обычной

эротической влюбленности этот процесс в большинстве случаев бывает неполным. Но если мы целиком отчуждаем свое «Идеал-Я» в пользу объекта или, другими словами, ставим внешний объект на место «Идеал-Я», мы лишаем себя всякой возможности противостоять воле и власти этого объекта. В самом деле, что можем мы ему противопоставить? Ведь он занял место нашего «Идеал-Я», место критикующей инстанции в нас, место нашей совести! Воля такого авторитета — непререкаема. Так образуется авторитет и власть вождя, священника, государства, церкви[4].

Таким образом, голос отца в период эдипова комплекса, вошедший внутрь человека и ставший внутренним голосом его совести, — теперь, путем обратного процесса, снова выносится во вне и становится голосом внешнего авторитета, непререкаемого и суеверно почитаемого[5].

На этом же процессе замещания «Идеал-Я» личностью другого человека основаны, по Фрейду, и явления гипноза. Гипнотизер завладевает «Идеал-Я» пациента, становится на место этого «Идеал-Я» и оттуда легко управляет слабым сознательным «Я» человека.

Но, конечно, этим индивидуальным отношением человека к носителю авторитета — вождю, жрецу и пр. социальная организация еще не исчерпывается. Ведь кроме этого отношения существует еще тесная социальная спайка между всеми членами племени, церкви, государства. Чем же она объясняется?—Тем же механизмом идентификации. Благодаря тому, что все члены племени перенесли свое «Идеал-Я» на один и тот же объект (на вождя), им не остается ничего другого, как взаимоотождествиться, стать равными друг другу, нивелировать свои различия. Так образуется племя.

Вот резюмирующее определение самого Фрейда: примитивная масса (коллектив) есть совокупность индивидов, которые на место своего «Идеал-Я» поставили один и тот же внешний объект и, вследствие этого взаимоотождествили свои «Я»[6].

Как видит читатель, и социальная организация по Фрейду вполне объясняется психическими механизмами. Психические силы создают общение, формируют его, дают ему прочность и длительность. Борьба же с установившимся общественным авторитетом, социальная и политическая революция в большинстве случаев имеют свои корни в «Оно»: это восстание «Оно» против «Идеал-Я», точнее, против замещающего его внешнего объекта. Наименьшее значение во всех областях культурного творчества имеет наше

сознательное «Я». Это «Я» отстаивает интересы реальности (внешнего мира), с которыми оно пытается примирить вожделения и страсти «Оно»; сверху же на него давит «Идеал-Я» со своими категорическими требованиями. Таким образом, сознательное «Я» служит трем враждующим между собой господам (внешнему миру, «Оно» и «Идеал-Я») и старается примирить постоянно возникающие между ними конфликты. В культурном творчестве «Я» играет формальную и полицейскую роль, — пафос, силу и глубину культуры создают «Оно» и «Идеал-Я».

5. Тенденции, заложенные в последнем периоде развития фрейдизма, как мы уже указывали, нашли наиболее крайнее и резкое выражение в книге Отто Ранка—«Травма рождения». Это как бы синтез фрейдистской философии культуры. На ней мы и должны остановиться в заключение.

Нужно отметить, что Ранк — любимый ученик Фрейда и считается самым ортодоксальным фрейдистом. Книга посвящена учителю и преподнесена ко дню его рождения. Признать ее случайным явлением никак нельзя. Она вполне выражает дух фрейдизма наших дней.

Вся жизнь человека и все его культурное творчество является, по Ранку, ничем иным, как изживанием и преодолением на различных путях и с помощью различных средств травмы рождения.

Рождение человека в мир травматично: организм, вытолкнутый в процессе родов из материнского лона, переживает страшное и мучительное потрясение, равным которому будет только потрясение смерти. Ужас и боль этой травмы есть и начало человеческой психики, это — дно души. Страх рождения становится первым вытесненным переживанием, к которому затем стягиваются последующие вытеснения. Травма рождения — корень бессознательного и вообще психического. Избыть ужас рождения человек не может во всей последующей жизни.

Но вместе с ужасом рождается и тяга назад, — в пережитый рай внутриутробного состояния. Эта жажда возврата и этот страх — основа того двойственного отношения, которое испытывает человек к материнскому лону. Оно влечет к себе, оно и отталкивает. Эта «травма рождения» определяет задачу и смысл как личной жизни, так и культурного творчества.

Внутриутробное состояние характеризуется отсутствием разрыва между потребностью и ее удовлетворением, т. е. между организмом и внешней реальностью: ведь внешний мир в собственном смысле для зародыша не существует — это организм матери,

непосредственно продолжающий его собственный организм. Все характеристики рая и золотого века в мифах и сагах, характеристики будущей мировой гармонии в философских системах и религиозных откровениях и, наконец, социально-экономический рай политических утопий — явно выдают черты своего происхождения из этой же тяги к внутриутробной жизни, однажды пережитой человеком. В основе их лежит смутная, бессознательная память о действительно бывшем рае, поэтому-то они так сильно действуют на душу человека; они не выдуманы, но их правда не в будущем, а в прошлом каждого человека. Правда, ворота рая охраняет суровый страж, — ужас рождения, который не позволяет памяти пробудиться до конца и заставляет облекать тягу к материнскому лону в различные замещающие образы и символы.

Травма рождения воспроизводится в болезненных симптомах: в детском страхе, в неврозах и психозах взрослых. Здесь она потрясает тело больного, непродуктивно повторяя (конечно, в ослабленной форме) действительное потрясение, пережитое в момент рождения. Но при этом травма не изживается. Действительное преодоление травмы возможно только на путях культурного творчества. Ранк определяет культуру как совокупность усилий превратить внешний мир в замену, в суррогат (Ersatzbildung) материнского лона.

Вся культура и техника символичны. Мы живем в мире символов, которые, в последнем счете, знаменуют одно — материнское лоно (собственно uterus) и пути в него. Что такое пещера, в которую забивался первобытный человек? Что такое комната, в которой мы чувствуем себя уютно? Родина, государство и пр.? — Все это только суррогаты и символы оберегающего материнского лона.

Ранк пытается показать путем анализа архитектурных форм их скрытое сходство в uterus'ом. Формы искусства он выводит из того же источника — травмы рождения; так архаические статуи с их скрюченными, сидячими телами недвусмысленно выдают положение зародыша. Только греческий человек пластики — атлет, свободно играющий во внешнем мире — знаменует преодоление травмы. Греки первые умели чувствовать себя хорошо во внешнем мире: у них не было тяги в темноту и уют внутриутробного состояния. Они разрешили загадку сфинкса, которая, по Ранку, есть именно загадка рождения человека.

Все творчество, таким образом, обусловлено как со стороны формы, так и со стороны содержания актом рождения в мир. Но наилучшим суррогатом рая, наиболее полной компенсацией травмы рождения является, по Ранку, сексуальная жизнь. Coitus — есть частичный возврат в uterus.

Смерть, по Ранку, тоже воспринимается человеком как возврат в uterus. Страх же, связанный с мыслью о смерти, повторяет ужас рождения. Древнейшие формы погребения: зарывание в землю («мать-земля»), сидячее положение покойника с поджатыми ногами (положение зародыша), погребение в лодке (намек на uterus и околоплодную жидкость), формы гроба, наконец, связанные с погребением обряды — все это выдает бессознательное понимание смерти, как возврата в материнское лоно. Греческий способ сжигать трупы также знаменует наиболее удачное преодоление травмы рождения. Последние судороги агонии, по мнению Ранка, точно повторяют первые судороги рождающегося организма.

Методы Ранка в этой работе совершенно субъективны. Он не пытается дать объективного физиологического анализа травмы рождения и ее возможного влияния на последующую жизнь организма. Он ищет только воспоминания о травме в снах, в патологических симптомах, в мифах, искусстве, философии.

Характерно понимание Ранком психоаналитических сеансов, как воспроизведения акта рождения (самое психоаналитическое пользование тянется нормально около 9 месяцев): сначала libido больного прикрепляется к врачу; полутемный кабинет (в освещенной части находится только больной, врач — в полумраке) изображает для больного uterus матери. Конец лечения воспроизводит травму рождения: больной должен освободиться от врача и этим отреагировать свое травматическое отделение от матери, так как травма рождения — последний источник всех нервных заболеваний.

На этом мы можем закончить изложение фрейдизма. Переход к критической части нашей работы прекрасно подготовлен книгой Ранка. Это — великолепное reductio ad absurdum некоторых сторон фрейдизма.

Примечания:

[1] Фрейдист Юнг указывает на ряд удивительных совпадений между фантазиями больного Dementia praecox (юношеским слабоумием) и мифами первобытных народов. — *Прим. ред.*

[2] Freud, «Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten (1921). III. Auflage. Есть русский перевод.

[3] Проф. Ермаков, «Очерки по психологии гоголевского творчества».

[4] «Massenpsychologie und Ich-Analyse», стр. 81 (1921 г.).

[5] Ibid., стр. 83.

[6] «Massenpsychologie und Ich-Analyse», стр. 87—88.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КРИТИКА ФРЕЙДИЗМА

Глава VII.

ФРЕЙДИЗМ, КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

1. Фрейдизм и современная психология. 2. Элементарный состав психики и «бессознательного». 3. Субъективизм психической «динамики». 4. Критика теории эрогенных зон. 5. Фрейдизм и биология.

1. Во второй главе нашей книги мы охарактеризовали два основных направления современной психологии — субъективное и объективное. Теперь мы должны постараться дать точный и обстоятельный ответ, к какому из этих направлений нужно отнести фрейдизм[1].

Сам Фрейд и фрейдисты полагают, что они совершили коренную реформу старой психологии, что ими заложено основание совершенно новой, объективной науки о психическом.

К сожалению, ни Фрейд, ни фрейдисты никогда не попытались выяснить сколько-нибудь точно и подробно свое отношение к современной им психологии и практикующимся в ней методам. Это — большой недостаток фрейдизма. Психоаналитическая школа, подвергшаяся сначала дружной травле всего ученого мира, замкнулась в себя и усвоила несколько сектантские навыки работы и мышления, не совсем уместные в науке. Фрейд и его ученики цитируют только себя и ссылаются только друг на друга; в более позднее время начали цитировать еще Шопенгауэра и Ницше. Весь остальной мир для них почти не существует[2].

Итак, Фрейд ни разу не сделал серьезной попытки сколько-нибудь подробно и обстоятельно размежеваться с другими психологическими направлениями и методами: неясно его отношение к интроспективному методу (самонаблюдение), к лабораторно-экспериментальному, к вюрцбургской школе (Мессер и др.), к функциональной психологии (Штумпф и др.), к дифференциальной психологии (В. Штерн)[3] и, наконец, к новым попыткам объективных методов так называемого американского behaviorism'a (бихэвиоризм — психология как наука о поведении). Невыясненной остается и позиция Фрейда в знаменитом споре, волновавшем его современников-психологов и философов, о психофизическом параллелизме и психофизической причинности[4].

Когда Фрейд и его ученики противопоставляют свою концепцию психического всей остальной психологии — увы, не давая себе даже труда дифференцировать эту остальную пси-

хологию,—они обвиняют ее в одном: в отождествлении психического и сознательного. Для психоанализа же сознательное — только одна из систем психического[5].

Может быть, это отличие психоанализа от остальной психологии действительно настолько велико, что между ними уже не может быть ничего общего, не может быть даже того минимума общего языка, который необходим для сведения счетов или размежевания? — Фрейд и его ученики, по-видимому, в этом убеждены.

Но так ли это?

Увы, на самом деле фрейдизм перенес в свои построения все основные пороки современной ему субъективной психологии. В этом легко убедиться, надо только не дать себя обмануть его сектантской, но в общем яркой и меткой терминологией.

2. Прежде всего фрейдизм догматически усвоил старое, идущее от Тетенса и, благодаря Канту, ставшее общепринятым, разделение душевных явлений на волю (желания, стремления), чувство (эмоции, аффекты) и познание (ощущения, представления, мысли); притом он сохраняет те же определения этих способностей, какие были в ходу в психологии его времени и, как мы видим, ту же их дифференциацию. В самом деле, если мы обратимся к элементарному составу психики, как ее мыслит фрейдизм, то увидим, что она слагается из ощущений, представлений, желаний и чувств, т. е. из тех же самых элементов, из которых строилась и «душевная жизнь» старой психологии. Далее, уже совершенно не критически все эти психические элементы, и притом, в их обычном, ходячем значении, переносятся Фрейдом в область бессознательного: и в нем мы находим желания, чувства, представления.

Но ведь эти элементы психической жизни существуют только для сознания. Ведь разложение психики на элементарные компоненты производилось старой психологией при помощи обычного метода самонаблюдения, который — как это утверждает и сам Фрейд — совершенно не способен в своей обычной форме вывести нас за пределы «официального сознания».

Самонаблюдение, действительно, сплошь сознательно. Даже сами психологи-субъективисты в лице некоторых своих крупных представителей еще задолго до Фрейда утверждали, что самонаблюдение с одной стороны пристрастно (не может освободиться от оценок), а с другой — слишком рационализирует психическую жизнь, и потому его показания нуждаются в существенной переработке. Но во всяком случае са-

монаблюдение возможно только с точки зрения сознания. Другой точки зрения старая психология и не знала, и потому отождествляла психическое с сознательным.

Таким образом ясно, что расчленение психики на элементы чувства, воли и знания было продиктовано старой психологии не кем иным как сознанием. Точка зрения сознания являлась руководящей при заложении этих основ субъективной психологии.

Но имеем ли мы право строить бессознательное по аналогии с сознанием и предполагать в нем точно такие же элементы, какие мы находим в сознании? Ничто нам не дает такого права. Отбросив сознание, становится совершенно бессмысленным сохранять чувства, представления и желания.

Когда человек субъективно-сознательно мотивирует свои собственные поступки, он, конечно, не может обойтись без ссылки на свои желания, чувства и представления; но когда мы начнем анализировать эти поступки объективно, стараясь последовательно и до конца выдержать точку зрения внешнего опыта, мы нигде не найдем в составе поведения подобных элементов: внешний объективный опыт должен опереться на совершенно иные — м а т е р и а л ь н ы е элементарные компоненты поведения, ничего общего не имеющие с желанием, чувствами и представлениями.

Таким образом, только в свете субъективного самосознания картина нашей психической жизни представляется нам как борьба желаний, чувств и представлений. Какие же действительные объективные силы лежат в основе этой борьбы — об этом самосознание нам ничего сказать не может. Если мы на одни желания и чувства наклеим ярлык «бессознательные», а на другие — «предсознательные» и «сознательные», мы только впадем во внутренние противоречия с самими собою, но за пределы субъективного самосознания и открывающейся только ему картины психической жизни мы не выйдем. Отказавшись от точки зрения самосознания, нужно отказаться и от всей этой картины и составляющих ее элементов, нужно искать совершенно иной опоры для понимания психики. Так именно и поступает объективная психология. Фрейд же из старых субъективных кирпичей пытается возвести совершенно новое quasi-объективное здание человеческой психики. Что такое «бессознательное желание», как не тот же старый кирпич, только перевернутый на другую сторону!

3. Но фрейдизм поступает еще хуже: он не только переносит в бессознательное элементы сознания, о н с о х р а н я е т з а н и м и и в б е с с о з н а т е л ь н о м в с ю п о л н о т у и х п р е д м е т н о й д и ф ф е р е н ц и р о в а н н о с т и и л о г и ч е-

ской отчетливости: бессознательное оказывается, по Фрейду, очень ярким и разнообразным миром, где все представления и образы совершенно точно соответствуют определенным предметам, все желания определенно направлены, а чувства сохраняют все богатство своих оттенков и тончайших переходов.

Обратим внимание на работу цензуры. Фрейд считает ее «механизмом», работающим совершенно бессознательно (сознание, как помнит читатель, не только не контролирует работу цензуры, но даже и не подозревает об ее существовании). Но как тонко угадывает этот «бессознательный механизм» все логические оттенки мыслей и нравственные нюансы чувств! Цензура проявляет громадную идеологическую осведомленность и изощренность; она производит между переживаниями чисто логический, этический и эстетический отбор. Совместимо ли это с ее бессознательной, механической структурой!

Такой же в высшей степени «сознательный» и идеологический характер обнаруживают и все другие «психические механизмы» Фрейда (например, известный читателю механизм перенесения); действительно механического в них меньше всего. Они совсем не природны, не натуралистичны, а идеологичны.

4. Бессознательное, таким образом, нисколько не приближает психику к материальной природе; его введение нисколько не помогает нам связать психическую закономерность с общеприродною объективною закономерностью. В психоанализе разрыв между субъективно-внутренним и материальным остается тот же, что и в психологии сознания.

Конечно, и все те методологические трудности, которые неизбежно связаны с этим разрывом единства и непрерывности внешнего объективного опыта, возникают и для фрейдизма. Заняв субъективную позицию, психоанализ лишился прямого и непосредственного подхода к материальному. С ним ему нечего делать: приходится или вовсе игнорировать его, или растворять в психическом.

В самом деле, Фрейд и его ученики нигде не имеют дела непосредственно с материальным составом и с материальными процессами телесного организма, они ищут только отражений соматического в психике, т. е. в конечном счете они и все органическое подчиняют методам самонаблюдения, психологизуют его.

Такой именно резко выраженный характер психологизации соматического носит знаменитое учение Фрейда об эрогенных зонах (т. е. сексуально возбудимых час-

тях человеческого тела). Фрейд не опирается на какую-либо физиологическую теорию их, его совершенно не интересует химизм этих зон, их физиологическая связь с другими частями тела. Фрейд подвергает анализу и всестороннему изучению только психические эквиваленты их, т. е. ту роль, которую играют связанные с этими зонами субъективные представления и желания в психической жизни человека с точки зрения его внутреннего самонаблюдения.

Место и функции той или иной эрогенной зоны (например, гениталий) в телесном целом организма — внутренняя секреция половых желез, ее влияние на работу и форму других органов, ее связь с телесной конституцией и пр. — все эти развертывающиеся во внешнем, материальном мире процессы совершенно не определяются Фрейдом и по-настоящему не учитываются им.

Как связана роль эрогенной зоны в материальном составе организма с той ролью, какую она играет в изолированно взятой субъективной психике — на этот вопрос Фрейд не дает нам никакого ответа. В результате получается какое-то дублирование (удвоение) эрогенных зон: *их судьба в психике становится совершенно самостоятельной и независимой от их физико-химической и биологической судьбы в материальном организме.*

Эти черты психоанализа обнажаются особенно резко, когда Фрейд начинает строить теорию человеческих характеров на основе своего учения об эрогенных зонах. Коснемся только одного наиболее яркого по своему субъективизму момента этой теории.

Фрейд утверждает, что преобладание в инфантильной эротике анальной зоны (т. е. особая сексуальная возбудимость заднепроходного отверстия при испражнении) приводит к выработке определенных черт характера, сохраняющихся на всю жизнь человека. Так, у анального эротика вырабатывается черта бережливости и скупости следующим путем: детская страсть задерживать кал и оттягивать процесс испражнения для того, чтобы получить при его выполнении большее наслаждение, превращается у взрослого (у которого анальная эротика подвергается вытеснению в бессознательное) в страсть задерживать и копить золото (деньги), которое похоже на кал.

В этой теории нет ни слова — ни о каких бы то ни было материальных основах характера, заложенных в телесной конституции человека, ни о физических и объективно-социальных влияниях окружающей среды. *Весь процесс сло-*

жения характера протекает в пределах изолированно взятой субъективной психики. Между удержанием кала и удержанием денег, между калом и золотом существует только весьма натянутое субъективное сходство, так сказать — сходство впечатлений, — но нет никаких реальных, материальных нитей, которые связывали бы их в материальном составе самого организма и окружающей его среды, т. е. в объективном опыте. Таким образом, эрогенные зоны, по Фрейду, определяют характер и поступки человека— ведь характер совершенно не отделим от его материального выражения в поведении человека — совершенно минуя и тело, и телесную конституцию, и вообще какую бы то ни было материальную среду.

Такое отношение Фрейда к материальному составу организма вполне понятно. Внутреннее переживание, добытое путем самонаблюдения, и не может быть непосредственно связано с данными объективного внешнего опыта. Вполне последовательно можно провести только одну или другую точку зрения. Фрейд, в конце концов, и склоняется к последовательному проведению внутренней субъективной точки зрения: вся внешняя реальность в последнем счете оказывается для него только психическим «принципом реальности», который он помещает в одну плоскость с «принципом наслаждения».

Некоторые фрейдисты (Ранк, Пфистер, Гроддек) утверждают, что психоанализу удалось нащупать совершенно особую область бытия — не физического, но и не психического, а как бы нейтрального, из которого затем путем дифференциации может возникнуть как физическое, так и психическое бытие.

К этому нейтральному роду бытия и принадлежат глубины бессознательного; только в самых верхних его пластах — ближе к предсознательному — начинается дифференциация душевного и телесного.

Подобное утверждение, конечно, философски чрезвычайно наивно. Оно совершенно обходит вопрос о методе, вопрос, который в данном случае является решающим.

Мы можем спросить: в каком опыте лежит это «нейтральное бытие» и протекает процесс его дифференциации — во внутреннем или во внешнем?

Этот вопрос старательно обходится названными фрейдистами. Но мы знаем, что во внешнем опыте мы подобного бытия не найдем. В объективном опыте мы находим процесс чрезвычайного усложнения материальной организации, приводящей на определенной ступени, к появлению психики как нового качества материи; но мы,

конечно, никогда и нигде не найдем в этом опыте выделения и материи и психики из чего-то третьего. Это — наивно метафическое утверждение, черпающее свой материал из внутреннего субъективного опыта, но облекающее его в фиктивную нейтральную форму.

5. Некоторые сторонники Фрейда утверждают, имея в виду по преимуществу его «теорию влечений», что объективным базисом психоанализа является биология.

Это утверждение ни на чем не основано. С большим правом можно говорить о психологизации и субъективизации Фрейдом биологии. Все объективно-биологические формы и процессы организма фрейдизм растворяет в субъективно-психическом. Все те биологические термины, которыми пестрят страницы психоаналитических книг и статей, теряют здесь свою объективную устойчивость, совершенно растворяясь в субъективно-психологическом контексте.

В подтверждение этого достаточно указать на фрейдовскую классификацию влечений.

Все влечения, кроме сексуальных, он объединяет в одну группу *влечений* «Я» (Ichtriebe). Обнаженно-субъективный принцип этой классификации совершенно ясен. Нечего говорить о том, что с точки зрения строгой биологии подобная классификация недопустима. Даже виталисты и те никогда открыто не признают, что биология может где-либо иметь дело с «Я».

Что же касается второй классификации влечений (последнего периода), то она носит уже явно метафизический характер. Эрос, лишенный всякого определенного соматического (телесного) источника и обнимающий все без исключения проявления органической жизни, ничем не лучше Бергсоновского «жизненного порыва» (élan vital) или шопенгауэровской «воли», а влечение к смерти ничуть не лучше тяготения к нирване.

Таким образом, *психоанализ во всем остается верен точке зрения внутреннего субъективного опыта*. Со стороны принципиально методологической он ничем существенным не отличается от психологии сознания. Это — другая разновидность субъективной психологии, не больше. В последнем счете и психоанализ опирается на данные самонаблюдения. Правда, он дает им другую интерпретацию, пытается построить из них другую картину человеческой психики; но ведь как ни интерпретируй и ни истолковывай субъективных данных, оставаясь на почве внутреннего опыта, ничего объективного из них не получить. Для этого нужно переменить самую точку зрения, но этого-то как раз Фрейд и не делает.

Примечания:

[1] Критическая литература о Фрейде невелика. Кроме уже названных нами работ укажем: Dr. Maag, «Geschlechtsleben und seelische Störrungen» (Beiträge zur Kritik der Psychoanalyse), 1924; Otto Hinrichsen, «Sexualität und Dichtung», 1912; Edgar Michaelis, «Die Menschheits-Problematik der Freudschen-Psychoanalyse. Urbild und Maske», Leipzig, 1925.

[2] Нужно сказать, что и официальная наука до сих пор не вполне легализовала фрейдизм, а в академических философских кругах говорить о нем считается даже дурным тоном. См. Wittels, «Z. Freud, der Mann, die Schale, die Lehre» (1924). Есть русский перевод с пред. проф. Рейснера в изд. ГИЗ'а. В вышедшем в 1923 г. обзоре немецкой философии в XX веке Вилли Моога Фрейд и психоанализ совсем не упоминаются, а в обзоре Meyer-Frienfels'а только мельком в нескольких строках.

[3] Все это — современные первому и второму периоду развития фрейдизма направления субъективной психологии.

[4] Сам Фрейд допускает психофизическую причинность, но в то же время на каждом шагу выдает навыки параллелиста; кроме того, весь его метод базируется на скрытой, невысказанной предпосылке, что всему телесному можно подыскать соответствующий психический эквивалент (в бессознательной психике), а потому и можно отбросить непосредственно телесное, работая только с его психическими заместителями.

[5] См. «Снотолкование», стр. 440—448, и «Я и Оно», стр. 7—12.

Глава VIII.

ПСИХИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КАК БОРЬБА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ, А НЕ ПРИРОДНЫХ СИЛ

1. Новизна фрейдизма. 2. «Психическая динамика» как борьба мотивов. 3. Проекция социальной динамики в индивидуальную душу. 4. Проекция сознательного настоящего в бессознательное прошлое. 5. Факты и конструкция. 6. Объективные факторы «психической динамики».

1. Итак, мы убедились, что фрейдизм только одна из разновидностей субъективной психологии. Мы видели также, в чем заключается та общая почва, на которой он сходится со всеми субъективистами. Но этим дело не исчерпывается: мы должны еще отчетливо выделить и правильно оценить то, что как раз *отличает* его от других субъективных направлений.

Ведь есть же что-то до парадоксальности новое и оригинальное, что поражает каждого, кто впервые знакомится с фрейдизмом. Это впечатление новизны, вероятно, создалось и у нашего читателя, когда он следил за изложением психоанализа. В этом нужно разобраться.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с учением Фрейда и что сохраняется, как последнее и самое сильное впечатление от всей его конструкции, это, конечно, та *борьба*, тот *хаос*, то *неблагополучие* нашей психической жизни, которые красною нитью проходят через всю концепцию Фрейда, и что он сам называет «психической динамикой».

В этом, действительно, существенное отличие Фрейда от всех других психологических направлений. Душевная жизнь старой психологии — это «тишь да гладь, да Божья благодать». Все налажено, все на своем месте, никаких катастроф, никаких кризисов. От рождения до смерти — ровный и гладкий путь спокойной и целесообразной эволюции, постепенного роста души. На смену детской невинности приходит сознательность разума взрослого человека. Этот наивный *психологический оптимизм* — характерная черта всей дофрейдовской психологии. Только у одних он выражен резче, у других же — в более скрытой форме проникает всю картину душевной жизни человека.

Этот психологический оптимизм — наследие того *биологического оптимизма*, который господствовал в науке до Дарвина. Это было наивное представление о премудрой

целесообразности живого организма, которое сменилось, наконец, дарвиновским учением о борьбе за существование, о гибели слабых, о выживании и размножении только наиболее приспособленного меньшинства. Строгое понятие природной необходимости воцарилось во всех областях последарвиновской биологии. Только психика, управляемая мудрым сознанием, осталась последним прибежищем для изгнанных из всех других областей понятий целесообразности, гармонии и пр. Психическое противопоставлялось природному и стихийному, как царство гармонии и порядка.

В этих взглядах на психику фрейдизм, по-видимому, и произвел наиболее радикальную перемену.

«Природность души», «стихийность душевной жизни» — это прежде всего усвоила и затвердила из всего учения Фрейда широкая публика. Склонные к ницшеанству (а таких среди поклонников Фрейда очень много) предпочитают, впрочем, говорить о «трагичности душевной жизни».

По поводу последнего выражения необходимо сейчас же заметить, что хотя природная необходимость действительно чужда целесообразности и гармонии, но она не менее далека и от трагедии. Впрочем, может быть, это выражение и не характерно для всего фрейдизма.

Действительно ли удалось Фрейду нащупать природу в нашей душе? Действительно ли борьба «Я», «Оно» и «Идеал-Я», «влечения к смерти» и «эроса» — есть борьба стихий? Может быть, все это — только борьба мотивов в индивидуальном сознании человека? В таком случае это более похоже на «бурю в стакане воды», чем на борьбу стихий.

Чтобы ответить на этот вопрос, нам предстоит повторить здесь в несколько иной связи тот ряд мыслей, который мы уже начали развивать в предшествующей главе.

2. Вся психологическая конструкция Фрейда в своей основе базируется на словесных высказываниях человека, являясь только их особой интерпретацией. Все эти высказывания строятся, конечно, в сознательной сфере психики. Правда, поверхностным мотивам сознания Фрейд не доверяет, а пытается проникнуть в более глубокие пласты психического. Но тем не менее он берет высказывания не с их объективной стороны, он не ищет их физиологических и социологических корней, он пытается в них самих найти истинные мотивы поведения: сам больной должен сообщить ему о глубинах «бессознательного».

Таким образом конструкция Фрейда остается в пределах того, что может сказать о себе и о своем поведении сам человек на основе своего собственного внутреннего опыта. Фрейд,

правда, направляет самонаблюдение на новые пути, заставляет его проникнуть в иные пласты психики, но *от самонаблюдения как единственного метода удостоверения в реальности психических явлений он не отказывается*. И «бессознательное» может и должно войти в круг самонаблюдения. Ведь больной должен сам признать содержание «бессознательного» (например—какой-нибудь вытесненный комплекс), вспомнить о нем, удостовериться в его существовании с помощью самонаблюдения. Только этим путем какое-нибудь вытесненное в «бессознательное» переживание приобретает ценность психологического факта.

Для самонаблюдения же все продукты бессознательного принимают форму желания или побуждения, находят *словесное* выражение и уже в таком виде, т. е. в виде *мотива*, осознаются человеком.

Вполне понятно, что между сознанием и бессознательным господствуют, по учению Фрейда, такие взаимоотношения, которые ничем не похожи на поддающиеся точному объективному учету отношения двух *материальных сил*. В самом деле, между сознанием и бессознательным кипит полемика, господствуют взаимное непризнание и непонимание, стремление обмануть друг друга. Да ведь подобные взаимоотношения возможны между двумя идеями, двумя идеологическими направлениями, двумя враждующими людьми, но вовсе не между двумя природными материальными силами! Разве, например, между двумя физическими явлениями возможны взаимный обман или непризнание?

Конечно, только уже войдя в сознание, облачившись в формы сознания (в формы определенных по своему содержанию желаний, мыслей и пр.) продукты бессознательного могут вступить в противоречия с этическими требованиями или могут восприниматься как обман «цензуры».

Таким образом, *вся психическая динамика Фрейда дана в идеологическом освещении сознания*. Это, следовательно, *динамика не психических сил, а только различных мотивов сознания*.

Во всей фрейдовской конструкции психической борьбы со всеми осуществляющими ее механизмами мы слышим только пристрастный голос субъективного сознания, истолковывающего поведение человека. Бессознательное — это только один из мотивов этого сознания, один из способов идеологического истолкования поведения.

Что такое сознание отдельного человека, как не идеология его поведения? В этом отношении мы вполне можем сравнить его с идеологией в собственном смысле слова, являющейся выражением классового сознания. Но никакую идеологию, ни личную, ни классовую, нельзя принимать за чистую монету, нельзя верить ей на слово. Идеология лжет тому, кто не умеет проникнуть за скрытую под нею игру объективных материальных сил.

Например, какое-нибудь религиозное учение вводит в заблуждение только верующего в это учение, наивно принимающего его за то, что оно само себя выдает. Но для историка-марксиста это же учение может оказаться весьма важным и ценным документом, верно отражающим известные социальные противоречия и интересы определенных групп. Он вскроет те реальные экономические и социальные условия, которые с неизбежностью порождают данное религиозное учение.

Так поступает и психолог-объективист: он не принимает на веру никаких словесных высказываний, никаких мотивировок и объяснений, какие сам человек на основании собственного внутреннего опыта дает своему поведению. Он пытается вскрыть объективные корни как всего поведения, так и словесных высказываний человека. Ему эти высказывания уже не смогут солгать. Для него они будут верным выражением объективных условий поведения — физиологических и социально-экономических. За «психической динамикой», за борьбою мотивов психолог-объективист вскроет материальную диалектику природы и истории.

Не так поступает Фрейд; он дает втянуть себя в борьбу субъективных мотивировок сознания. Дело совершенно не меняется от того, что он предпочитает особую группу мотивов — мотивов бессознательного — и добывает их особым путем. Мотив остается мотивом: весомости материального явления он не приобретает. На плодородную почву объективного опыта конструкция Фрейда нас не выводит.

3. Но откуда же взялись «Я», «Оно», «Идеал-Я» и прочие «силы», которыми Фрейд населяет психику человека?

Борьба мотивов не дает никаких оснований для признания этих сил. Борьба мотивов — это реальное явление, данное в объективном опыте, — ведь она находит выражение в словесных высказываниях. Психические же силы являются той произвольной конструкцией, с помощью которой Фрейд пытается объяснить эту борьбу. Как и большинство конструкций субъективной психологии фрейдовская теория является «проекцией» в психику некоторых объективных отношений внешнего мира. В ней прежде всего находят свое выражение очень

сложные социальные взаимоотношения больного и врача.

В чем состоят эти взаимоотношения?

Больной желает скрыть от врача некоторые свои переживания и события жизни, хочет навязать врачу свою точку зрения на причины болезни и на характер своих переживаний. Врач, в свою очередь, стремится отстоять свой авторитет — как врача, стремится добиться признаний от больного, старается заставить больного принять правильную точку зрения на болезнь и ее симптомы. Со всем этим скрещиваются другие моменты: между врачом и пациентом могут быть различия в поле, в возрасте, в социальном положении, наконец, различие профессий — всем этим осложняются их взаимоотношения и борьба.

И вот, в этой сложной и своеобразной социальной атмосфере строятся те словесные высказывания — рассказы пациента и его реплики в беседе с врачом, — которые Фрейд кладет к основу своей теории. Можем ли мы признать эти высказывания выражением индивидуальной психики пациента?

Ни одно словесное высказывание вообще не может быть отнесено на счет одного только высказавшего его: оно — продукт взаимодействия говорящих, и шире — продукт всей той сложной социальной ситуации, в которой высказывание возникло. В другом месте[1] мы старались показать, что всякий продукт речевой деятельности человека от простейшего жизненного высказывания до сложного литературного произведения во всех своих существенных моментах определяется вовсе не субъективным переживанием говорящего, а той социальной ситуацией, в которой звучит это высказывание. Язык и его формы — продукт длительного социального общения данной речевой группы. Высказывание находит его в основном готовым. Это — материал высказывания, ограничивающий его возможности. То же, что характерно именно для данного высказывания: выбор определенных слов, определенная конструкция фразы, определенная интонировка высказывания, — все это является выражением взаимоотношений между говорящими и всей той сложной социальной обстановки, при которой происходит беседа. Те же «душевные переживания» говорящего, выражение которых мы склонны усматривать в этом высказывании, на самом деле являются только односторонней, упрощенной и научно неверной интерпретацией более сложного социального явления. Это — особый род «проекции», с помощью которой мы вкладываем (проецируем) в «индивидуальную душу» сложную совокупность социальных взаимоотношений. Слово — как бы «сценарий» того ближайшего общения, в процессе которого оно родилось,

а это общение, в свою очередь, является моментом более широкого общения той социальной группы, к которой говорящий принадлежит. Чтобы понять этот сценарий, необходимо восстановить все те сложные социальные взаимоотношения, идеологическим преломлением которых является данное высказывание.

Дело не меняется, если вместо внешней речи мы имеем речь внутреннюю. И она предполагает возможного слушателя, строится в направлении к нему. Внутренняя речь такой же продукт и выражение социального общения, как и речь внешняя.

Все те словесные высказывания пациента (его вербальные реакции), на которые опирается психологическая конструкция Фрейда, и являются такими сценариями прежде всего того ближайшего маленького социального события, в котором они родились, — психоаналитического сеанса. В них находит свое выражение та сложная борьба врача с больным, о которой мы говорили выше. В этих словесных высказываниях отражается не динамика индивидуальной души, а социальная динамика взаимоотношений врача и пациента. Отсюда та драматичность, которая характеризует фрейдовскую конструкцию. Отсюда и то олицетворение психических сил, на которое мы указывали: здесь, действительно, борются люди, а не природные силы.

Психические «механизмы» без труда выдают нам свое социальное происхождение. «Бессознательное» противостоит не индивидуальному сознанию больного, но прежде всего врачу, его требованиям и его взглядам. «Сопротивление» — это также прежде всего сопротивление врачу, слушателю, вообще другому человеку.

Всю эту динамику взаимоотношения двух людей психологическая конструкция Фрейда проецирует в индивидуальную душу человека. Подобная проекция не является чем-то неожиданным: это, как мы уже сказали, обычное явление в субъективной психологии. Душевные переживания в большинстве случаев только дублируют мир внешних вещей и социальных отношений. Субъективный идеализм был лишь последователен, когда он утверждал, что весь мир — это только переживание субъекта. Когда современная психология пытается провести точную границу между переживанием и предметом, она в конце концов принуждена придти к парадоксальному выводу, что такой границы нет, что все зависит от точки зрения. Один и тот же предмет, в зависимости от того, в какой связи, в каком контексте мы его воспринимаем, оказывается то душевным переживанием (моим ощущением, представлением), то физическим телом или социальным явлением. К наи-

более радикальным выводам в этом отношении пришел один из крупнейших представителей субъективной психологии Вильям Джемс. В своей знаменитой статье «Существует ли сознание» он приходит к выводу, что вещи и мысли сделаны из одной и той же материи, что сознание не вносит никакой новой реальности в мир. Оно — только другая точка зрения на те же самые вещи и явления.

Таким образом фрейдовская душевная динамика и ее механизмы оказываются только проекцией социальных взаимоотношений в индивидуальную душу. Это — сложный драматизованный образ, с помощью которого Фрейд пытается интерпретировать различные стороны человеческого поведения, оставаясь в пределах одной только части этого поведения — словесных реакций человека.

4. Еще на одну сторону фрейдовской конструкции должны мы обратить внимание. Содержание бессознательного, т. е. различные вытесненные комплексы и, прежде всего, эдипов комплекс относятся Фрейдом к прошлому человека, к его раннему детскому возрасту. Но строится все это учение о первых досознательных периодах развития человека на основании показаний взрослых. Те немногие опыты непосредственного анализа детского поведения и детских высказываний, которые удалось произвести фрейдистам[2], не имели, да и не могли иметь существенного значения для выработки фрейдовской конструкции. Эта конструкция сложилась независимо от них и до них, и сами эти анализы уже предполагали ее и всецело на нее опирались. Таким образом, вся конструкция детских комплексов получена ретроспективным путем; она основана на интерпретации воспоминаний взрослых и тех компромиссных образований, с помощью которых можно добраться до этих воспоминаний (вспомним приведенный нами анализ сна, проникающий до скрытых воспоминаний эдипова комплекса).

Можно ли признать такой ретроспективный метод восстановления переживаний раннего детства (ведь комплекс — совокупность переживаний) научно основательным?

Мы полагаем, что таким путем ни до чего реального, объективного добраться невозможно. На самом деле здесь имеет место очень распространенное и типичное явление: истолкование прошлого с точки зрения настоящего. Об объективном воспоминании наших прошлых внутренних переживаний не может быть и речи. Мы видим в прошлом только то, что существенно для настоящего, для того момента, в котором мы вспоминаем наше прошлое. Мы переносим из настоящего в досознательное прошлое ребенка прежде всего

ту идеологическую ценностную окраску, которая характерна только для настоящего. Все те оценки, точки зрения, ассоциации, которые срослись в сознательном периоде нашей жизни с такими понятиями, как «любовь», «половое влечение», «мать», окрасив собою эти понятия, осмыслив их для нас, мы затем переносим на истолкование фактов детской жизни и таким путем создаем из этих фактов связные и осмысленные события, похожие на события взрослой жизни.

«Сексуальное влечение к матери», «отец — соперник», «вражда к отцу», «желание его смерти» — если отбросить от всех этих «событий» то смысловое значение, тот ценностный тон, всю ту идеологическую весомость, которую они приобретают только в контексте нашего сознательного «взрослого» настоящего, то что же останется от них?

Во всяком случае — ровно ничего, что давало бы серьезные права говорить об эдиповом комплексе, т. е. о повторении сюжета эдиповой трагедии в жизни ребенка. Именно того, что дает глубокий и страшный смысл этой трагедии, что ужасает и потрясает зрителя, — как раз и не окажется.

Что же останется? Ряд разрозненных объективных наблюдений, которые можно сделать над поведением ребенка: ранняя возбудимость половых органов (детская эрекция) и других эрогенных зон, трудность отучить ребенка от постоянной близости материнского тела (прежде всего от груди) и т. п. Ряд фактов такого рода оспаривать, конечно, не приходится, и они общепризнаны. Но ведь от этого ряда фактов до грандиозной и неожиданной конструкции эдипова комплекса — целая бездна. Если отказаться от проекции в прошлое точек зрения, оценок и интерпретаций, принадлежащих настоящему, то ни о каком эдиповом комплексе никогда говорить не придется, как бы ни увеличился арсенал объективных фактов, приводимых в его доказательство.

5. Фрейдисты часто заявляют своим критикам: чтобы опровергнуть психоаналитическую теорию, нужно сначала опровергнуть те факты, на которые она опирается.

Подобное заявление в корне неверно. Оно искажает действительное положение вещей. Фрейдизм — это вовсе не ряд фактов и вовсе не тот minimum рабочей гипотезы, который необходим для предварительного объединения и группировки этих фактов. Фрейдизм — грандиозное построение, основанное на чрезвычайно смелой и оригинальной интерпретации фактов, построение, которое не перестанет поражать своею неожиданностью и парадоксальностью, даже если признать все эти приводимые в его доказательство внешние факты.

Сами факты проверяются, подтверждаются или отвергаются повторными наблюдениями или контрольными опытами.

Но на критическом отношении к основам конструкции это не может отразиться. Возьмем совершенно чудовищную конструкцию «травмы рождения» Ранка. Неужели для того, чтобы признать ее, по меньшей мере, невероятной, нужно опровергать факт физиологического потрясения организма в момент рождения на свет ребенка (выталкивание, удушье от притока воздуха в легкие, влияние атмосферы и пр.)? Факт этот верен (хотя детальному научному физиологическому исследованию он еще не подвергнут) и общеизвестен. И все же при чтении книги Ранка невольно возникает вопрос: «всерьез» это все или «нарочно»?!

То же самое приходится сказать и об отношении фактов детской сексуальности к конструкции эдипова комплекса. Эти факты не могут ее подтверждать, так как лежат в иной плоскости, в ином измерении, чем она. Факты лежат во внешнем объективном опыте, конструкция же — в сфере внутренних переживаний детской души. Более того, чтобы вообще иметь право говорить о детской сексуальности, должно понимать под словом «сексуальность» только строго определенную совокупность физиологических проявлений. Если же мы имеем в виду данные во внутреннем опыте переживания, связанные с этими проявлениями, пропитанные оценками и точками зрения, — мы уже строим произвольную конструкцию: вместо физиологического факта сексуальности мы берем его идеологическое оформление. Таким *чисто идеологическим оформлением, проецированным в детскую душу*, и *является конструкция эдипова комплекса*. Это вовсе не чистое беспримесное выражение объективных физиологических фактов.

То же самое приходится сказать и о других моментах содержания бессознательного. Все это — проекция в прошлое таких идеологических истолкований поведения, которые характерны лишь для настоящего. За пределы субъективной конструкции Фрейд нигде не выходит.

6. Что же остается от «психической динамики» за вычетом этой неприемлемой для нас конструкции?

— Конфликты внутри вербализованного поведения человека. Борьба мотивов, но не борьба материальных сил.

За нею, как и за всякою идеологическою борьбой, в каком бы масштабе она ни велась, кроются какие-то объективные материальные процессы. Но их фрейдизм не вскрывает. Ведь для того, чтобы их обнаружить, нужно выйти за пределы субъективной психологии, выйти за пределы всего, что может сказать о себе сам человек на основании собственного внутреннего опыта, как бы широко этот опыт ни понимать.

Одни из этих объективных факторов поведения носят физиологический (в последнем счете физикохимический) характер. Эти факторы могут быть изучены теми методами, которые легли в основу учения о рефлексах академика Павлова и его школы, или теми, которые так блестяще и основательно разработаны недавно умершим Жаком Лебом в его знаменитой теории тропизмов[3], или иными разновидностями единого в своей основе физиологического метода. Но для объяснения человеческого поведения всего этого мало. Особенно те конфликты вербализованного поведения, с которыми сталкивает нас фрейдизм, прежде всего нуждаются для своего понимания в строгом и всестороннем учете социально-экономических факторов. Только с помощью гибких методов диалектического материализма мы имеем возможность осветить эти конфликты.

То, что мы называем «человеческой психикой» и «сознанием», в гораздо большей степени отражает диалектику истории, нежели диалектику природы. Природа в ней дана уже в экономическом и социальном преломлении.

Содержание человеческой психики, содержание мыслей, чувств, желаний — дано в оформлении сознанием и, следовательно, в оформлении человеческим словом. Слово — конечно, не в его узко лингвистическом, а в широком и конкретном социологическом смысле — это и есть та объективная среда, в которой нам дано содержание психики. Здесь слагаются и находят внешнее выражение мотивы поведения, соображения, цели, оценки. Здесь рождаются и конфликты между ними.

В задачу критического очерка не может, конечно, войти положительное учение о мотивах и конфликтах вербализованного поведения. Мы можем наметить только то направление, в котором возможно объективное понимание и изучение этих явлений.

Примечания:

1 См. «Звезда», № 6, 1926 г. — наша статья «Слово в жизни и слово в поэзии».

2 Важнейшая работа самого Фрейда, посвященная анализу детского нервного заболевания: Geschichte der Fobie eines 5-jahrigen Knaben».

3 См. Ж. Леб, «Вынужденные движения, тропизмы и поведение животных», Москва, ГИЗ (год не указан), и «Значение тропизмов для психологии», в «Нов. идеи в филос.», сб. № 8.

Глава IX.

СОДЕРЖАНИЕ СОЗНАНИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ

**1. Социологичность словесных реакций.
2. Методы изучения содержания сознания.
3. Понятие «житейской идеологии».
4. Различные пласты «житейской идеологии».
5. Сексуальное. 6. Выводы.**

1. Мы знаем, что фрейдизм начался с недоверия к сознанию, с принципиальной критики тех мотивов, какими человек, совершенно искренно и добросовестно, склонен объяснять и комментировать свое поведение (вспомним опыт Бернгейма). Сознание — это тот комментарий, который всякий взрослый человек прилагает к каждому своему поступку. По Фрейду, этот комментарий неверен. Не верна и та психология, которая кладет его в свою основу.

Там, где Фрейд критикует психологию сознания, мы можем всецело к нему присоединиться: сознательная мотивировка человеком своих поступков, действительно, ни в коем случае не является научным объяснением его поведения. Но мы идем дальше: и мотивы бессознательного нисколько не объясняют поведения, ибо, как мы видели, фрейдовское бессознательное ничем принципиально не отличается от сознания; это — только другая форма сознания, только идеологически иное ее выражение.

Мотивы бессознательного, которые вскрываются на психоаналитических сеансах с помощью метода «свободного фантазирования», суть такие же словесные реакции пациента, как и все обычные другие мотивы сознания; они отличаются от этих последних, так сказать, — не по роду своего бытия, а только по своему содержанию, т. е. идеологически. В этом смысле бессознательное Фрейда можно назвать в отличие от обычного «официального» сознания — «неофициальным сознанием».

С объективной точки зрения мотивы как официального, так и неофициального сознания даны совершенно одинаково во внутренней и во внешней речи, и одинаково являются не причиной поведения, а компонентом, составною частью его. Для объективной психологии всякий мотив человека есть составная часть его поступка, а вовсе не причина его. Можно сказать, что поведение человека распадается на двигательные реакции («действия» в узком смысле слова) и на сопровожда-

ющую эти реакции *внутреннюю и внешнюю речь* (словесные реакции). Оба эти компонента цельного поведения человека объективны и материальны и требуют для своего объяснения объективно-материальных же факторов как в самом организме человека, так и в окружающей его природной и социальной среде.

Словесный компонент поведения определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами. Социальная среда дала человеку слова и соединила их с определенными значениями и оценками, социальная же среда не перестает определять и контролировать словесные реакции человека на протяжении всей его жизни.

Поэтому все словесное в поведении человека (равно и внешняя и внутренняя речь) ни в коем случае не может быть отнесено на счет изолированно взятого единичного субъекта, оно принадлежит не ему, а его *социальной группе* (его социальному окружению).

В предыдущей главе мы показали, что всякое конкретное высказывание всегда отражает в себе то *ближайшее* маленькое социальное событие — событие общения, беседы между людьми, — из которого оно непосредственно возникло. Мы видели, что «динамика» Фрейда отражает психоаналитический сеанс с его борьбою и перипетиями, то социальное событие, из которого родились словесные высказывания пациента. Но в настоящей главе нас интересует не этот ближайший контекст высказывания, а те более широкие длительные и прочные социальные связи, в динамике которых вырабатываются все элементы содержания и формы нашей внешней и внутренней речи, весь тот запас оценок точек зрения, подходов и пр., с помощью которых мы освещаем для себя самих и для других свои поступки, желания, чувства, ощущения.

Это содержание нашего сознания и всей психики в ее целом, а также и те отдельные высказывания, с помощью которых оно проявляет себя во-вне, всесторонне определяются социально-экономическими факторами.

Мы никогда не доберемся до настоящих существенных корней данного единичного высказывания, если будем их искать только в пределах единичного индивидуального организма даже тогда, когда высказывание касается самых, по-видимому, личных, интимных сторон жизни человека. Всякая мотивировка своего поступка, всякое осознание себя (ведь самосознание всегда словесно, всегда сводится к подысканию определенного словесного комплекса) есть подведение себя под

какую-нибудь социальную норму, социальную оценку, есть, так сказать, обобществление себя и своего поступка. Осознавая себя, я пытаюсь как бы взглянуть на себя глазами другого человека, другого представителя моей социальной группы, моего класса. Таким образом, самоосознание в конечном счете всегда приведет нас к классовому сознанию, отражением и спецификацией которого оно и является во всех своих основных, существенных моментах. Здесь — объективные корни даже самых лично интимных словесных реакций.

Как добраться до этих корней?

С помощью тех объективно-социологических методов, которые разработаны марксизмом для анализа различных идеологических построений — права, морали, науки, мировоззрения, искусства, религии.

2. В буржуазной философии долгое время господствовало, да и теперь еще достаточно распространено, убеждение, что произведение культурного творчества можно считать вполне объясненным, если его удалось свести к определенным индивидуальным состояниям и психическим переживаниям человека, создавшего данное произведение.

Этого убеждения, как мы видели, придерживаются и фрейдисты. На самом же деле между содержанием индивидуальной психики и между оформленной идеологией нет принципиальной границы. Во всяком случае, содержание индивидуальной психики ничуть не понятнее и не яснее содержания культурного творчества и потому не может служить ему объяснением. Осознанное индивидуальное переживание уже идеологично и поэтому с научной точки зрения отнюдь не является какой-то первичной и далее неразложимой данностью: нет, это уже определенная идеологическая переработка бытия. Самое смутное содержание сознания дикаря и самое совершенное произведение культуры — лишь крайние звенья единой цепи идеологического творчества. Между ними существует целый ряд непрерывных ступеней и переходов.

Чем яснее становится моя мысль, тем ближе она к оформленным продуктам научного творчества. Более того, достигнуть окончательной ясности моя мысль не сможет, пока я не найду для нее точной словесной формулировки и не приведу ее в связь с теми положениями науки, которые касаются того же предмета, — другими словами, пока я не превращу мою мысль в ответственное научное произведение. Какое-нибудь чувство не сможет достигнуть окончательной зрелости и определенности, не найдя для себя внешнего выражения, не оплодотворив собою слова, ритма, краски, т. е. не отлившись в произведение искусства.

Этот путь, ведущий от содержания индивидуальной психики к содержанию культуры, — долог, труден, но это один путь, и на всем своем протяжении, на всех своих этапах он определяется одной и той же социально-экономической закономерностью.

И на всех этапах этого пути человеческое сознание работает словом, этим самым тонким, но и самым запутанным преломлением социально-экономической закономерности. Изучать словесные реакции в их примитивнейшей житейской форме должно теми же методами, какие выработал марксизм для изучения сложных идеологических построений, так как законы преломления объективной необходимости в слове и тут и там одни и те же.

Всякое словесное высказывание человека является маленьким идеологическим построением. Мотивировка своего поступка есть в маленьком масштабе правовое и моральное творчество; восклицание радости или горя — примитивное лирическое произведение; житейские соображения о причинах и следствиях явлений — зачатки научного и философского познания и пр., и пр. Устойчивые и оформленные идеологические системы наук, искусств, права и пр. выросли и выкристаллизовались из той зыбкой идеологической стихии, которая широкими волнами внутренней и внешней речи омывает каждый наш поступок и каждое наше восприятие. Конечно, оформившаяся идеология оказывает, в свою очередь, могучее обратное влияние на все наши словесные реакции.

3. Назовем внутреннюю и внешнюю речь, проникающую насквозь все наше поведение, «житейской идеологией». Эта житейская идеология в некоторых отношениях более чутка, отзывчива, нервна и подвижна, чем идеология оформившаяся, «официальная». В недрах житейской идеологии и накопляются те противоречия, которые, достигнув известного предела, взрывают, наконец, систему официальной идеологии. Но в общем мы можем сказать, что житейская идеология так же относится к социально-экономическому базису и подчиняется тем же законам развития, как и идеологические надстройки в собственном смысле этого слова. Поэтому и методы изучения ее должны быть, как уже сказано, в основе своей теми же самыми, только несколько дифференцированными и видоизмененными в зависимости от особенностей материала.

Вернемся теперь к тем «душевным» конфликтам, на которые опирается психоанализ и которые он пытается объяснить борьбой сознания с бессознательным. С объективной точки зрения все эти конфликты разыгрываются в стихии внутренней и внешней речи (конечно, помимо их чисто физиологиче-

ской стороны), т. е. в стихии житейской идеологии. Это — не «душевные», а идеологические конфликты, поэтому они и не могут быть поняты в узких пределах индивидуального организма и индивидуальной психики. Они выходят не только за предел сознания, как это думает Фрейд, но и за пределы индивида в его целом.

Сон, миф, шутка и острота и все словесные компоненты патологических образований отражают в себе борьбу различных идеологических тенденций и направлений, сложившихся внутри житейской идеологии.

4. Те ее области, которые соответствуют фрейдовскому процензурованному, официальному сознанию, выражают наиболее устойчивые и господствующие моменты классового сознания. Они близки к оформленной, сложившейся идеологии этого класса, к его праву, морали, мировоззрению. В этих пластах житейской идеологии внутренняя речь легко упорядочивается и свободно переходит во внешнюю речь, во всяком случае не боится стать внешней речью.

Другие пласты, соответствующие фрейдовскому бессознательному, очень далеки от устойчивой системы господствующей идеологии. Они говорят о разложении единства и целостности этой системы, о поколебленности обычных идеологических мотивировок. Конечно, случаи накопления таких рассасывающих единство житейской идеологии внутренних мотивов могут носить случайный характер и свидетельствовать только о социальной деклассированности отдельных лиц, но чаще всего они свидетельствуют о начинающемся разложении, если и не класса в его целом, то некоторых его групп. В здоровом коллективе и в социально здоровой личности житейская идеология, основанная на социально-экономическом базисе, — цельна и крепка: нет никакого расхождения между официальным и неофициальным сознанием.

Содержание и состав неофициальных пластов житейской идеологии (т. е. по Фрейду — содержание и состав бессознательного) в такой же степени обусловлены эпохой и классом, как и ее «процензурованные» пласты и как системы оформленной идеологии (мораль, право, мировоззрение). Например, гомосексуальные влечения древнего эллина господствующего класса совершенно не создавали никаких конфликтов в его житейской идеологии, они свободно переходили в его внешнюю речь и даже находили оформленное идеологическое выражение (вспомним «Пир» Платона).

Все те конфликты, с которыми имеет дело психоанализ, в высшей степени характерны для европейской мелкобуржуаз-

ной современности. Фрейдовская «цензура» очень отчетливо выражает житейско-идеологическую точку зрения мелкого буржуа, а потому получается несколько комическое впечатление, когда фрейдисты переносят ее в психику древнего грека или средневекового крестьянина. Чудовищная переоценка фрейдизмом сексуального момента также чрезвычайно показательна на фоне современного разложения буржуазной семьи.

Чем шире и глубже разрыв между официальным и неофициальным сознанием, тем труднее мотивам внутренней речи перейти во внешнюю речь (устную, письменную, печатную; в узком, широком социальном кругу), чтобы в ней оформиться, уясниться и окрепнуть. Такие мотивы начнут хиреть, терять свое словесное обличие и мало-помалу действительно превращаются в «чужеродное тело» в психике. Целые группы органических проявлений могут оказаться таким путем выключенными из пределов вербализованного поведения, могут стать асоциальными. Так расширяется сфера «животного» в человеке, асоциального в нем.

Конечно, не всякая область человеческого поведения может подвергнуться такому полному отрыву от словесного идеологического оформления. Ведь и не всякий мотив, вступивший в противоречие с официальной идеологией, вырождается в смутную внутреннюю речь и умирает, — он может вступить в борьбу с официальной идеологией. Такому мотиву, если он обоснован в экономическом бытии целой группы, если это не мотив деклассированного одиночки, предстоит социальное будущее, может быть, и победоносное. У такого мотива не будет никаких оснований стать асоциальным, расстаться с общением. Только сначала он будет развиваться в маленькой общественной среде, уйдет в подполье, но не в психическое подполье вытесненных комплексов, а в здоровое политическое подполье. Так именно создается революционная идеология во всех сферах культуры.

5. Есть одна чрезвычайно важная область человеческого поведения, в которой словесные связи налаживаются с большим трудом, и которая поэтому особенно легко выпадает из социального контекста, утрачивает свою идеологическую оформленность, вырождается в первичное животное состояние. Эта область — сексуальное. Разложение официальной идеологии прежде всего отражается на этой области поведения человека. Она становится центром накопления асоциальных и антисоциальных сил.

Эту область частной жизни по преимуществу легче всего сделать базой для социального отступления. Сексуальную

«пару», как какой-то социальный минимум, легче всего изолировать и превратить в микрокосм, ни в ком и ни в чем не нуждающийся.

Для всех эпох социального упадка и разложения характерна жизненная и идеологическая переоценка сексуального и притом в его крайне одностороннем понимании: на первый план выдвигается отвлеченно взятая асоциальная его сторона. Сексуальное стремится стать суррогатом социального. Все люди распадаются прежде всего на мужчин и женщин. Все остальные подразделения представляются несущественными. Понятны и ценны только те социальные отношения, которые можно сексуализовать. Все же остальное теряет свой смысл и значение.

Современный успех фрейдизма во всей Европе говорит о полном разложении официальной идеологической системы. «Житейская идеология» оказалась предоставленной самой себе, разрозненной и неоформленной. Каждая сторона жизни, каждое явление и предмет выпадает из налаженного и для каждого убедительного контекста классовых и социальных оценок. Каждая вещь как бы поворачивается к человеку своей не социальной, своей сексуальной стороной. За каждым словом художественного или философского произведения стал сквозить голый сексуальный символ; все другие стороны и прежде всего социально-исторические оценки, заложенные в каждом слове, уже не улавливаются слухом современного европейского буржуа, они стали только обертонами основного сексуального тона.

Чрезвычайно показательна и в высшей степени интересная черта фрейдизма—сплошная сексуализация семьи и всех без исключения семейных отношений (эдипов комплекс). Семья — этот устой и твердыня капитализма — очевидно экономически и социально стала мало понятной и мало говорящей сердцу, а потому и возможна ее сплошная сексуализация, как бы новое осмысление, «остранение»[1], как сказали бы наши «формалисты». Эдипов комплекс, действительно, великолепное остранение семейной ячейки. Отец — не хозяин предприятия, сын — не наследник, отец — только любовник матери, а сын — его соперник!

Это-то новое и острое «осмысление» всех ставших бессмысленными сторон жизни и привлекает к фрейдизму широкую публику. Очевидность и бесспорность сексуальных влечений противопоставляется здесь сомнительности и спорности всех остальных социальных идеологических оценок. Сексуальность объявляется высшим критерием реальности, существенности. А чем человек деклассированнее, тем острее ощущает он в себе свою «голую природность», свою «стихийность».

6. Фрейдизм — это психология деклассированных — становится признанным идеологическим течением самых широких слоев европейской буржуазии. Вот явление, глубоко симптоматичное и показательное для всякого, желающего понять дух современной Европы.

Основное устремление философии наших дней — создать мир по ту сторону социального и исторического. «Космизм» антропософии (Штейнер), «биологизм» Бергсона и, наконец, рассмотренный нами «психобиологизм» и «сексуализм» Фрейда, — все эти три направления, поделившие между собою весь буржуазный мир, каждое по-своему служат этому устремлению новейшей философии. Они определили собою физиономию современного «Kulturmensch'a»— штейнерианца, бергсонианца, фрейдиста — и три алтаря его веры и поклонения: магию, инстинкт, сексуальность. Где закрыты творческие пути истории, там остаются только тупики индивидуального изживания обессмысленной жизни.

Примечание:

[1] «Остранение» — такой словесный прием, с помощью которого обычная и знакомая вещь представляется странной и новой.

Глава X.

КРИТИКА МАРКСИСТСКИХ АПОЛОГИЙ ФРЕЙДИЗМА

1. Марксизм и фрейдизм. 2. Точка зрения Б. Быховского. 3. Точка зрения А. Г. Лурье. 4. Точка зрения Б. Д. Фридмана. 5. Рефлексологированный фрейдизм А. Б. Залкинда. 6. Итоги.

1. Читатель, внимательно следивший за изложением фрейдизма, вероятно, уже помимо всяких критических анализов почувствовал глубокую органическую чуждость этого учения марксизму. Трудно не ощутить совершенно иной климат, иной пейзаж фрейдистского мировоззрения. И, тем не менее, среди марксистов существуют горячие апологеты фрейдизма. Нам уже приходилось упоминать о них в первых, ориентировочных, главах работы. Здесь, в заключение критической части нашей книги, мы не можем отказаться от мало благодарной задачи подвергнуть эти марксистские апологии фрейдизма критическому анализу.

Мы не можем, конечно, останавливаться на всех «приемлющих» и «благожелательных» высказываниях и отзывах марксистов о фрейдизме. Часто такие высказывания носят случайный характер, не развиты обстоятельно и не обоснованы. К этой категории высказываний относится и известное заявление тов. Троцкого о приемлемости психоанализа для марксизма в книге «Литература и революция». На них мы останавливаться не будем. Мы ограничим свою задачу рассмотрением работ четырех авторов. Мы рассмотрим:

1) статью Б. Быховского в журн. «Под знаменем марксизма», 1923 г.: «О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда»;

2) статью А. Р. Лурия: «Психоанализ, как система монистической психологии» в сборнике «Психология и марксизм» Моск. Института экспериментальной психологии, 1925;

3) работу Б. Д. Фридмана: «Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма», напечатанную в том же сборнике;

4) работу А. Б. Залкинда: «Фрейдизм и марксизм» в журнале «Красная Новь», 1924 г., № 4, и соответствующие главы его последней книги «Жизнь организма и внушение», 1927 г.

Названные работы являются наиболее развитыми и продуманными попытками оправдать фрейдизм с марксистской точки зрения. Разобрав апологетические доводы этих авторов, мы в общем исчерпаем все достойные рассмотрения доводы, проводившиеся марксистами в защиту фрейдизма.

2. Начнем в хронологическом порядке с разбора работы Б. Быховского.

«Психоаналитическое учение окутано плотной оболочкой субъективизма, и в изложении психоаналитиков явления часто производят впечатление вывороченных на субъективистскую изнанку. Но я старался вылущить здоровое ядро психоанализа и думаю, что оно достаточно ценно и значительно. Я старался доказать, что в своих методологических посылках и в основных принципиальных выводах психоанализ (бессознательно) воспроизводит в области своего исследования положения, провозглашенные диалектическим материализмом. Осознание этого психоаналитиками поставит их учение на широкую прочную основу. Диалектический материализм может зачесть в свой актив еще одну победу» (стр. 176—177).

В таких словах подводит Б. Быховский итоги своего анализа фрейдизма.

В чем же он усматривает «здоровое ядро» психоанализа, «бессознательно воспроизводящее» положения исторического материализма?

Б. Быховский пытается доказать, что психоаналитический метод характеризуется следующими особенностями: объективизмом, материалистическим монизмом, энергетизмом и, наконец, диалектикой.

Разберем эти особенности фрейдовской методологии в освещении Быховского по пунктам.

Объективизм фрейдовского метода Быховский обосновывает чрезвычайно странным образом. Приведем его собственные слова:

«Когда ближе знакомишься с психоанализом, не только убеждаешься в его согласуемости с реактологией, но и начинаешь сомневаться в его субъективизме. Субъективизм кажется затемняющей суть дела оболочкой. В самом деле, психоанализ — учение о бессознательном, о чем-то происходящем *вне пределов* субъективного «я». Бессознательное реально воздействует на реакции организма, часто руководя ими. *Бессознательное не может быть изучаемо через сознание, субъективно.* Это и служит причиной того, что Фрейд изучает *объективные проявления* бессознательного (симптом, ошибка и т. д.), ищет условия минимального участия сознания (сон, детский возраст). Все это безусловно приемлено для реактологии» (стр. 166).

Эти утверждения Быховского находятся в противоречии с самыми основами фрейдистской методологии. «О бессознательном мы можем узнать только через сознание», — говорит сам Фрейд. Вся методика «свободных ассоциаций» имеет толь-

ко одну цель: довести бессознательное до сознания пациента. И терапевтические успехи психоанализа достижимы, по Фрейду, только при том непременном условии, если сам больной в своем собственном внутреннем опыте узна́ет и призна́ет свои вытесненные комплексы[1]. Если бы они остались для больного только внешним объективным фактом, не приобретая для него субъективной подлинности внутренне пережитого, они не имели бы никакого терапевтического значения. Как объективный факт (вне субъективно психики лежащий) мы воспринимаем, например, образ нашего пораженного легкого на рентгеновской пластинке или узнаем о физиологическом механизме процесса кашля. С «бессознательным» же мы можем встретиться только на субъективных путях внутреннего переживания. Сам человек должен нащупать его во внутреннем опыте, на дне своей души. И весь психоанализ есть не что иное, как внутреннее осознание бессознательного. Совершенно непонятно, как Быховский решается утверждать, что «бессознательное не может быть изучаемо через сознание, субъективно»?! Других путей для его изучения нет и не может быть, и самому Фрейду и в голову не приходили иные возможности.

Далее, в корне ложным является утверждение Быховского, что фрейдизм изучает объективные проявления бессознательного в симптоме, ошибке и пр. Конечно, исходит фрейдистский анализ из внешней объективной данности: ошибки, телесного симптома и пр., но именно не эту объективную материальную данность он изучает. Его совершенно не интересует физиологический механизм телесного симптома, например, истерического кашля, а только его внутренняя субъективно-психическая изнанка. Симптом, ошибка, сон и все прочие факты, из которых исходит психоаналитический метод, как бы лишены для него объективной, материальной плоти: психоанализ имеет с ними дело только как с замещающими образованиями, как с компромиссами между сознанием и бессознательным, — следовательно, только как с определенной комбинацией психических сил. В психоаналитическую формулу симптома входят только чистые субъективно-психические величины.

Каким образом психоаналитический метод, всегда и всюду ищущий одну-единственную жемчужину — вытесненное желание, — оказывается объективным методом, приемлемым для реактологии, — остается совершенно непонятным. «Доводы» Быховского оказываются просто голословным утверждением. Иных же доводов он не приводит.

Не лучше обстоит дело и с обоснованием второй особенности психоанализа — его материалистического монизма. Основной довод Быховского сводится здесь к тому, что фрейдистский метод создает непрерывный переход от психики к соматическому через бессознательное (можно построить ряд: сознание — предсознательное — бессознательное — соматическое). Он цитирует известное утверждение Фрейда: «сексуальная функция не представляет собой нечто чисто психическое так же, как не что-то только соматическое. Она оказывает влияние на телесную и душевную жизнь» (стр. 164). Аналогичных цитат можно выбрать из Фрейда немало, но еще больше можно найти у него утверждений и прямо противоположного характера. Одно из них несколько ниже цитирует и сам Быховский. Вот оно:

«Важно выяснить, происходят ли отдельные душевные проявления непосредственно из физических, органических, материальных воздействий, и в таком случае изучение их не дело психологии, или же явления происходят и связаны с другими психическими процессами, за которыми уже где-то дальше скрывается ряд органических причин. Психическими процессами мы всегда называем только процессы „второго рода"» (стр. 165).

Здесь, в этом утверждении Фрейда, все органическое оставляется за бортом психологии. Только чистый психический ряд изучает психоаналитик, остальное его не касается. Но так как «где-то дальше» допускается все же не интересующий психолога ряд органических причин, то мы имеем типично выраженную точку зрения психофизического параллелизма. В общем, в теоретическом решении проблемы взаимоотношения психического и соматического позиция самого Фрейда уклончива и намеренно неясна. Все его относящиеся сюда высказывания противоречивы и неопределенны. Чаще всего вопрос им вовсе обходится. Но нет нужды собирать эти высказывания: сам метод говорит за себя, говорит своей практикой, своей работой. Психоанализ нигде и никогда не показывает нам воздействия соматического на психическое, как этого хочет Быховский. Психоанализ знает только чистый психический ряд, а соматическое только как несамостоятельный момент этого психического ряда. Последовательные психоаналитики, как Ранк и Гроддек, дают этой особенности своего метода ясное и недвусмысленное теоретическое выражение: *все органическое*, по их убеждению, носит *вторичный характер*, первично — только психическое. Это уже чистый монизм, но только *монизм спиритуалистический*.

Действительно, психоанализ в своей основе монистичен. Это — особая современная разновидность спиритуалистиче-

ского монизма. Пусть осторожный Фрейд и балансирует двусмысленно между психофизической причинностью и психофизическим параллелизмом, — самый метод не знает этого колебания: для него не существует никаких непреодолимых и непроницаемых материальных величин, для него все растворяется в бесконечной и зыбкой субъективно-психической стихии.

Переходим к энергетике. Предоставим слово самому Быховскому:

«Согласуемость психоанализа с реактологией не ограничивается изложенным. Она значительно глубже, распространяясь на основу основ теории — энергетизм психических процессов. Энергетическое понимание психических процессов пронизывает от начала до конца психоаналитическое учение Фрейда. Энергетика носит у Фрейда название «экономической точки зрения». Одно только можно с уверенностью утверждать, а именно, что наслаждение каким-то образом связано с уменьшением, понижением или угасанием имеющегося в душевном аппарате количества раздражений, а неудовольствие — с их повышением. Исследование самого интенсивного наслаждения, доступного человеку, наслаждения при выполнении полового акта, не оставляет места сомнению в этом пункте. Так как при таких процессах наслаждения дело касается учета количеств душевного раздражения или энергии, то рассуждения такого рода мы называем экономическими... Мы можем сказать, что душевный аппарат имеет своей целью одолеть и освободиться от воспринимаемых им извне и изнутри раздражений и возбуждений» (стр. 166—167).

Так, на цитате из Фрейда пытается Быховский доказать энергетизм психоанализа. Цитата действительно характерна, но доказывает она не то, что хочется Быховскому.

Что такое эта «экономическая точка зрения» у Фрейда? — Просто огульное перенесение на психику старого как мир принципа «наименьшей траты сил». Но примененный к субъективно-психическому материалу этот принцип, сам по себе пустой и еще ничего не говорящий, становится просто метафорой, поэтической фразеологией, не больше. Этот принцип может стать продуктивной рабочей гипотезой только на таком материале, который поддается точному объективному измерению. Субъективно-психическое, оторванное от всего материального, конечно, никакому измерению не поддается, здесь возможны только произвольные идеологические оценки. Именно такой, по меньшей мере, сомнительной оценкой является циничное заявление Фрейда, что

самым интенсивным наслаждением, доступным человеку, является наслаждение при выполнении полового акта.

Ни о какой энергетике там, где нет опорного пункта для точного измерения, не может быть и речи. Особенность теории Фрейда заключается в том, что она не знает объективного материального раздражителя; она знает только внутренние психические же раздражители (Фрейд, правда, говорит о соматических источниках влечения, но изучению он их не подвергает). Вся фрейдистская теория libido оперирует только такими внутренними раздражителями. Фрейдизм интересуется раздражением, собственно, только с того момента, когда оно начинает фигурировать на внутренней, психической сцене и сталкивается здесь с уже наличными психическими силами; как оно туда попало — это его уже не интересует. Влечения (die Triebe) — это основное понятие всего психоанализа — Фрейд определяет как психические представители соматических раздражений. И он последовательно имеет дело только с этими представителями и борьбою между ними: влечение к матери сталкивается со страхом и стыдом и вытесняется в бессознательное, влечение «я» сталкивается с сексуальными влечениями, влечение к смерти — с эросом и пр. Психоанализ, таким образом, остается в кругу внутрипсихических раздражителей и реакций — переживание реагирует на переживание, чувство на желание, желание — на чувство: страхом душа реагирует на инцестуозную любовь, манией преследования на гомосексуальное влечение и пр. Находящийся во внешнем мире материальный раздражитель и материально выраженное в организме раздражение остаются за пределами теории. Но ведь именно эти измеримые моменты являются опорными пунктами объективных методов психологии.

То же нужно сказать и о превращении психической энергии: переход любви в ненависть, переход влечения с одного объекта на другой и пр. Как измерить количество этой, меняющей свои формы, энергии? Ведь только при этом условии мы могли бы говорить об энергетике не метафорически. Но для этого нужно выйти за пределы субъективно психической картины этих смен, выйти в объективный мир материальных раздражителей и реакций. Но Фрейд этого не делает, он только утверждает, что если это сделать, то, вероятно, концы с концами сойдутся, и энергетика и экономический принцип окажутся оправданными.

В заключение нужно отметить, что экономическая точка зрения внешне пристегнута к учению Фрейда. Он привлекает ее к делу лишь попутно, существа его учения она не затраги-

вает. Утверждение Быховского, что энергетика — основа основ психоанализа, — неверно. По-видимому, Быховский относит к энергетике всю психическую динамику, что, конечно, совершенно нелепо. Что же касается психической динамики, то в своем месте мы показали, что это вовсе не борьба сил (которую можно было бы практиковать энергетически), а борьба жизненно-идеологических мотивов.

Наконец, о диалектике.

На этом вопросе мы не намерены долго задерживаться. Диалектично все мышление человека, диалектична объективирующая во внутренней и внешней речи субъективная психика человека, диалектичен миф и бред сумасшедшего. Более того, диалектична всякая глупость, диалектична ложь, в колею диалектики помимо воли попадает праздная болтовня и сплетня (вспомните диалектику сплетни у Гоголя, определяющую в основном структуру его гиперболического и гротескного стиля). Диалектика — душа всякого движения, даже движения фикций в праздном мозгу человека. Что удивительного, если и та картина житейско-идеологической динамики, которую развертывает Фрейд, оказывается внутренне диалектической. Но есть ли эта диалектика та самая материальная диалектика природы и истории, которую ищет марксистский диалектический метод?

— Конечно, нет! Это — отраженная в голове *идеологически преломленная* и искаженная диалектика каких-то действительных материальных сил. Но эти-то материальные силы Фрейд как раз и не вскрывает: он игнорирует идеологичность, а следовательно—вторичность, специфическую преломленность и искаженность своей «психической динамики», динамики *мотивов*, а не сил. Ни о какой материалистической диалектике в учении Фрейда не может быть и речи, так как это учение ни в чем не выходит за пределы субъективной психики.

Общий недостаток статьи Быховского (и этот недостаток она разделяет с другими, подлежащими разбору, аналогиями фрейдизма): отсутствие подхода к самому психоаналитическому методу как к объективному факту. Надо взять самый метод во время работы и выяснить, что он делает и куда он идет, а не приводить случайных и противоречивых заявлений самого Фрейда и фрейдистов по поводу метода. Надо было бы взять метод свободных ассоциаций и поставить прямой вопрос: какую роль в этом методе играет самонаблюдение и какую — объективное наблюдение? Едва ли мог бы затруднить ответ на такой прямо и точно поставленный вопрос. Но ни Быховский, ни другие апологеты фрейдизма таких прямых вопро-

сов самому методу не ставят, а вместо этого предпочитают заниматься подбором цитат и выписок декларативного характера.

На этом мы закончим рассмотрение работы Быховского. Его тезис о бессознательном воспроизведении фрейдизмом исторического материализма остался необоснованным. Этот род бессознательного, по-видимому, не поддается доведению до сознания.

3. Переходим к работе А. Р. Лурия: «Психоанализ как система монистической психологии».

Вот точка зрения Лурия на фрейдизм:

«Психоанализ», пишет он, «перенося учение о психических явлениях в совершенно иную плоскость учения об органических процессах, происходящих в цельном человеческом организме, резко порывает с метафизикой и идеализмом старой психологии и закладывает (вместе с учением о реакциях и рефлексах человека) твердый фундамент психологии материалистического монизма, позитивно подходящей к психике цельной личности.

«Именно этим психоанализ отвечает на первую задачу, поставленную перед современной психологией крупнейшей философией эпохи — диалектическим материализмом: задачу материалистически подойти к цельной личности и движущим силам ее психики.

«Психоанализ внес крупный вклад в решение этой проблемы, сделав один за другим два крупных шага: утвердив слитность отдельных психических функций и введя всю психику в общую систему органов и их биологически обусловленной деятельности» (стр. 79—80).

Фрейдизм есть психология цельной личности, — в этом утверждении — пафос всей работы Лурия.

Главный недостаток эмпирической психологии наш автор усматривает именно в психической атомистике, в неумении подойти к цельной личности. «Не имея возможности», говорит он, «идти по пути научного «объяснения» психических явлений, экспериментальная психология пошла по пути разложения своего материала на мелкие, изолированные частицы — «атомы» и сепаратного изучения этих гипотетических «элементов» психики» (стр. 53).

Реакцией на это и является, по мнению Лурия, психоанализ.

«В противоположность школьной «атомизирующей» психологии, психоанализ сразу, с первого же шага, начал с про-

блемы личности; он поставил себе задачей изучить личность в целом и те механизмы, которые формируют ее поведение» (стр. 58).

Далее Лурия показывает, что изучение цельной личности есть основное требование и марксистской методологии, подходящей к личности «как к неотъемлемому и активному элементу истории».

Такова точка зрения Лурия.

Нельзя не согласиться с ним, что исторический материализм, действительно, требует изучения цельной личности и дает методологические основы (и только он один дает эти основы) для такого изучения.

Однако, мы знаем, что идея «цельной личности» вовсе не есть достояние одного только марксизма; и едва ли марксизму свойственно исключительное подчеркивание и выдвигание на первый план «цельной личности». Мы знаем, что идея «цельной личности» была кульминационным пунктом романтического идеализма — философии тождества Шеллинга, учения Фихте, — была, наконец, программным лозунгом романтической школы. Но наиболее последовательное выражение в истории философии идея цельной личности получила в монадологии Лейбница. Монада замкнута и довлеет себе и в то же время отражает весь мир, приобщая его к своему внутреннему единству. Можно ли найти более последовательное воплощение идеи цельной личности? Но, более того, можно сказать, что нет и не было такого анти-исторического и анти-социального мировоззрения, которое не выдвигало бы на первый план именно эту идею цельной личности.

Эта идея, таким образом, — обоюдоострое оружие: в подходе к ней требуется сугубая осторожность. Марксизм никогда не говорил о цельной личности и вообще о личности без особых и очень существенных оговорок: он употребляет такие понятия в высшей степени диалектически.

Основная опасность здесь в том, что цельная личность обычно покупается ценою ее изоляции и упрощения. Личность определяется в изолирующих и замыкающих ее от окружающей среды терминах. Личность оказывается не объективным элементом истории, а субъективным единством, самодовлеющим центром переживания мира. Такая «цельная личность», конечно, гораздо дальше от марксизма, чем психическая атомистика экспериментальной психологии.

Требование изучения цельной личности для марксизма отнюдь не является особым самостоятельным требованием, как для индивидуализма, для романтизма, или, например, для современной дифференциальной (структурной) психологии

(Вильям Штерн и его школа); нет, для марксизма это есть лишь часть его основного требования диалектического монизма в изучении личности. Это основное методическое требование мы могли бы развернуть так: нет в личности абсолютно изолированных элементов, — все взаимно связано, все—только часть целого, но и сама личность не изолирована, и сама она есть только часть целого. Как нет изолированных психических элементов, так нет и изолированной личности. Одинаково справедливы оба утверждения: личность цельна (по отношению к изолированным элементам), личность не цельна (по отношению к окружающему бытию, невыделимым элементом которого она является).

Но этот диалектический монизм может быть осуществлен лишь при одном условии — при условии чистого беспримесного объективизма в подходе к личности. Личность должна быть понята и определена в тех же терминах, что и окружающий ее материальный мир. В марксистскую формулу личности и ее поведения должны входить те же величины, что и в формулы окружающей ее социально исторической и природной действительности.

Удовлетворяет ли этому условию фрейдистская психология цельной личности?

— Ни в какой степени!

Бессознательное еще больше и лучше, чем сознание идеалистической психологии, служит тенденции: изолировать и замкнуть личность, загнать ее жизнь в узкий безысходный круг субъективно-психического самоизживания. Личность наделяется своей собственной маленькой историей, маленькой природой, разбивается на несколько внутренних персонажей («Я», «Идеал-Я», «Оно») и становится самодовлеющим микрокосмом.

Доводы Лурия, точнее цитаты из Фрейда и фрейдистов, которыми наполнена его статья, ничего здесь изменить не могут. Можно согласиться с тем упреком, который делает Лурия эмпирической психологии — с упреком в психической атомистике. Но из каких элементов строит Фрейд свою цельную личность? Из тех же самых «атомов» эмпирической психологии: представлений, чувств, желаний. Введение бессознательного нисколько не изменило дела. Вообще же понятие «бессознательного» гораздо субъективистичнее понятия «сознания» эмпирической психологии.

Действительно ли фрейдизм, как это утверждает Лурия, вводит психику в систему организма? Не вводит ли он, наоборот, материальный организм в систему психического?

Верно, конечно, последнее. Организм для психоанализа — вторичное явление. В корне неверно изображать учение об эрогенных зонах как объективно физиологическую теорию. Именно тело, по этой теории, вводится в психическую систему личности, а не наоборот; вводится, конечно, не как объективное внешнее тело, а как переживание телесного, как совокупность внутренних влечений, желаний и представлений, так сказать — тело изнутри.

Совершенно неверной является попытка приписать психоаналитическому понятию «влечения» объективный характер.

«Влечения», говорит Лурия, «являются для психоанализа понятием не чисто психологического порядка, но шире — понятиями, пограничными между психическим и соматическим, понятиями биологическими».

Ни один биолог не согласится, конечно, с таким странным определением биологического, как пограничного между соматическим и психическим; даже виталист Дриш не согласится с этим. Ни о каком пограничном понятии между субъективно психическим и объективно материальным не может быть, конечно, и речи. Ибо нет в опыте такой точки зрения, которая могла бы открыть нам такого своеобразного гибрида. Это — чисто метафизическое понятие, одно из основных понятий спиритуалистической метафизики.

Таким образом, в психоаналитическую формулу цельной личности не входит ни одной объективной величины, которая позволила бы включить эту личность в окружающую материальную действительность природы. Не лучше обстоит дело и со включением ее в объективный социально-экономический процесс истории. Ведь мы уже знаем, что все объективные, исторические образования (семья, племя, государство, церковь и пр.) выводятся Фрейдом из тех же субъективно-психических корней, и их бытие исчерпывается все той же игрой внутренних субъективных сил (власть, как идеал-Я; социальная солидарность, как взаимоидентификация при общности идеал-Я; капитализм как сублимация анальной эротики и пр.).

Подводя итоги, мы можем сказать, что фрейдизм, как психология цельной личности, дает нам изолирующую и замыкающую формулу этой личности, формулу ее субъективного переживания мира, а не объективного поведения в мире.

4. В работе Б. Д. Фридмана, к краткому рассмотрению которой мы теперь переходим, центр тяжести переносится в иные стороны фрейдизма: на первый план для него выступает проблема образования идеологий.

Марксистскую точку зрения на образование идеологий автор выражает следующим образом: «Системой неправильных

отражений мотивов или источников человеческой деятельности является идеология» (стр. 145). Несколько дальше, после подтверждающей цитаты из Энгельса, автор продолжает: «Так как всякая деятельность совершается посредством мышления, ибо все, что побуждает человека к деятельности, проходит через его голову, то мышление принимается за источник побуждения. Ошибка «идеологии» заключается в том, что она допускает независимость мышления («сознания») от других явлений, которых потому и не исследует. Все дело здесь в том, что истинные движущие силы, побудительные мотивы остаются для «идеологии» скрытыми».

Автор утверждает, что эта марксистская точка зрения на образование идеологий совпадает со взглядами Фрейда на тот же предмет.

«С точки зрения учения Фрейда», пишет он, «способ происхождения «идеологии» объясняется механизмом рационализирования, которым обусловлен процесс образования рассудочных систем вообще. При описании этого явления мы уже указывали, что целью его является прикрытие истинных мотивов стремления более высокими, «идеальными», исходящими первично якобы из «сознания». То обстоятельство, что действительные источники стремления остаются для личности незамеченными, объясняется связью этого процесса с системой «бессознательного». Условием образования «системы», или рационализирования является необходимость избегнуть осуждения, определенной тенденции со стороны «сознательного», почему возникает необходимость оправдать их».

Но, понимая одинаково процесс образования идеологий, марксизм и фрейдизм, по мнению Фридмана, изучают разные стороны этого процесса и потому прекрасно дополняют друг друга: марксизм изучает источники идеологических явлений, фрейдизм же самый способ, психический механизм их образований.

«Исторический материализм рассматривает общественное «сознание», как продукт и отражение хода истории, т. е. борьбы различных «желаний» (интересов) в обществе. Учение Фрейда дает объяснение тому, как совершается процесс образования желаний и отражения их борьбы в «головах» людей, под влиянием внешних обстоятельств» (стр. 152).

Действительно, в понимании механизма образований идеологий между марксизмом и фрейдизмом есть грубое внешнее сходство. Но это сходство особого рода: так бывает похожа пародия на оригинал.

В самом деле, идеология и для фрейдизма является надстройкой, но что же является базисом этой надстройки? — Бессознательное, т. е. вытесненные субъективные влечения, преимущественно эротические. Вот что соответствует в психоанализе марксистскому базису! Все здание культуры высится, по Фрейду, на этом своеобразном базисе вытесненных влечений. Но, более того, самый марксистский базис—экономика—для фрейдистов является тоже только надстройкой, возвышающейся над тем же субъективным базисом (например, приведенное нами фрейдистское определение капитализма). Классовой борьбе, производящей искажение идеологий, соответствует во фрейдизме борьба сознания с бессознательным. Разве все это не похоже на пародию?

Самый механизм образования идеологий втискивается психоанализом в узкие пределы субъективной психики индивида, между тем как для марксизма этот механизм социален и объективен: он предполагает взаимодействие индивидов внутри экономически организованного коллектива. Поэтому ни физиология, ни психология этот сложный объективный процесс образования идеологий раскрыть не могут; менее всего это по силам субъективной психологии. Нам уже приходилось говорить о том, что даже простейшее словесное высказывание человека (вербальная реакция его) не укладывается в рамки индивидуального организма.

Далее, искажающим идеологию фактором для марксизма является отнюдь не субъективная психика; с правильной марксистской точки зрения не только сознание в его высших проявлениях, но и все субъективно-психическое, все то, что является для человека в формах его собственного внутреннего опыта — идеологично; идеологичен самый язык этого внутреннего опыта. Искажающие идеологию факторы носят социальный, классовый, а вовсе не индивидуально психологический характер. Скрытые пружины идеологии — объективные социально-экономические силы — находятся, конечно, вне сознания идеолога, но вовсе не в его бессознательном.

Самый дух фрейдистского учения об идеологиях глубоко враждебен марксизму. Фрейдизм проникнут типично мелкобуржуазным, базарным пафосом разоблачительства «высокого» и «идеального» путем сведения его к низменному, «животному». Своеобразно во фрейдизме то, что это низменное животное начало представлено всесильным внепространственным и вневременным миром бессознательного, т. е. понятно чисто спиритуалистически. Впрочем, фрейдизм здесь не одинок: спиритуалистический нигилизм (или спиритуалистический цинизм) — характерное явление буржу-

азной современности. Известная доля нигилизма присуща и спиритуалистическому учению Бергсона о «жизненном порыве», враждебном рассудку и культурным формам, присуща и его словословиям инстинкту. Именно этот нигилистический разоблачительный дух на спиритуалистической подкладке и создал успех фрейдизма в мелко-буржуазных кругах.

От марксистского понимания формулы: «бытие определяет сознание» этот спиритуалистический нигилизм далек как небо от земли.

Фрейдовский механизм образования идеологий (тот же механизм, как мы знаем, служит по Фрейду и для образований снов и невротических симптомов) субъективистичен, индивидуалистичен и спиритуалистичен. Это механизм изолированного, самодовлеющего субъективного изживания жизни, а вовсе не тот объективный, социально-экономический механизм классовой борьбы, который, по марксистскому учению, определяет идеологическое преломление бытия сознанием.

Тезис автора, сводящийся к тому, что бытие, чтобы определять сознание, нуждается во фрейдистских механизмах, не выдерживает критики.

5. Теперь остается рассмотреть позицию А. Б. Залкинда. Его точка зрения, сводящаяся к попытке рефлексологически истолковать фрейдизм, довольно типична. Научная ценность рефлексологии для марксизма представляется несомненной. И вот, многие полагают, что рефлексология должна служить пробным камнем для испытания марксистской пригодности всякой психологической теории.

Здесь необходимо сказать несколько слов о рефлексологии. Оспаривать громадную научную ценность рефлексологического метода, конечно, не приходится. Однако сфера применения этого метода далеко не так широка, как этого хотелось бы некоторым рефлексологам: это один из физиологических методов, одно из разветвлений единого физиологического метода, не больше. *Основные понятия рефлексологического метода определяют конкретную экспериментальную методику*, в этом их значение и ценность; вне условий этой кропотливой, бесконечно медленной, но верной экспериментальной методики рефлексологический метод становится пустой *рефлексологической фразеологией*. Применить рефлексологический метод значит поставить новый эксперимент, а на это требуется громадное количество труда и времени. Метод движется черепашьими шагами, но зато эти шаги верны. Но когда основные рефлексологические понятия (условный рефлекс, торможение и др.) перестают организовывать эксперимент, а начи-

нают организовывать едва ли не мировоззрение, когда они с чисто спекулятивною легкостью переносятся на области, не поддающиеся никакой лабораторно-экспериментальной обработке, эти понятия утрачивают всякую научную ценность, и с марксизмом такая рефлексология ничего общего не имеет.

Оторванный от конкретной экспериментальной методики, аппарат рефлексологических понятий превращается в ничего не говорящую пустую схемку, которую можно применить буквально к чему угодно. Почему бы, например, не истолковать рефлексологически учение Канта: кантовское a priori — это безусловный рефлекторный фонд, a posteriori — условные рефлексы и т. п. Вот Кант и оправдан рефлексологически. Нелепость подобной затеи ясна всякому. Но мы не думаем, что перевод на язык рефлексологии и какой-нибудь чисто психологической теории был работой более продуктивной и благодарной.

Но обратимся к Залкинду. Как осуществляет он «рефлексологизацию» фрейдизма? Что остается от фрейдизма, что остается от рефлексологии в результате соединения этих двух, на противоположных полюсах методологии находящихся, теорий?

Прежде всего Залкинд отказывается от сексуальной теории Фрейда.

«Большинство, — пишет А. Б. Залкинд (под большинством имеется в виду широкая публика), — глубоко убеждено, что «душой», гвоздем фрейдизма является его половая теория и что критическое к ней отношение убивает в корне весь фрейдизм... На самом же деле вовсе не в теории полового влечения истинный центр того фрейдизма, который радикально перетряхивает сейчас всю психо-физиологию» («Фрейдизм и марксизм», стр. 165).

Мы должны прежде всего отметить, что к этому большинству принадлежат и сам Фрейд, и все ортодоксальные и последовательные фрейдисты. Фрейдизм без его сексуальной «души» уже не совсем фрейдизм.

Далее Залкинд очищает фрейдизм с помощью рефлексологического метода (не в его экспериментальном, а фразеологическом применении) от субъективизма и метафизики.

«Рефлексологический метод спасает нас. Его чистый объективизм и биологический монизм разрушают метафизические леса вокруг здания фрейдовского учения и обнажают стойкую материалистическую сущность действительного, не искаженного фрейдизма».

Вот как Залкинд переводит на рефлексологический язык фрейдовский принцип удовольствия:

«Под принципом удовольствия следует понимать ту часть физиологического фонда, которая связана с минимальной затратой организмом его энергии, ту часть, которая накопляется и выявляется по линии наименьшего внутреннего сопротивления. Другими словами, это врожденные, унаследованные установки организма (безусловные рефлексы), и те слои приобретенного, личного его опыта, которые непосредственно и раньше всего выросли на безусловных рефлексах, потребовав для того минимальные затраты его силы. Такими ранними и наиболее легко сформировавшимися являются, конечно, детские («инфантильные», по Фрейду) навыки, развивающиеся обычно при всемерно облегчающем содействии взрослых (родителей, братьев и пр.), без лишних затрат организма на сосредоточение (рефлекс сосредоточения), ориентировку (ориентировочный рефлекс) и пр.» (стр. 171).

Аналогичным способом рефлексологизуется механизм вытеснения. Конечно, он оказывается не чем иным, как торможением.

«Основное понятие психоаналитиков, на котором базируются все их дальнейшие построения, — понятие «вытеснения» — является рефлексологическим. На языке рефлексов оно называется торможением. Рефлекторная жизнь организма заключается в выявлении или создании одних рефлексов и в торможении (вытеснении, оттеснении) или угасании других. Рефлексы, если можно так выразиться, конкурируют друг с другом, и один из них (или группа их) побеждает за счет оттеснения (торможения) прочих, при чем победа обусловлена накоплением около первых наибольшего физиологического напряжения (очаг оптимального возбуждения по Павлову), конечно, побеждает вовсе не наиболее целесообразный рефлекс. Какая же целесообразность у пищевого рефлекса собаки, прикрепленного к нелепому звуковому сигналу? Но, во всяком случае, один из них побеждает, оказывается актуальным, впереди, другие тормозятся, оттесняются. А именно об этом у психоаналитиков и говорится. Когда тормозящее влияние тех раздражителей, которые оттеснили рефлекс, ослабевает, — оттесненный, вытесненный рефлекс может под влиянием того или иного нового стимула (раздражителя) снова появиться, «прорваться». До того же он остается в потенциальном, заторможенном состоянии, в тени актуального, рефлекторного поля или, выражаясь старым субъективистическим языком, — в тени сознания, в подсознании. Итак, пока, как видим, мы имеем у психоаналитиков понятия исключительно в разрезе учения об условных рефлексах» (А. Б. Залкинд, «Жизнь организма и внушение», ГИЗ, 1927 г., стр. 58).

Сложный у Фрейда механизм сновидения и внушения (Фрейдом его анализу посвящено несколько сотен страниц) при рефлексологизации оказывается столь простым, что Залкинд излагает его буквально на протяжении трех строк:

«Анализ механизмов сновидений, элементов внушения получает такое же рефлексологическое истолкование.

«Во сне, когда прекращается действие внешних раздражителей, как мы видели, слишком часто имеющих тормозящее значение, этот внешний покой сам по себе является раздражителем растормаживающего порядка» (Статья в «Кр. Нови», 1924 г., кн. 4, стр. 175).

После рефлексологизации основных фрейдистских механизмов центральное понятие психоанализа — понятие бессознательного — оказывается, конечно, совершенно излишним.

«Итак, фрейдовские утверждения о самостоятельности бытия подсознания, об изоляции последнего от прочего рефлекторного фонда, о подчинении подсознания особого качества законам оказываются неосновательными. «Подсознание» психоаналитиков нашего толка представляет собой временно заторможенную часть общего рефлекторного фонда, и только. Ни малейшего уклонения в сторону от рефлексологического учения» («Жизнь организма», стр. 59).

Рефлексологизовав фрейдизм, Залкинд прибегает к арифметическому способу проверки обратным действием — фрейдизует рефлексологию (в применении к собаке фрейдовский механизм выглядит весьма своеобразно).

«Чрезвычайно интересны в этом смысле опыты Павловской лаборатории над собаками (конечно, без всяких намерений фрейдовского их истолкования со стороны экспериментаторов): серией длительных и настойчиво организуемых раздражений (световых, звуковых или болевых) собака теряет способность реагировать обычным своим хватательным, слюноотделительным и прочими рефлексами на подносимый ей пахучий мясной порошок, независимо от длительности срока предшествовавшего ее голодания, если демонстрация порошка не сопровождается соответствующими условными «сигналами» (звук, свет и пр.). Вначале, конечно, происходит настойчивое торможение по адресу этого нового раздражения («протест принципа удовольствия»): собака рвется к порошку, выделяет слюну и пр., — но пищи не дают без соответствующих предварительных сигнализаций («принцип реальности»). Без получения «разрешения», без условного сигнала она попросту биохимически «не в силах» есть (нет слюны и прочих соков), не имеет «аппетита», «не хочет» есть». (Стр. 173, ст. в «Кр. Нови»).

Спрашивается теперь, что осталось от фрейдизма в результате залкиндовских операций?

Фрейдизм без категории бессознательного, без сексуалогии, без теории влечений и, следовательно, без содержания бессознательного: без эдипова комплекса, без кастрационного комплекса и пр. и пр.; без снотолкования, без Я и Оно или, одним словом, фрейдизм без фрейдизма? Таков результат рефлексологизации.

Что осталось от рефлексологического метода?

— Три ничего не говорящих понятия: безусловный рефлекс, — условный рефлекс, — торможение, т. е. остается рефлексологический façon de parler, но вовсе не рефлексология.

Итак, ни фрейдизма, ни рефлексологии!

Основная ошибка в позиции Залкинда заключается в следующем: нельзя рефлексологизовать другую теорию (как вообще нельзя переводить одну теорию на язык другой теории). Применять рефлексологический метод можно не к чужой теории, а к факту, к материальному явлению; применить же его к факту — значит подчинить изучение этого факта определенной экспериментальной методике.

Но поддаются ли вообще те факты человеческого поведения, по поводу которых теоретизирует фрейдизм, рефлексологическому методу?

—Нет, не поддаются. Рефлексологический метод, как чистый физиологический метод, может овладеть лишь абстрактно выделенным компонентом (составною частью) человеческого поведения, но в целом это поведение не может быть понято рефлексологическим методом: ведь оно не есть только физиологический факт. Нам уже приходилось об этом говорить в другом месте (см. гл. VIII, IX). Те конфликты человеческого поведения, о которых говорит Фрейд, являются не биологическими, а объективно социологическими фактами, идеологически преломленными. Нам представляется поэтому глубоко неверным основное теоретическое убеждение Залкинда в том, что «психика человека — биологическое отражение его социального бытия» (ст. в «Кр. Нови», стр. 163). Вся субъективная сторона психики, именно та, с которой имеет дело Фрейд, есть идеологическое отражение социального бытия. Самое словосочетание «биологическое отражение» представляется нам философски глубоко абсурдным. Основная мысль последней книги Залкинда, сводящаяся к попытке истолкования психологического фактора в жизни организма как совокупности условных рефлексов, — представляется нам в корне ошибочной[2]. Сознание и вообще психический фактор нужно понять в его качественном своеобразии, а не сводить к условным рефлексам. Механизм условного реф-

лекса развертывается в пределах чисто биологически понятого индивидуального организма и чистой же физической среды. В применении к человеку этот механизм—абстракция. В основе психики лежат сложные социально-экономические образования, и самая психика нуждается в особом идеологическом материале: материале слова, значащего жеста и пр.

Только в этом материале субъективно психическое дано как объективный факт. Все это никак не учтено Залкиндом.

Останавливаться на более подробном критическом анализе залкиндовской теории «психического фактора», равно как и на более подробном обосновании нашей точки зрения на психику мы в пределах данной работы, конечно, не можем. Мы рассчитываем это сделать в другом месте. Неосновательность же залкиндовской апологии фрейдизма нами, как мы надеемся, достаточно уже показана.

6. Остается подвести итоги.

Психоанализ — широкое, по-своему глубоко продуманное, органически единое учение, неразрывно связанное с основными предпосылками классового сознания современной европейской буржуазии. Психоанализ плоть от плоти, кровь от крови разлагающейся буржуазной идеологии; мы видели, что он входит в основную колею современной европейской мысли. Марксистские апологии фрейдизма, решая свою безнадежную задачу соединить несоединимое, принуждены разрывать это органическое единство (пусть и больного организма), вырывать из него отдельные элементы и мотивы, которые вне целого видоизменяют или теряют свой смысл. Одни из них, как мы видели, избегая объективно анализировать самый метод, подбирают отдельные декларативные высказывания фрейдистов; другие цепляются за внешние грубые сходства между отдельными моментами фрейдистской теории и марксизма, третьи, наконец, как Залкинд, подменяют фрейдизм куцой рефлексологией.

Спокойный объективный анализ всех сторон фрейдизма едва ли может оставить какие-либо сомнения в правильности данной нами марксистской оценки этого учения.

Примечания:

[1] Это отлично знает и сам Быховский. В другом месте своей статьи он говорит: «Осознание бессознательного — таков лозунг психоаналитической терапии». Как примирить это с его приведенными в тексте утверждениями?

[2] См. главу IX книги Залкинда «Жизнь организма»... — «Психологический фактор в свете учения о рефлексах», стр. 48—72.

КОММЕНТАРИИ

«Фрейдизм» (печатается по изданию: В. Н. Волошинов. Фрейдизм. Критический очерк. М.—Л., ГИЗ, 1927.; в комментариях дальше: Ф, с указанием страницы после запятой) — одна из книг и целого ряда статей 1926—1930 гг., вышедших тогда под именами В. Н. Волошинова, П. Н. Медведева, И. И. Канаева, но принадлежащих к числу так называемых «спорных» работ Михаила Михайловича Бахтина (1895—1975). Первое переиздание «Фрейдизма» на родине ученого, как и вся серия «Бахтин под маской» — попытка ввести в отечественный гуманитарный контекст то, что на Западе принято называть «кружком Бахтина».

Нижеследующий комментарий не претендует на сколько-нибудь полное или хотя бы обстоятельное рассмотрение всех аспектов «девтероканонических» текстов М. М. Бахтина: это — задача подготавливаемого в настоящее время группой сотрудников ИМЛИ под руководством С. Г. Бочарова собрания сочинений Бахтина в девяти томах. Однако и наше издание не может обойтись без комментария. Ведь как бы ни относиться к проблеме «спорных текстов», перед нами уникальное историко-культурное явление, имеющее множество импликаций: на Западе острота в основном связана с «престижем» и историческими судьбами марксизма, на родине Бахтина— с оценкой «формализма» или «формального метода» в литературоведении и в известной мере в лингвистике.

Книга «Фрейдизм» опубликована на Западе на английском (1973 и 1987 — в США), французском, итальянском, русском (см.: М. М. Бахтин. Фрейдизм. Нью-Йорк, Chelidze Publishers, 1983, с послесловием А. Тамарченко) и других языках.

Книги М. М. Бахтина маркируются для краткости в комментариях следующим образом. ФМЛ: П. Н. Медведев. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., Прибой, 1928; МФЯ: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы научного метода в науке о языке. Л., Прибой, 1929; ППД: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. Сов. писатель, 1963; ТФР: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., Худ. литература, 1965; ВЛЭ: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., Худ. литература, 1975; ЭСТ: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979; ФП: М. М. Бахтин. К философии поступка//Философия и социология науки и техники. М., Наука, 1986.

* *
*

С. 6. Понятие «критическая ориентация», или просто «ориентация», — из словаря М. М. Бахтина; методологически в том же духе строится критика формализма в ФМЛ, в статье 1926 г. «Современный витализм», анализ двух ведущих направлений лингвистической мысли в МФЯ и в др. работах. Понять другую точку зрения значит прежде всего ориентировать ее в контексте ее собственного самоопределения, или «продуктивной ограниченности».

«Критика сознания» — та общая территория, на которой сходятся все сколько-нибудь продуктивные направления философской мысли первых десятилетий XX в., подчас противоположные друг другу в других отношениях. Младший современник Бахтина, Г. Г. Гадамер, характеризует поворотную, в философском и общегуманитарном плане, ситуацию 20-х годов как «переход от мира науки к миру жизни», связанный в конечном счете с «той критикой понятия сознания, начало которой было положено Ницше».— Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991, с. 7, 16.

С. 7. Бахтин хочет сказать, что «пансексуализм» Фрейда — это не только и не просто механическое перенесение сексуальности на другие сферы, но и способ интерпретации, позволивший увидеть такие стороны этих других сфер, которые прежде либо вообще не воспринимались, либо игнорировались как несущественные.

Общая стратегия бахтинской критики фрейдизма (как и неовитализма) может быть описана следующим образом. Как и в «официальном» споре механицистов и виталистов (см.: Канаев И. И. /Бахтин М. М./ Современный витализм.—«Человек и природа», 1926, № 1, с. 33—42; № 2, с. 10—22. Републикацию этой работы см. в последнем томе настоящей серии), так и в споре марксизма с фрейдизмом Бахтин не согласен ни с той, ни с другой стороной. И как в том, так и в данном случае он ведет спор как бы с официальной точки зрения, подчеркивая в марксизме как раз социально-историческую его ориентированность (в противоположность «идеологии животного»), но при этом, как и во всех своих «марксистских» работах, вкладывая в официальный дискурс («чужую речь») существенно иные смыслы и перспективы, чуждые как вульгарному социологизму тех лет, так и марксизму вообще.

С. 8. «Сатирикон» Петрония неоднократно фигурирует в работах Бахтина. См., например, анализ этого романа в работе «Формы времени и хронотопа в романе» (1937—1938): ВЛЭ, с. 279—280.

Слово «идеология» во всех, по выражению С. С. Аверинцева, «девтероканонических», текстах Бахтина имеет два основных дискурсивных акцента. Во-первых, это слово официального языка власти; как раз поэтому оно как бы ничье — общее место официального дискурса. Во-вторых, само это официально-ничье слово — наиболее примитивное и внешнее выражение более глубокого поворота — реакции против идеализма предшествующих эпох и фронтальной «критики сознания»; с этой тенденцией Бахтин вполне солидарен. Ср. в ФМЛ: «Философия и гуманитарные науки слишком любили заниматься чисто смысловыми анализами идеологических явлений, интерпретацией их отвлеченных значений и недооценивали вопросов, с их непосредственной реальной действительностью в вещах и их подлинным осуществлением в процессах социального общения /.../ «Смысл» и «сознание» — вот два основных термина всех буржуазных теорий и философий культуры». — ФМЛ, с. 16. В дальнейшем — и уже в работах, изданных под своим именем, — Бахтин нашел компромиссный вариант между двумя «жаргонами подлинности»: между старым понятием «наук о духе» (и вообще «духовными» материями) и новым понятием «идеологии». Бахтин находит такие словообразования, как «идеологическая культура», «духовно-идеологическое творчество» и т. п. Американский лингвист Э. Шульц в своей книге «Диалог на краях: Бахтин, Уорф и лингвистическая относительность» пишет в этой связи: «Табуирование официального языка власти в России всегда компенсировалось, в неофициальном порядке, неслыханной мобилизацией всех внутренних ресурсов языка: парафразой, метафоричностью, всеми возможными и невозможными средствами сказать больше, чем можно, сказать другое или по-другому, чем позволяли стандартизованные формы речи. Там, где естественное в других условиях стремление быть ясным и быть понятным связывалось с опасностью оказаться в тюрьме или ссылке, — язык достигал поразительной тонкости и богатства оттенков значений, коннотаций и импликаций. Вот откуда, по-видимому, у Бахтина (и его соотечественников) такое острое ощущение внутреннего потенциала языка **внутри** преднаходимого, данного языка, когда одно и то же оказывается возможным сказать различным образом, а различные вещи — одинаково». — Schultz E. A. Dialogue at the Margins: Whorf, Bakhtin, and Linguistic Relativity. Madison (Wist) — London, 1990, p. 24.

Перед нами показательный случай бахтинской «карнавальной» критики: в качестве образчика «философии жизни» берется неокантианец Г. Риккерт. Как собственно философия жизни (Ницше, А. Бергсон и др.) для Бахтина — в основном — двойник и изнанка рационалистической «философии сознания», так и эта последняя оказывается на поздней стадии «кризисов и упадка» во внутреннем родстве со своим же оппонентом. Ср. критику философии Бергсона у раннего Бахтина (ФП, с. 91—92).

С. 10. С именем немецкого философа Макса Шелера (1874—1928), но с более поздними его работами Бахтин связывал отход от «монологизма», начавшийся в западной философии в 20-е годы. См. первое издание книги о Достоевском: Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л., Прибой, 1929, с. 79. (Мы оставляем «масковую» опечатку, — Маркс Шелер! — хотя в других случаях явные опечатки исправлялись. Зато сохранена специфика орфографии, пунктуации и шрифтовых выделений. — Прим. издателей «Бахтина под маской». Не путать с «Прим. ред.» из 20-х гг.).

О Г. Дрише см. статью Бахтина, изданную под фамилией И. И. Канаева, «Современный витализм» (см. комментарий к с. 7). Единственный из переживших Бахтина «соавторов» его оставил письменное свидетельство, удостоверяющее, что статья эта целиком написана Бахтиным. См.: Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг его. // Новое литературное обозрение, № 2 (1993), М., с. 74.

См. критику концепции О. Шпенглера у раннего М. Бахтина: ФП, с. 123—124. Уместно отметить, что все «диалогисты» XX в. (Фр. Розенцвейг, Ф. Эбнер, М. Бубер, О. Розеншток-Хюси и др.), принимая общую предпосылку «критики сознания», принципиально и резко противостоят ницшеанской «философии жизни» во всех ее разновидностях.

С. 11. «Социальная и историческая локализация человека», идея «второго рождения» человека в социуме ближайшим образом связана с концепцией «хронотопа», выдвинутой А. А. Ухтомским в сфере биологии и физиологии, а Бахтиным перенесенной в сферу «исторической поэтики». Антиисторизм, о котором пишет Бахтин «в полумаске» (С. Г. Бочаров), сегодня наиболее отчетливо проявляется в попытках ограничиться «топологической» феноменологией сознания, как правило, индивидуалистически понятого.

С. 19. Понятие «социологический» в девтероканонических текстах Бахтина имеет те же два дискурсивных обертона, что и слово «идеологический»: «официальный» и «неофициальный», причем последний первичен; это и позволяло Бахтину не только огрублять, но и обогащать свою мысль во всех «марксистских» своих работах второй половины 20-х годов. Важно иметь в виду следующее: глубокий опыт социальной, коммунальной, т. е. межличностной природы и сознания, и познания — это **основной факт** истории, осмыслявшийся в 20-е годы как на официальном, так и на неофициальном уровне. Характерно само название работы друга Бахтина, ученика Г. Когена, Матвея Исаевича Кагана, «Личность в социологии» (1918; не опубликована). В этом контексте и понятно, и характерно следующее заявление А. Ф. Лосева в предисловии в его книге 20-х годов: «Подлинная стихия живого искусства есть бытие **социальное** (выделено А. Ф. Лосевым — В. М.), по сравнению с которым абстрактна не только логика, но и физика, физиология и психология. Для меня существует социология пространства и времени, социология космоса и всего бытия, не говоря уже о социологическом понимании истории». — Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М., Изд. автора, 1927. с. 5.

Слово «материальный» в переводе с девтероканонического на аутентичный язык Бахтина означает «овнешненный». Не только «внешняя», но и «внутренняя» речь, по Бахтину. повернута вовне и в этом смысле —

диалогична ,внутренне социальна), т. е. сориентирована на «другого». Джеймс Верч, американский психолог, в предисловии ко 2-му уже изданию «Фрейдизма» в США, отмечает, что проект социокультурной психологии, намеченный в 20-е годы «Волошиновым» и Л. С. Выготским, остается нереализованным до сих пор ни в России, ни на Западе. См.: Voloshinov V. N. Freudianism: A Critical Sketch. Bloomington and Indianapolis, 1987, p. VIII—IX.

Понятие «социальной среды сознания» более подробно освещается в ФМЛ (с. 24—26) и МФЯ (с. 21—22). У раннего Бахтина этому термину соответствуют понятия: «правда данного обстояния», «кругозор», «окружение» и ряд других.

С. 22. Критика «догматического спецификаторства» (в противоположность совершенно оправданной и необходимой «спецификации») — сквозной мотив всех исследований Бахтина и, в частности, его критики формализма 20-х годов и структурализма 60—70-х гг. С этим связана его концепция «границы» (или «диалогичности», хотя бы и бессознательной) любой сферы культуры, концепция «причастной автономии или автономной причастности» всякого культурного акта или «поступка». См. в особенности критику «материальной эстетики» в работе 1924 г. «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (ВЛЭ, особенно с. 24—26). По Бахтину, «современный человек» (ФП, с. 96) склонен к автономному самозамыканию в той или иной области культуры, к отрыву «теории» от своей конкретной единственности и «участного мышления». Ср. с замечанием в заметках 70-х гг. о «ложной науке, основанной на непережитом общении» (ЭСТ, с. 349).

С. 23. Эти, достаточно одиозно звучащие и тогда и сегодня, формулировки тем не менее, пусть «вульгарный», но все же — перевод на официальный язык важнейшего, проходящего сквозь все работы Бахтина положения, согласно которому мышление и речь человека **над**- и **меж**-индивидуальны; «внутренне убедительное слово» только потому и убедительно, что не я сам его выдумал и «сделал». С этим связаны такие важнейшие (ныне продуктивные в различных гуманитарных науках) понятия и идеи Бахтина, как «чужая речь» (в ранних текстах — «другость»), «речевые жанры», «память жанра». Ср. в записях 70-х годов: «Поиски собственного слова на самом деле есть поиски именно не собственного, а слова, которое больше меня самого; это стремление уйти от своих слов, с помощью которых ничего существенного сказать нельзя. Сам я могу быть только персонажем, но не первичным автором» (ЭСТ, с. 354).

Понимание мысли, сознания и познания как «двойного зеркала» — вариация основной идеи Бахтина о «двуликом Янусе» культурного творчества, о «зеркальности» нашего взгляда и т. п. Ср.: «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному единству. /... / Акт должен обрести единый план, чтобы рефлектировать себя в обе стороны: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство двусторонней ответственности...» (ФП, с. 83).

С. 28. Словосочетание «философская, идеологическая тема» очень характерно в дискурсивном («металингвистическом», по Бахтину) отношении. Два определения, употребленные через запятую, как якобы однородные, взаимодополнительны. См. также комментарий к с. 19.

С. 30. Соединение понятий «непризнанности» и «изолированности» не столько у Фрейда, сколько у Бахтина (и, конечно, у Достоевского) в высшей степени показательно в контексте темы «Фрейдизм и диалогизм».

С. 31. Словосочетание «чужеродное тело», примененное к бессознательному и (повидимому внетелесной) психике, менее всего чужеродно бахтинскому дискурсу (речевому мышлению). Все реально-значимое, по Бахтину, имеет какую-то «среду», какое-то «тело» — и в этом смысле «материально». Проблема «телесности» пронизывает все творчество Бахтина, начиная от конспективно набросанной «истории тела в идее человека» в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» (1921—1923) (ЭСТ, с. 48—53), она нашла определенное (но во многом еще темное для «современного человека») объяснение в теории «гротескного тела», «двутелого тела» народно-смехового («карнавального») мироощущения и видения в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1940; опубл. 1965). Наконец в позднем тексте (1970) Бахтин говорит о «теле смысла»: «Но между телом и смыслом в области культуры нельзя провести абсолютной границы: культура не создается из мертвых элементов, ведь даже простой кирпич, как мы уже говорили, в руках строителя что-то выражает своей формой» (ЭСТ, с. 334). Ср. с понятием «тела—знака» применительно к художественному произведению в ФМЛ, с. 22.

Для понимания своеобразного диалога Бахтина с Фрейдом важно, что если для Фрейда сравнение психоаналитического учения с исповедью, в смысле «очищающей силы слова», «освобождения от страшного и стыдного» («катарсис»), — это все же в основном только позитивистская метафора, то для Бахтина, наоборот, скорее психоанализ — это довольно бледное и в целом искаженное подобие реального опыта, в наиболее чистой и адекватной форме предстающего в речевом жанре исповеди — от бл. Августина до романов Достоевского. Исповедь — чистая форма самосознания «участного мышления», диаметрально противоположная всякой объективации и всякой эстетизации. Ср. выступление Бахтина 1-го ноября 1925 г. в записи Л. В. Пумпянского: «Бл. Августин против донатистов подверг внутренний опыт более принципиальной критике, чем психоанализ. «Верую, Господи, помоги моему неверию» находит во внутреннем опыте то же, что психоанализ». См.: Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924—1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского (Публикация, предисловие и комментарии Н. И. Николаева. — В кн.: Бахтин как философ. М., Наука, 1992, с. 245). Ср. феноменологическое описание «самоотчета-исповеди» как исходной, до-эстетической жанровой формы, как границы «эстетики словесного творчества» вообще в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», а с другой стороны — «исповедальное сознание» как исток и тайну особого — вне-эстетического! — «равноправия» между автором и героем и между различными героями в произведениях Достоевского.

С. 32. Ответы на вопросы, поднятые Фрейдом и его школой (как и другими духовно-идеологическими направлениями «эпохи кризисов и упадка»— формализмом, марксизмом, экзистенциализмом, неовитализмом и т. п.) Бахтин искал в своем творчестве в диалоге с другими, более или менее забытыми эпохами и голосами прошлого, еще не знавшими, как говорится в книге о Рабле, «наших вопросов», но зато знавшими — на языке своей культуры — ответы на них. Вот почему столь многое из тем Фрейда, в том числе тема «травмы рождения», легко обнаруживается в работах Бахтина — в необычайно расширенном, обогащенном историко-культурном контексте. Ср. ТФР, с. 363, 364.

С. 66. Ср. совершенно аналогичную оценку русского «формального метода» с его «примитивизмом и несколько сектантской резкостью» в работе Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве». — ВЛЭ, с. 23.

С. 67. Это утверждение, согласно которому «сектантская» новизна фрейдизма на поверку оборачивается — в методологически-философском

плане — бессознательным заимствованием той самой системы мышления, из критики которой как раз исходит фрейдизм, — имеет более общий, принципиальный смысл в свете критики «абсурда современного дионисийства» (ФП, с. 119) со стороны «героев-идеологов» (как сказано в книге с Достоевском) современной Бахтину культуры и, шире, — «всей идеологической культуры нового времени» (ППД, с. 106). Бахтин в этом отношении дал до сих пор еще почти вовсе не востребованную методологическую опору для критики «материальной эстетики» — постклассического интеллектуального авангарда XX в. — во всех сферах культурного творчества, от теоретической эстетики до политики.

С. 68. Бахтин хочет сказать — и с полным основанием, — что наша реальная ориентация в действительном событии — в «философии поступка» она определяется как «исхождение из себя», в отличие от жизни «для себя» (ФП, с. 127) — имеет осознанный, более того — творчески осознанный характер, но в то же время в решающем смысле не рефлективна, не «субъективна», не довлеет себе. «Материальные элементарные компоненты поведения», в переводе на язык философии Бахтина, ближе всего к гуссерлеанскому (феноменологическому) понятию «интенциональности». Термин «интенциональный» широко используется самим Бахтиным в первом издании книги о Достоевском, но снят во втором.

Бахтин показывает искусственность и догматизм противопоставления «сознательного» и «бессознательного», как абзацем выше вскрывал искусственность и догматизм традиционного противопоставления «субъективного» и «объективного». И в том, и в другом случае, по его мнению, конкретное событие, и «конкретная историчность» (ФП, с. 83) его подменяются «теоретизмом» понимания, в особенности же — «гносеологизмом всей философской культуры XIX и XX веков», в силу чего «единство свершения события подменяется единством сознания, понимания события, субъект — участник события становится субъектом безучастного, чисто теоретического познания события» (ЭСТ, с. 79). Отсюда — бессознательный нигилизм и «забвение бытия», о которых потом будет говорить М. Хайдеггер: только в просветительски-гуманистическом «монологизме» (М. Бахтин) или «метафизике» (М. Хайдеггер) эта тенденция — «всякое определение объекта должно быть определением сознания» (ЭСТ, там же) — ориентирована на идеализации классического разума, зато в авангардистском модернизме XX в. та же самая тенденция становится «сознательной» деконструкцией разума, усугубленным и, так сказать, альтернативным монологизмом, по выражению Достоевского — «философским самоубийством».

С. 69. Насколько это положение: «бессознательное» не «материально», а представляет собою вывернутую наизнанку догматическую абстракцию прежней метафизики — актуально и сегодня, свидетельствует своеобразный «ренессанс» вульгарного социологизма на Западе в 60—80-е годы, соединившего «постмарксизм» с фрейдистскими, а с другой стороны, — с формалистическими («постструктурализм») ходами мысли. Заметим кстати, что именно в этом контексте, по иронии истории, наследие Бахтина в 60—70-е годы в основном и было «освоено» и даже, парадоксальным образом, стало оказывать достаточно амбивалентное влияние на западную (и советскую) семиотику и «критический марксизм».

С. 71. Нет противоречия в том, что недооценка «материального» момента во фрейдизме, на взгляд Бахтина, — это то же самое, что переоценка его в «материальной эстетике»: и там и тут отказ от принципиальной (т. е. философской) позиции — «философская наивность» — приводит к отказу от различения в предмете «данности» и «заданности» и, как следствие, — к усугубленному, альтернативно-изнаночному и квазинаучному «нейтралитету» истины, истины «в себе». Ср. в работе Бахтина 1924 г.: «... ни один культурный творческий акт не имеет дела с совершенно индифферентной к

ценности, совершенно случайной и неупорядоченной материей, — материя и хаос суть вообще понятия относительные, — но всегда с чем-то уже оцененным и как-то упорядоченным, по отношению к чему он должен ответственно занять теперь свою ценностную позицию». /.../ «Надо также раз и навсегда помнить, что никакой действительности в себе, никакой нейтральной действительности противопоставить искусству нельзя: тем самым, что мы о ней говорим и ее противопоставляем чему-то, мы ее как-то определяем и оцениваем; нужно только прийти в ясность с самим собою и понять действительное направление своей оценки». (ВЛЭ, с. 25, 27).

С. 72. Ср. это с принципиальным утверждением, обращенным в работе 1924 г. ближайшим образом к русскому «формальному методу»: «Нужно перестать быть только самим собою, чтобы войти в историю» (ВЛЭ, с. 23).

С. 75. Связь фрейдизма с ницшеанством, а также с марксизмом, неовитализмом и «философией жизни», в смысле «впечатления новизны», — отказа от христиански-гуманистического наследия европейской культуры (от «ихнего Гейста», как выражались русские формалисты) — образует общий контекст критики Бахтиным «современного человека», «абсурда современного дионисийства» (ФП, с. 119).

С. 77. Типичный бахтинский «карнавальный» перевертыш: понятие «идеология» как бы увенчивается и развенчивается, обнажается двусмысленность этого термина, его «оборотимость» против тех, кто им же и пользуется. Это, по выражению М. М. Пришвина (20-х годов) «обыгрывание принципа» в «Марксизме и философии языка» дойдет до такого «увенчивающего» развенчания понятия «классовой борьбы», что последняя будет открыта уже внутри одного класса, при том, что окажется, что «одним и тем же языком пользуются разные классы». См. МФЯ, с. 30—31.

С. 78. Здесь и далее всякий, читавший работы «самого» Бахтина, расслышит его голос, хотя и в форме «несобственно-прямой» речи. Характерно стремление понять психоаналитический сеанс как своеобразное диалогическое событие.

С. 84. Понятие «неофициального сознания», как бы подсказанное поставленной Фрейдом проблемой «бессознательного», получило глубокую историческую разработку в плане философии культуры Бахтина, в частности и в особенности — в его концепции «неофициальной культуры», представленной прежде всего в книге о Рабле.

С. 86. В терминах Бахтина и его «философии поступка» монструозный оборот—«обобществления себя и своего поступка» означает (в противоположность «официальным» аберрациям) экс-центричность, по-граничность, диа-логичность нашего **я**, именно: «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня» (ФП, с. 122). Я «причастен» (точнее, «причастно вненаходим») объемлющей меня, извне и изнутри, «другости» — моей собственной и других людей, — вот неофициальный бахтинский «голос» внутри официального речевого монстра — «обобществления».

Ср. с критикой «индивидуалистического субъективизма» в понимании языка в «Марксизме и философии языка» (МФЯ, с. 58—70).

С. 88. Понятие «житейской идеологии» глубоко содержательно у Бахтина и в принципе противостоит «официальной» идеологии (в конечном счете «карнавализуя» само понятие «идеология»).

С. 90. «Актуальность» этой характеристики для бывшего советского человека не нуждается в доказательствах. Ср. в лекциях Бахтина о русской литературе в записях Р. М. Миркиной (лекция о С. Сологубе): «В противоположность романтикам мечта у Сологуба обоснована сексуально, а сексуальность примирить с действительностью нельзя. Сексуальное всегда враждебно реальности, сексуален лишь хаос. Спасти может только компромисс». — См.: Запись лекций М. М. Бахтина об Андрее Белом и Ф. Со-

логубе (Публикация С. Бочарова, комментарии Л. Силард). // Studia Slavica Hung. XXIX, 1983, с. 233.

С. 91. Это последнее утверждение не лишено смысла и в отношении круга Бахтина и его самого: собственно весь казус так называемых «спорных текстов», как определили биографы Бахтина, М. Холквист и К. Кларк, «девтероканонические» его работы, связан именно с глубочайшим культурно-речевым «социологическим» распадом 20-х годов, сделавшим возможным «вторую», сталинскую революцию и последующий террор. Это именно ситуация утраты своего социального места и утраты языка «социальной группы», к которой принадлежал Бахтин и его друзья; вот почему К. Вагинов в известном романе «Козлиная песнь» (уже в самом названии осмеивается «трагедия» персонажей и самого автора) именует себя «гробовщиком, а не колыбельных дел мастером», а своих героев «покойниками» в «гробиках». См.: Вагинов К. Козлиная песнь. Романы. М., «Современник», 1991, с. 13. Ср. признание М. М. Бахтина, записанное С. Г. Бочаровым: «„Вообще тогда разложение было в полном ходу, царило презрение к нравственным устоям, все это казалось смешно, казалось, что все рухнуло". „М. М.., и вам тоже?" — „Ммда, отчасти и мне тоже. Мы ведь все предали — родину, культуру". — „А как можно было не предать?" — „Погибнуть. Я тогда же начал писать статью «О непогибших». Статью ненаучную. Конечно, не кончил и, конечно, потом уничтожил". Все это было сказано с ясным лицом и довольно весело (21.XI.1974)». — Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него. // «Новое литературное обозрение», № 2 (1993), М., с. 83.

В. Л. МАХЛИН.

СОДЕРЖАНИЕ

«БАХТИН под маской»
1

Заказ 806 Объем 7,5 п. л. Формат 60x84 1/16

Обнинская городская типография
Упринформпечати Калужской администрации
г. Обнинск, ул. Комарова, 6.

Издательство „Лабиринт"

БАХТИН ПОД МАСКОЙ

1

В. Н. Волошинов. Фрейдизм

2

П. Н. Медведев. Формальный метод в литературоведении

3

В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка

и др. маски.